

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

ИММ

1/2026

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78825

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук (ред. 22.10.2021) по историческим наукам, по научным специальностям:
5.6.1 — Отечественная история, 5.6.2 — Всеобщая история*

2026**Издается 4 раза в год****№ 1****Основен в 2001 г.****Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»****Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»****Редакционная коллегия:**

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (*главный редактор*)

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)

кандидат исторических наук, доцент **И. А. Буданова**
(*ответственный секретарь*)

доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

Международная редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Г. В. Корзенко**,

Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

доктор философских наук, профессор **Г. Мансурова**,
Ташкентский университет информационных технологий
имени Мухаммада ал-Хоразмий (Ташкент)

главный редактор «Русского альманаха» **З. Паункович**, Сербия (Белград)

доктор исторических наук, профессор **Р. Юрковский**,

Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

Электронная копия журнала размещена на сайтах

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Registry entry ПИ № ФС 77-78825 on 30.07.2020)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 22.10.2021)
on historical sciences, on scientific specialties:
5.6.1 — National history, 5.6.2 — General history*

2026

4 issues a year

№ 1

Founded in 2001

by the Council “Intelligentsia. Culture. Power” of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Editorial Board:

Assoc. Prof. **Vasiliy Chernoperov**, Dr. of Sc. (History) (*Editor-in-Chief*)
Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of Sc. (History) (*Deputy Editor-in-Chief*)
Assoc. Prof. **Irina Budanova**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)
Prof. **Galina Budnik**, Dr. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of Sc. (History)
Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of Sc. (History)
Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History)

International Editorial Board:

Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of Sc. (History),
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)
Prof. **Gulnora Mansurova**, Dr. of Sc. (Philosophy),
Tashkent University of Information Technologies
named after Muhammad al-Khwarizmi, Uzbekistan (Tashkent)
Zorislav Paunkovic, Editor-in-Chief of the “Russian almanac”, Serbia (Belgrade)
Prof. **Roman Jurkowski**, Dr. of Sc. (History),
University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Редакционный совет:

- Ю. М. Воронов** Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- О. В. Золотарев** Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
- И. В. Купцова** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- С. Н. Полторак** Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный университет
- А. В. Репников** Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (Москва)
- С. В. Артамошин** Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
- А. А. Корнилов** Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьев** Костромской государственный университет

Editorial Board:

- Yu. M. Voronov** Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
- O. V. Zolotarev** Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
- G. N. Kocheshkov** Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
- I. V. Kondakov** Russian State Humanitarian University (Moscow)
- I. V. Kuptsova** Lomonosov Moscow State University
- V. A. Mansurov** Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
- S. N. Poltorak** Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications
- D. I. Polyvyanny** Ivanovo State University
- V. A. Porozov** Perm State Humanitarian Pedagogical University
- E. M. Raskatova** Ivanovo State University
- A. V. Repnikov** All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management (Moscow)
- S. V. Artamoshin** Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education “Bryansk State Academician I. G. Petrovski University”
- I. V. Sibiriyakov** South Ural State University (Chelyabinsk)
- A. A. Kornilov** National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
- F. Kh. Sokolova** Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
- A. A. Soloviev** Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Романова Н. Р., Лисова С. Ю.* Концепция В. С. Соловьёва как методологическая основа психологического исследования патриотизма 7
- Смирнов Д. А., Сахарова Н. А.* Когнитивный иммунитет личности и общества в эпоху искусственного интеллекта 38

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Степанов А. В.* Столичный интеллигент Серебряного века и телефонная связь 53
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Жизнь провинциальной советской интеллигенции первой половины 1950-х годов (по дневникам и письмам из личного архива Д. А. Крайнова) (Окончание. Начало: «Интеллигенция и мир». 2025. № 4. С. 24—41) 68

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

- Бабич И. Л.* Роль современной интеллигенции в формировании региональной идентичности и патриотизма в малых городах центральной России (на примере Гусь-Хрустального) 85

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Балдин К. Е., Соловьев А. А.* Впечатления российского интеллектуала от путешествий по Ближнему Востоку. Анализ мемуаров А. В. Елисеева (конец XIX в.) 116
- Локшин А. Е.* Вехи биографии Теодора Герцля. Сионизм и антисемитизм в конце XIX — начале XX в. (Окончание. Начало: «Интеллигенция и мир». 2025. № 3. С. 108—128, № 4. С. 67—92) 143
- Дубинин А. И., Ионов Д. Д., Рыжов И. В.* Курдская проблема в трудах ближневосточных ученых 161

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Анисимова А. П., Комиссаров В. В.* Интеллигенция на защите Отечества: опыт, противоречия, проблемы 183

CONTENTS

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Romanova N. R., Lisova S. Yu.* Concept by V. S. Solovyov as a methodological basis for psychological research of patriotism 7
- Smirnov D. A., Sakharova N. A.* Cognitive immunity of the individual and society in the age of artificial intelligence 38

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

- Stepanov A. V.* A silver age intelligent from St. Petersburg and Moscow and the telephone communication 53
- Kostyleva E. L., Utkin A. V.* The life of the provincial soviet intelligentsia the first half of the 1950s (based on the diaries and letters from D. A. Krainov's personal archive) (end. beginning: “Intelligentsiia i mir”, 2025, no. 4: 24—41) 68

INTELLIGENCE IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS

- Babich I. L.* The role of the modern intelligentsia in the formation of regional identity and patriotism in small towns of central Russia (on the example of Gus-Khrustalny) 85

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Baldin K. E., Solovyev A. A.* Impressions of the Russian intellectual from traveling in the middle east. analysis of A. V. Eliseev's memoirs (late XIX century) 116
- Lokshin A. Ye.* Milestones in the biography of Theodor Herzl. Zionism and antisemitism in the late xix — early xx centuries (end. beginning: “Intelligentsiia i mir”. 2025, no. 3: 108—128; no. 4: 67—92) 143
- Dubinina A. I., Ionov D. D., Ryzhov I. V.* The kurdish problem in the writings of middle eastern scientists 161

SCIENTIFIC LIFE

- Anisimova A. P., Komissarov V. V.* Intelligentsia in defense of the Fatherland: experience, contradictions, problems 183

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 7—37.

Intelligentsia and the World. 2026. No. 1. P. 7—37.

Научная статья

УДК 141:172.15

EDN <https://elibrary.ru/imgtgu>

DOI: 10.46725/IW.2026.1.1

Научная специальность ВАК

5.3.5. Социальная психология, политическая
и экономическая психология

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

КОНЦЕПЦИЯ В. С. СОЛОВЬЁВА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА

Наталья Рудольфовна Романова

Ивановский государственный энергетический университет
имени В. И. Ленина, Иваново, Россия, nromanova@mail.ru,
SPIN-код: 7152-1354, <https://orcid.org/0009-0009-6676-0313>

Светлана Юрьевна Лисова

Ивановский государственный энергетический университет
имени В. И. Ленина, Иваново, Россия, lisovasu@yandex.ru,
SPIN-код: 6887-4820, <https://orcid.org/0009-0003-7486-5074>

Аннотация. Анализируются основные подходы к определению термина «патриотизм», предпринимается попытка концептуализации понятия, позволяющая использовать патриотизм в качестве научной категории и инструмента психологического исследования. Обосновывается

необходимость включения философско-антропологической концепции В. С. Соловьёва в методологическую базу эмпирических исследований уровня патриотизма в современном обществе. Анализируется категория «истинного патриота», включающая гражданственность, нравственность, всечеловеческую солидарность, отказ от эгоистического и приобщение к коллективному благу, непрерывное просвещение и другие качества личности гражданина. Оцениваются негативные последствия национализма и космополитизма. Рассматриваются представления об особой миссии русского народа. Выделены уровни, компоненты и свойства патриотизма в его онтологическом, этическом и политическом аспектах, рассматриваемых В. С. Соловьёвым. К каждому из данных измерений подобраны индикаторы, позволяющие преодолеть субъективизм и политизированность содержания конструкта. Концептуализированное подобным образом понимание патриотизма предложено в качестве методологической основы разработки инструментария изучения и интерпретации патриотического профиля современного общества. Описываются результаты эмпирического исследования, проведенного в Ивановском государственном энергетическом университете (ИГЭУ), отражающие уровень патриотического развития и структуру его компонентов у студентов. В заключение подчеркивается практическая целесообразность сопоставления реальной (существующей) и оптимальной (Соловьёвской) моделей патриотизма, что позволяет определять и корректировать цели и задачи в области воспитания молодежи и формирования гражданской идентичности.

Ключевые слова: концепция патриотизма В. С. Соловьёва, методологическая основа исследования патриотизма, методика психологического исследования патриотизма, патриотический профиль современной молодежи

Для цитирования: Романова Н. Р., Лисова С. Ю. Концепция В. С. Соловьёва как методологическая основа психологического исследования патриотизма // Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 7—37.

CONCEPT OF V. S. SOLOVYOV AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR PSYCHOLOGICAL RESEARCH OF PATRIOTISM

Natalia R. Romanova

Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin,
Ivanovo, Russia, SPIN-код: 7152-1354,
<https://orcid.org/0009-0009-6676-0313>

Svetlana Yu. Lisova

Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin,
Ivanovo, Russia, SPIN-код: 6887-4820,
<https://orcid.org/0009-0003-7486-5074>

Abstract. This article analyzes the main approaches to defining the term "patriotism" and attempts to conceptualize the definition, allowing for its use as a scientific category and a tool for psychological research. It substantiates the need to include V. S. Solovyov's philosophical-anthropological concept in the methodological base for empirical studies of the level of patriotism in modern society. The category of the "true patriot" is analyzed, encompassing civic consciousness, morality, universal human solidarity, rejection of egoism and adoption of the collective good, continuous enlightenment, and other qualities of a citizen's personality. The negative consequences of nationalism and cosmopolitanism are evaluated. The special mission of the Russian people is considered. Based on the ontological, ethical, and political aspects of Solovyov's understanding of patriotism, the levels, components, and properties of patriotism are identified. Indicators are selected for each of the presented categories, allowing for overcoming the subjectivism and politicization of the construct's content. This conceptualized understanding of patriotism served as the basis for developing effective tools designed for studying and interpreting the patriotic profile of modern society. The article describes the results of an empirical study conducted at Ivanovo State Power Engineering University, reflecting the level of patriotic development and the structure of its components among engineering students. The conclusion emphasizes the practical expediency of comparing the real (existing) and optimal (Solovyov`s) models of patriotism, which allows for determining and adjusting the goals and objectives in the field of youth education and the formation of civic identity.

Keywords: V. S. Solovyov's concept of patriotism, the methodological basis for studying patriotism, the methodology of psychological research of patriotism, the patriotic profile of modern youth

For citation: Romanova, N. R. and Lisova, S. Yu. (2026). ‘Concept of V. S. Solovyov as a methodological basis for psychological research of patriotism’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 7—37 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Преобразования, происходящие в современном российском обществе, его духовной культуре и сфере нравственности, актуализируют проблему ценностей. Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в числе нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан, называет патриотизм. Ранее глава государства обращался к этой теме в ходе ежегодной большой пресс-конференции, отметив: «...идеология, на мой взгляд, в современном демократическом обществе возможна только одна — патриотизм, в самом широком, хорошем смысле этого слова»¹. Патриотика становится трендом символической российской политики, что обуславливает достаточно большое количество работ, посвященных различным аспектам формирования любви к Отечеству.

Дефиниция «патриотизм» характеризуется поливариантностью и неоднозначностью. Патриотизм трактуется как социальное явление, как характеристика общественного сознания, как идеологический конструкт, как общественное настроение, как политическое поведение, как свойство личности [Михайлова, 2002; Тихомиров, 2008]. Его носителем выступают и индивид, и группа, и общество в целом. Дефицит конвенционального понимания содержания термина неизбежно влечет размытость трактовки патриотизма в публичном дискурсе. Многочисленные опросы показывают, что «каждый респондент ориентируется на какое-то свое особое понимание этого феномена, в результате чего мы встречаемся с самыми разными его уровнями (от явного патриотизма до явного непатриотизма) и ликами (от протестного непатриотизма до конформистского патриотизма). Таким образом, трудно найти

---

¹ Большая пресс-конференция Владимира Путина. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62366> (дата обращения: 21.09.2023).

ту грань, где кончается патриот и начинается непатриот» [Цылев, Мулина, 2009: 105—106].

Другой проблемой, связанной с операционализацией исследуемого понятия, является разработка методологической основы для измерения патриотизма. Многие исследователи уровень патриотичности населения определяют по тому, как респонденты отвечают на вопрос: «Считаете ли вы себя патриотом?» Однако интерпретация подобных результатов с эвристической позиции малосодержательна, поскольку здесь речь идет, скорее, о социально одобряемом коммуникативном поведении, нежели о патриотизме. Как пишут М. Ю. Мартынов и А. И. Габеркорн, оценка по результатам опросов «уровня патриотичности» наших граждан на самом деле не измеряет содержание политического сознания [Мартынов, Габеркорн, 2019: 31—42]. Исследователи делают вывод, что российские граждане, декларируя ценности патриотизма и определяя себя патриотами, демонстрируют патриотичное поведение, но это поведение пока не осуществляется в должном объеме и социально приемлемых формах [Там же]. «Формальный» патриотизм не отражает полной картины состояния общества. Вместе с тем грамотная маркировка типов, уровней, критериев патриотизма необходима для объективной оценки государственной политики в сферах образования, воспитания, национальных отношений и т. д. Указанные факты актуализируют междисциплинарный (философско-социально-психологический) подход к исследованию феномена патриотизма.

Степень изученности. Поиск исследовательского инструментария для измерения уровня патриотизма широко распространен как в отечественной (см., напр.: [Потемкин, 2009; Васильева, Микляева, 2023]), так и в зарубежной [Kleinig, Keiler, Primoratz, 2015] науке. Методологической базой для существующих методик являются, как правило, ценностно-идентификационная парадигма, целостно-функциональный подход или база эмпирических данных, полученных в результате социологических исследований патриотизма. В частности, методика «Патриограмма», предложенная А. В. Потемкиным, содержит восемь основных шкал. Это шкалы ценностных, динамических, эмоциональных, регуляторных, мотивационных, когнитивных, продуктивных характеристик, а также шкала типов затруднений [Потемкин, 2008]. Судя по описанию

шкал, приведенному автором, только три из них непосредственно относятся к измерению патриотизма (ценностная, когнитивная и шкала затруднений); остальные измеряют те индивидуально-типологические особенности, которые опосредованно связаны с патриотическими установками личности: они определяют характер проявления любого личностного отношения и любой активности вне зависимости от содержания. Речь идет об особенностях темперамента и характера личности. Автор, декларируя целостно-функциональный подход, содержательно опирается в исследовании также и на ценностную парадигму, определяя патриотизм как свойство личности, обеспечивающее «готовность индивида к реализации социально значимых ценностей, идеалов и убеждений, связанных с защитой Родины и ее интересов» [Там же: 39].

Наибольшее распространение получили оценочные и самооценочные методики, основанные на ценностно-идентификационной методологии (анкета Г. М. Гогиберидзе и М. А. Скрынника [Гогиберидзе, Скрынник, 2022], опросник С. В. Васильевой и А. В. Микляевой [Васильева, Микляева, 2023] — и др.). Поскольку запросы общества тесно связаны с воспитанием подрастающего поколения, то большое количество диагностических методик ориентированы именно на молодежную аудиторию и имеют форму экспресс-тестов (кратких вариантов), включающих до 20 вопросов или утверждений. К таким методикам относятся, в частности, опросник для оценки типов патриотического поведения А. Н. Лебедева и О. В. Гордяковой [Лебедев, Гордякова, 2016; Они же, 2017], а также опросник конструктивного патриотизма С. В. Васильевой и А. В. Микляевой [Васильева, Микляева, 2023]. В основу исследовательской методики Лебедева и Гордяковой положены категории «социальное чувство» и «тип поведения». Методика этих авторов позволяет диагностировать идеологический (неконструктивный, имперский), конструктивный (проблемный) и конформный типы патриотического поведения [Лебедев, Гордякова, 2016; Они же, 2017]. Методика Васильевой и Микляевой направлена на выявление «слепого» и «конструктивного» (в терминологии авторов) патриотизма и опирается на идентификационную парадигму. На наш взгляд, данная методика носит узко национальный характер, так как все вопросы выявляют отношение исключительно к России [Васильева, Микляева, 2023].

В настоящем исследовании не ставится цель провести обзор существующих методик, предназначенных для диагностики уровня и индивидуально-личностных особенностей патриотизма. Вместе с тем анализ различных подходов позволяет сделать вывод об отсутствии универсального инструментария измерения патриотизма. Предлагаемые авторами исследовательские методы зачастую страдают ограниченностью подхода (фиксируя отдельные аспекты патриотизма) или политической ангажированностью (замыкаясь на запросах заказчиков). Отечественные методики измерения патриотизма в настоящее время чаще всего привязаны к потребностям государства и недостаточно выявляют индивидуальные особенности патриотизма.

В поисках наиболее оптимального подхода мы обратились к философии Владимира Сергеевича Соловьёва. Его суждения о сути патриотизма обладают высоким эвристическим потенциалом и представляются авторам наиболее адекватными в современных условиях, доказательство чего приводится в настоящем исследовании.

Цель исследования. На основе анализа онтологического, этического и политического аспектов понимания патриотизма В. С. Соловьёвым авторы предпринимают попытку разработать универсальную методологическую базу для эмпирических исследований уровня патриотизма в современном обществе.

Основная часть

Мыслителями древности патриотизм не рассматривался изолированно от личностно-общественных отношений. У Платона определение патриотизма не дается, но в трудах трактуется как любовь к родине, забота об общем благе, гражданский долг, совместные переживания радости и скорби, особое отношение граждан к государству, зависящее от «правильности» государственного устройства, справедливости [Платон, 1994].

Аристотель также рассматривал патриотизм (используя термины «добродетельного» и «деятельного гражданина») в ракурсе государственных интересов и как составляющую общества, гарантирующую благо государству [Аристотель, 1983: 454]. Задаваясь вопросом, «для какой цели возникло государство», Аристотель

приходит к выводу, что «к этому людей побуждает и сознание общей пользы, поскольку на долю каждого приходится участие в прекрасной жизни ... это по преимуществу и является целью как для объединенной совокупности людей, так и для каждого человека в отдельности» [Там же: 455]. Как отмечает исследователь идеи патриотизма в греческой философии А. В. Миронов, мыслители ставили акцент на правильном понимании баланса личных и общественных интересов членов общества, что и является «отправной точкой в осознании себя патриотом», т. е. законопослушным гражданином. Он также заметил, что в определенные исторические периоды развития общества «акцент в интерпретации патриотизма смещается с исключительно героического, как правило, военного истолкования (подвигов, мужества, доблести) на добропорядочную деятельность, связанную с гражданскими обязанностями в сфере экономики, политики, воспитания, науки» [Миронов, 2016: 278—279].

Г. Гегель определял патриотизм как высший этап развития государственности, на котором преодолевается отчуждение граждан от государства и формируется «корпоративный дух»: «В этом состоит тайна патриотизма граждан в этом аспекте — они знают государство как свою субстанцию, ибо оно сохраняет их правомочия и авторитет, а также их благосостояние» [Гегель, 1990: 330].

Как мы видим, в классическом философском понимании патриотизм исторически и политически детерминирован. Так, например, в советский период феномен патриотизма исследовался исключительно в рамках марксистско-ленинской философии, что способствовало решению ряда важных вопросов строительства социалистического государства. Патриотизм выступал идеологическим конструктом, и его содержание задавалось характером политического режима: советский патриотизм активно эксплуатировал военную тематику и образ внешнего врага. Исследователи отмечают, что традиции подобной символической политики продолжают и в современной России [Селезнева, 2017: 203].

В философских словарях советского периода патриотизм определяется как «любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам» [Патриотизм, 1983: 484] или как «нравственный и политический принцип, соци-

альное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы родины» [Патриотизм, 1987: 358]. Первое из приведенных определений фактически восходит к этимологии латинского термина, а второе уже отличается наличием в определении родовой философской категории и расширением набора отличительных признаков, т. е. бóльшей наполненностью содержания. Именно эта широта и является, на наш взгляд, основой вариативности понятия.

В энциклопедии постсоветского периода патриотизм определяется как любовь к родине, привязанность к родной земле, языку, культуре, традициям². Здесь, как мы видим, из определения исчезает деятельностный компонент. А вместе с редукцией понятия параллельно идет и редукция патриотического воспитания. Цели воспитания творческой личности и патриота после распада СССР и принятия новой Конституции России (1993), свободной от «государственной идеологии», фактически были сняты с повестки дня, и гражданин стал восприниматься, прежде всего, как «квалифицированный потребитель».

Осознание излишней политизированности понятия обусловило необходимость рассмотрения сути патриотизма как надситуативного социокультурного феномена [Селезнева, 2017: 204—205]. В XIX в. именно такой подход, на наш взгляд, был реализован философом В. С. Соловьёвым, который в своих сочинениях («Национальный вопрос в России» (1891), «Воскресные письма» (1897), «Патриотизм» (1898)) описал мировую историю эволюции патриотизма и выделил в нем универсальное и национальное начала.

В социально-гуманитарных науках в основу определений социального явления «патриотизм» заложена категория «ценность», что составляет содержательную характеристику индивидуального, группового или массового сознания, фиксируемую в дефинициях. С позиций истории, социологии, политологии,

---

² Патриотизм // Современная энциклопедия (2000). URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/modern/fc/slovar-207-2.htm#zag-8209> (дата обращения: 01.10.2024).

педагогике, юриспруденции патриотизм определяется как нравственная ценность, отражающая нормативные представления, закрепленные в общественном сознании и культуре. Особо отмечается органическая взаимосвязь патриотизма с интернационализмом и уважением других народов и культур (см.: [Мирский, 1988: 215—230; Рогачев, Свердлин, 1974]). Эта мысль берет свое начало в трудах Соловьёва, который определял в патриотизме универсальный и национальный компоненты. Философ предупреждал об опасности абсолютизации узконациональных выгод, препятствующих утверждению истинного «всечеловеческого патриотизма», основанного на вере.

Идея «всечеловеческого патриотизма» в XX веке была взята за основу патриотического воспитания революционных масс большевиками. В частности, В. И. Ленин, будучи революционером-практиком, рассматривал патриотизм как фактор революционизации массового сознания, различая шовинистический буржуазный патриотизм (манипулятивный) и социалистический интернациональный (объединяющий трудящихся всего мира) [Ленин, 1969].

Наследие В. С. Соловьёва легло в основу значительного числа работ по исследованию патриотизма. Так И. А. Ильин писал, что «любовь к своему народу не есть неизбежно ненависть к другим народам... отстаивание своего совсем не означает завоевания чужого». И далее: «...бережное отношение к прошлому и настоящему своей Родины и Отечества неразрывно связано с признанием достижений других народов, стремлением узнать их историю, культуру, освоить их прогрессивный опыт, поэтому патриотизм представляет собой сложное образование, отражающее совокупность общечеловеческих и специфических для данного народа ценностей» [Ильин, 1993: 245]. И. А. Ильин также утверждал, что патриотизм как стремление единичного к общему всегда субъективен, т. к. патриотическое настроение субъекта определяется диалектикой исторических моментов, а субъективность веры в свое Отечество преодолевается религиозной любовью. Советский исследователь Р. Я. Мирский представлял структуру патриотизма как три взаимосвязанных, взаимообусловленных и находящихся в диалектическом единстве компонента: патриотическое отношение, патриотическое сознание, патриотическая деятельность

[Мирский, 1988: 9] — что также вытекает из трудов Соловьёва, описавшего эмоциональный, разумный и деятельный патриотизм.

Следует отметить, что эксперты неоднозначно оценивают патриотический конструкт Вл. Соловьёва и даже его личный патриотизм. Одни обвиняют его в отсутствии патриотизма [Ерина, 2008], другие приписывают ему «славянофильский патриотизм» [Немчинов, 2008]; его считают «мечтающим патриотом», называют «размышляющим и тревожным патриотом» [Усманов, 2008], «любящим патриотом» и «страстным патриотом» [Лебедева, 2008]. Сам В. С. Соловьёв признавал только истинный патриотизм и осуждал показной. Он сравнивал патриотизм с сыновней любовью и любовью к Богу, и ставил эти чувства в один ряд.

Философско-антропологическая концепция патриотизма В. С. Соловьёва

С онтологической точки зрения Владимир Сергеевич Соловьёв видит триединство национального, патриотического и универсального. Истинный патриот должен быть свободен от национального эгоизма и представления об исключительности своего этноса. Но В. С. Соловьёв также отмечал, что действенная сила и положительное содержание патриотизма связаны с универсализацией именно позитивной народной идеи, а не «пустым и безразличным космополитизмом» [Соловьёв, 1989d: 105—106]. Космополитизм (или «безнародность») характеризуется философом отрицательно, как не имеющий содержания. Философ пишет также о миссии русского народа, который «должен дать жизнь и целостность разорванному и омертвелому человечеству через соединение его с вечным божественным началом...» [Его же, 1989b: 29]. Однако в данной трактовке автор не возвеличивает русский народ над остальными. Он отражает идею миссий народов для достижения человечеством гармонии. Таким образом, он обозначил активное нравственное начало русского народа, способного вести за собой всё человечество.

Для Соловьёва национализм — то же, что эгоизм для индивида: «дурной принцип, стремящийся изолировать отдельное существо приращением различия в разделение, а разделение в антагонизм». Долг патриота, по его мнению, «сводится к тому, чтобы

поддерживать свою страну и служить ей в этой национальной политике, не навязывая своих национальных идей» [Его же, 1989е: 221]. Это служение должно иметь глубокую нравственную основу. Так, В. С. Соловьёв писал: «Я не могу служить как следует своему Отечеству, если я при этом не служу истине и справедливости...» [Его же, 1989а: 629—630]. Отечество, по Соловьёву, в конечном итоге должно возродиться во всеобъемлющем Царствии Божьем. К познанию и созиданию этого Царства призывались равно все народы, и этим освящался патриотизм национальный, но лишь под условием всечеловеческой солидарности, т. е. как любовь к своему народу не против других, а вместе со всеми другими. Автор пишет о «силах, объединяющих человечество» [Его же, 1989с: 106, 246, 400], которые сделают невозможными «национальное обособление» [Его же, 1898] и «национальный эгоизм» [Его же, 1989с: 518].

Патриотизм по Соловьёву, — это моральное «сыновство» [Его же, 1989е: 242]. Истинный патриотизм сопряжен с триединством следующих факторов: 1) вера в собственный народ, соединенная с бесстрашием; 2) любовь к своему народу, сопровождаемая сочувствием и состраданием к его действиям; 3) практическая помощь своему народу. Автор выделяет первичный патриотизм, характерный для родоплеменных отношений, связанный с семейной солидарностью, где основной долг — это благодарность родителям, старшим. Вторым этапом развития патриотизма, по Соловьёву, является «привязанность к своей культурной среде или к родной гражданственности», признательность по отношению к общественным институтам, которые необходимы члену сообщества для успеха и процветания. Так появляется категория «гражданского долга», осознание обязанности перед Отечеством. При этом «отечество» не ограничивается географическими или этническими рамками, это можно назвать вотчиной «особого бога». Высший уровень развития патриотизма, по мнению философа, — всечеловеческий [Его же, 1898].

Триединство государства, общества и индивида предусматривает сложное сотрудничество. По Соловьёву, «общество есть дополненная или расширенная личность, а личность — сжатое, или сосредоточенное общество» [Его же, 1988: 286]. В данной

системе отношений цивилизованное государство — это «общественное тело с определенной организацией, заключающее в себе полноту положительного права и обеспечивающее условия для достойного существования и совершенствование людей» [Амелина, 2009: 46—47]. Общество представляет собой «великое собирательное существо», единый «социальный организм» [Соловьёв, 1989e: 220], наполняющий любую деятельность нравственным содержанием. А индивид (в определении Соловьёва, личность) — это носитель патриотизма и гражданской доблести, аскет, альтруист, у которого мотивами подчинения государству выступает не страх, а совесть, «нравственная бесконечность человека, как существа богоподобного» [Его же, 1989f: 465]. Таким образом, область патриотического в философском наследии В. Соловьёва коррелирует, прежде всего, с отказом от эгоистического³ и приобщением к коллективному благу, связанному со всесторонним развитием, совершенствованием и непрерывным просвещением [Смазнова, 2008: 168].

Подобная трактовка патриотизма сегодня особенно актуальна, поскольку процесс глобализации способствовал формированию в общественном сознании психологии потребительского общества, эгоцентризма и гедонистической философии жизни. Это особенно характерно для современной молодежи. Возведенный сегодня в ранг ценности, *идонизм* (в терминологии Соловьёва) таит в себе серьезную опасность для развития и процветания общества и несовместим с истинным патриотизмом. Жизненные удовольствия, к которым стремятся современные молодые люди, исключают высшие духовные ценности и служение во благо общества, поскольку каждый делает только то, что приятно. В. С. Соловьёв также указывает на связь гедонизма с пессимизмом. Данный тезис подтверждают и наши исследования. В частности, на выборке в 244 чел. мы выявили отрицательную корреляцию идонизма и оптимизма ($r = -0,3$ на уровне значимости 5 %), что подтверждает наблюдение философа. Не имея возможности удовлетворить свои материальные потребности или, наоборот,

---

³ Эгоистическое начало, по мнению В. Соловьёва, недопустимо ни со стороны государства (диктатура власти и порабощение личности), ни со стороны общества (национализм), ни со стороны личности (индивидуализм).

пресытившись материальными благами, современный человек испытывает страдание, ощущает свою ничтожность и чувствует бессмысленность собственного существования.

Методика психологического исследования патриотизма на основе философско-антропологической концепции В. С. Соловьёва

Изучение наследия Владимира Сергеевича Соловьёва позволило выделить несколько десятков категорий для измерения патриотизма личности, которые после проведения процедуры систематизации и обобщения были положены в основу новой методики. Нами обозначены следующие показатели патриотизма — уровни, компоненты, свойства.

Уровни патриотизма:

- 1) семейный,
- 2) отечественный,
- 3) всечеловеческий.

Компоненты:

- 1) эмоциональный,
- 2) разумный,
- 3) деятельный.

Свойства:

- 1) основанный на корысти (бескорыстный),
- 2) основанный на идонизме (аскетизме),
- 3) основанный на страхе (бесстрашии),
- 4) основанный на совести (бессовестный),
- 5) основанный на долге (безответственный),
- 6) основанный на вере (неверующий),
- 7) популистский (подкрепляющий слова делами),
- 8) целеустремленный (бесцельный),
- 9) оптимистический (пессимистический),
- 10) интернациональный (узконациональный).

Подобрав ко всем категориям индикаторы, мы, опираясь на идеи В. С. Соловьёва, создали методику измерения истинного патриотизма. Согласно мыслителю, в целом патриотизм делится на истинный и показной. Истинный патриот характеризуется следующими качествами: всечеловеческой солидарностью; служением

справедливости; устремленностью к божественному началу; бескорыстным служением своей стране; подчинением нравственным законам; оптимистичностью; сыновством по отношению к родине; триединством семьи, отечества и человечества.

В процессе создания диагностической методики для измерения индивидуальных особенностей и уровня патриотизма на этапе операционализации к каждому измеряемому качеству личности были подобраны 10 индикаторов. Всего было сформулировано 160 утверждений, из которых в ходе экспертного оценивания гипотетически определялись наиболее валидные. Далее была проведена серия пилотажных исследований на выборке студентов Ивановского государственного энергетического университета (ИГЭУ) из 85 человек. Студентам предлагалось оценить степень своего согласия с утверждением. Применялось несколько вариантов оценочных шкал: непараметрическая, где могло быть дано только два ответа (да / нет), и две параметрические — 1) 5-балльная шкала (0, 1, 2, 3, 4), где 0 означал полное несогласие с утверждением, а 4 балла — полное согласие; 2) 10-балльная (от 1 до 10). После проведения серии пилотажных исследований мы остановились на 5-балльной шкале и оставили для каждого измерения 4 вопроса, показавших высокий уровень дисперсии результатов и удовлетворяющих требованию чувствительности шкалы, т. е. дающих широкий разброс в баллах, отражающих разнообразие субъективных оценок и, соответственно, менее побуждающих респондентов к социально одобряемым ответам. Наш опыт показал, что тесты, включающие 65 и более вопросов, могут у современных испытуемых снижать мотивацию и добросовестность ответов. Поэтому мы сознательно пошли на создание более краткого варианта теста, учитывая специфику содержания исследования и особенность менталитета современной студенческой молодежи, для которой в большей мере характерны преобладание так называемого клипового мышления и неготовность тратить время на малополезное, с их точки зрения, занятие.

Эмпирической базой исследования являлся ИГЭУ. Анкетирование проводилось с октября 2024 г. по март 2025 г. Совокупная выборка основного исследования составила 244 чел.

Окончательный вариант, подготовленный для основного исследования, включил 64 вопроса. Степень своего согласия испытуемые оценивали по 5-балльной шкале (от 0 до 4). Таким образом, оценки, получаемые по каждому оцениваемому параметру, варьировались от 0 до 16 баллов, что позволило получить достаточно дифференцированные результаты.

Все шкалы были проверены на соответствие закону нормального распределения. Распределение можно считать нормальным, если среднее, мода и медиана по выборке совпадают. В таблице 1 приведено соотношение вычисленных для выборки студентов 1—3-х курсов дневного отделения ($n = 176$) данных параметров (для удобства сформулированных лаконично).

Таблица 1

Характеристики распределения результатов тестирования

Показатели	Семья	Отечество	Мир	Корысть	Популизм	Идиотизм	Страх	Совесть	Долг	Целеустремленность	Оптимизм	Интернационализм	Эмоциональность	Разум	Деятельная активность	Религиозность
среднее	12,21	8,39	8,4	7,42	7,92	8,65	8,33	10,72	8,93	8,48	9,20	8,4	12,49	10,28	8,45	5,56
медиана	13	8	8	7	8	9	8	11	9	9	9	9	13	11	8	5
мода	12	8	8	7	9	9	8	12	10	9	10	9	12	12	9	0

Приведенные в таблице показатели распределения протестированных студентов дневного отделения ИГЭУ дают основание для вывода о нормальном распределении результатов по 14 шкалам теста. Еще по 2 шкалам («Семейный патриотизм» и «Патриотизм, основанный на вере») распределение близко к нормальному.

На практике крайне редко наблюдается полное совпадение моды, медианы и среднего, что в основном определяется характе-

ром выборки. Также могут играть немалую роль в изменении характера распределения внешние факторы (социальная мода, исторические события и др.). Считается, что чем больше выборка, тем ближе будет распределение к нормальному. Повышенная частота оценок «0» в ответах респондентов по шкале «Вера» (мода 0), на наш взгляд, отражает реальную ментальность молодежного сознания. Когда выборка была расширена и в нее были включены группы заочников ($n = 68$), то на совокупной выборке ($n = 244$) выявился небольшой перекося по математической моде в шкале «Семейный патриотизм» (мода 16), что вполне объяснимо, т. к. заочники преимущественно семейные люди и интересы семьи для них приоритетны (отметим, что возраст заочников варьировался от 18 до 47 лет, не все имели семьи, а кто-то был в разводе). В то же время на выборке студентов заочной формы обучения математическая мода по шкале «Вера» равнялась 4.

Надежность предлагаемой нами методики проверялась методом ретеста. Корреляция результатов первого и второго тестирования, проведенных с интервалом в четыре недели, показала их согласованность. Корреляции по шкалам отражены в таблице 2.

Таблица 2

Коэффициенты ретестовой надежности по шкалам

Показатель надежности	Семья	Отчество	Мир	Корысть	Популизм	Идиотизм	Страх	Совесть	Долг	Целеустремленность	Оптимизм	Интернационализм	Эмоциональность	Разум	Детельная активность	Религиозность
корреляция	0,8	0,85	0,62	0,9	0,85	0,77	0,47	0,61	0,89	0,88	0,88	0,77	0,9	0,68	0,81	0,92

Учитывая, что коэффициент корреляции между первым и вторым измерением (коэффициент ретестовой надежности), превышающий 0,7, свидетельствует о надежности методики, измеряющей устойчивые личностные характеристики, то в отношении 12 из 16 шкал можно сделать однозначный вывод о надежности

применяемой процедуры. Относительно динамичных характеристик коэффициент ретестовой надежности может быть и ниже, так как измеряемые характеристики не относятся к надситуативным личностным особенностям и подвержены как внешним влияниям, так и внутриличностным изменениям. В частности, шкала «Страх», измеряющая опасение наказания за недостаточно патриотичное поведение, выявляет текущее настроение респондента. Настроение — это форма эмоциональной реакции, имеющая длительный характер, но подверженная динамике. Страхи, тревожные ожидания, опасения относятся к категории «состояния» и не являются закрепившимися характеристиками индивида. Страх может усиливаться вследствие участвовавшей информации в СМИ и СМК о наказаниях за непатриотичные высказывания и поступки или же, наоборот, ослабевать. То же самое можно утверждать об отношении к мировому сообществу, конкретным странам. Отношение может меняться вслед за изменением политической ситуации, ростом количества пропагандистских сюжетов. Таким образом, результаты шкалы «Мир» мы тоже отнесли к динамичным характеристикам. Еще две шкалы («Совесть» и «Разум») показали достаточный уровень ретестовой надежности, если учесть, что эти характеристики также не относятся к надситуативным качествам личности, зависят от внешней информации и текущих личностных отношений и потребностей, а поэтому результаты могут в конкретный период времени быть достаточно динамичны. Поясним, что шкала, для краткости условно обозначенная нами как «Разум», измеряла, прежде всего, уровень патриотизма, основанный на знаниях, которые могут прирастать. Это, по сути, информированность о событиях в мире и стране, знание истории. Шкала, названная нами условно «Совесть» (патриотизм, основанный на совести), измеряла качество, которое в процессе развития личности приобретает характер надситуативной характеристики, но, по данным возрастной психологии, вплоть до юношеского возраста и далее может оставаться на конвенциональном уровне, не переходя в категорию «Глубинные отношения». В нашем исследовании был высок процент студентов первого курса, чья нравственность находится в стадии динамичного развития, и глубинные надситуативные морально-нравственные качества еще не у всех сформированы.

Именно поэтому мы считаем коэффициенты ретестовой надежности шкал «Совесть» (0,61) и «Разум» (0,68) достаточными для вывода о надежности измерительной процедуры.

Внутренняя валидность разработанной нами методики подтверждалась комплексом полученных в исследовании значимых корреляций, отражающих взаимосвязь исследуемых качеств. В частности, баллы по шкале «Семья» положительно коррелировали с баллами по шкалам «Отечество» ($r = 0,25$ на 5 % уровне значимости), «Целеустремленность» ($r = 0,26$ на 5 % уровне значимости), «Эмоциональность» ($r = 0,32$ на 1 % уровне значимости) и отрицательно с баллами по шкалам «Корысть» ($r = -0,25$ на 5 % уровне значимости), «Идони́зм» ($r = -0,30$ на 5 % уровне значимости). Баллы по шкале «Отечество» положительно коррелировали с баллами по шкалам «Долг» ($r = 0,59$ на уровне 0,1 %), «Целеустремленность» ($r = 0,41$ на уровне 0,1 %), «Оптимизм» ($r = 0,36$ на уровне 1 %), «Эмоциональность» ($r = 0,42$ на уровне 0,1 %), «Разум» ($r = 0,42$ на уровне 0,1 %), «Деятельная активность» ($r = 0,38$ на уровне 1 %), «Вера» ($r = 0,33$ на уровне 1 %) и отрицательно со шкалами «Корысть» ($r = -0,45$ на уровне 0,1 %), «Идони́зм» ($r = -0,33$ на уровне 1 %). В подтверждение валидности методики приведем еще несколько примеров выявленных корреляций: баллы по шкале «Долг» положительно коррелировали не только с баллами по шкале «Отечество», но также с баллами шкал «Совесть» ($r = 0,5$ на уровне 5 %), «Целеустремленность» ($r = 0,34$ на уровне 1 %), «Оптимизм» ($r = 0,42$ на уровне 0,1 %), «Эмоциональность» ($r = 0,41$ на уровне 0,1 %), «Разум» ($r = 0,38$ на уровне 1 %), «Деятельная активность» ($r = 0,44$ на уровне 0,1 %) и «Вера» ($r = 0,28$ на уровне 5 %), и отрицательно с баллами по шкалам «Корысть» ($r = -0,54$ на уровне 0,1 %) и «Идони́зм» ($r = -0,39$ на уровне 1 %). Мы не ставили целью описать все выявленные связи, поэтому ограничимся приведенными данными.

Критерием внешней валидности выступил показатель участия респондентов в акциях, волонтерских движениях и пожертвованиях средств в поддержку воинов, получивших ранения на поле боя.

В целях исследования роли демографических особенностей испытуемых мы сформировали выборки по полу (женщины и мужчины), возрасту (поздняя юность, ранняя зрелость, зрелость) и социальному статусу (студенты-заочники и студенты

дневного отделения). Все полученные в ходе опросов данные были занесены в таблицы и подвернуты математической обработке. Подсчитывались средние показатели по каждому измеряемому параметру для всех выделенных выборок. Выявлялась достоверность различий средних значений выделенных групп, для чего применялся параметрический критерий Стьюдента (t). Проводился корреляционный анализ результатов, для чего использовался параметрический коэффициент корреляций Пирсона (r).

Результаты подсчета средних значений по всем измеряемым параметрам всей выборки приведены в таблице 3.

Таблица 3

Показатели измеряемых параметров патриотизма по совокупной выборке

Показатели	Семья	Отечество	Мир	Корысть	Популизм	Иднизм	Страх	Совесть	Долг	Целеустремленность	Оптимизм	Интернационализм	Эмоциональность	Разум	Деятельная активность	Религиозность
среднее	12,66	8,31	8,39	7,32	7,9	8,43	8,19	10,93	8,83	8,51	9,29	8,36	12,49	10,35	8,57	5,85
ранг	1	12	10	15	14	9	13	3	6	8	5	11	2	4	7	16

Анализ приведенных результатов позволяет сделать выводы о суммарном психологическом *портрете современного российского студента-патриота*.

Он прежде всего патриот своей семьи. А вот радение за Отчизну, как и за судьбы мира, выражено средне (также средне выражен и интернационализм участников исследования). Анализ структуры патриотических установок показал, что преобладает эмоциональный патриотизм, но и разумный тоже на достаточно высоких ранговых позициях. Деятельной патриотической активности оказалось явно недостаточно, показатель средний. Это говорит о том, что в выборке преобладают так называемые «диванные патриоты», готовые порадоваться за победы, способные огор-

чаться за неудачи и горести народа России, но не особо стремящиеся послужить интересам страны. Современный молодой патриот умеренно корыстен, не слишком озабочен удобствами и удовольствиями, его нельзя назвать «запуганным властями». То есть он не слишком боится высказывать непатриотические мысли, но всё же осторожен (можно назвать это умеренными опасениями). Иногда его патриотизм носит популистский характер. Скорее, он патриот «не за страх, а за совесть». Не против быть полезным и обществу, но, судя по полученным баллам по шкалам «Долг» и «Целеустремленность», движут им не чувство долга и не личные цели.

Остается открытым вопрос о преобладающих мотиваторах патриотического поведения. Можем предположить, что мотиваторы патриотического поведения современных молодых россиян имеют индивидуальную специфику (кто-то из страха, кто-то из карьерных соображений, кто-то из чувства долга). Но в основном, как мы предполагаем, — это семейные традиции, установки и эмоциональные привязанности, о чем и свидетельствуют высокие баллы семейного патриотизма и его эмоциональной компоненты.

Нас также интересовал вопрос, достаточно ли «истинных патриотов» в современном российском обществе, особенно среди студенческой молодежи, воспитанной в потребительской парадигме. Если исходить из критериев истинного патриотизма, описанных В. С. Соловьёвым, то по таким жестким критериям отсеивать будет слишком велик. Мы смягчили уровень требований, не изменив суть подхода В. Соловьёва. Исходили из того, что условно к истинным патриотам можно отнести таких испытуемых, которые по позитивным критериям набирают баллы, превышающие среднее значение отметки шкалы (9 и более), и по негативным критериям — баллы ниже средних значений (8 и менее). Исключение составила шкала религиозности. Так как для современного российского общества, особенно студенческой молодежи, выраженная религиозность не характерна, а среднее по выборке равнялось 5,85, то в качестве критерия истинного патриота принимались баллы 6 и выше. К негативным критериям мы вслед за В. Соловьёвым относим корысть, популизм, идонизм, страх. Остальные измеряемые параметры относятся к позитивным критериям истинного патриотизма.

При таком подходе истинных патриотов в нашем исследовании набралось всего 24 человека из 244 участников исследования. Их средний возраст составил около 23,9 лет. Еще 19 участников исследования (средний возраст 19 лет) приближались к истинным патриотам, но «не дотягивали» по каким-либо критериям (либо по критерию триединства ценностей семьи, Отечества и мира; либо один из отрицательных показателей незначительно превышал средние значения, либо недостаточно был выражен один из позитивных критериев патриотизма (чаще всего — вера, совесть, долг, интернационализм). Мы назвали эту группу «патриотически настроенные». Различия средних по возрасту данных выборок достоверны на 0,1 % уровне значимости ($t_f = 3,835$ при $t_{кр} = 3,55$). Таким образом, к истинным патриотам по критериям В. С. Соловьёва в нашей выборке можно было отнести не более 10 % опрошенных (точно — 9,83 %).

Условно объединив «истинных патриотов» с «патриотически настроенными» в группу «патриоты», а всех остальных в группу «непатриоты», мы сравнили средние значения по всем измеренным параметрам патриотизма. Выявились достоверные различия по шкалам «Отечественный патриотизм», «Корыстный патриотизм», «Патриотизм, основанный на идонизме», «Основанный на долге патриотизм», «Оптимистический патриотизм», «Интернациональный патриотизм», «Деятельный патриотизм», «Основанный на вере патриотизм». Результаты установления достоверных различий отражены в таблице 4.

Анализ средних значений по выборкам условных «патриотов» и условных «непатриотов» выявил достоверные различия по большинству характеристик патриотизма: патриоты значимо положительней относятся к семье и отечеству; значимо менее корыстны и менее склонны к идонизму. Уровень развития чувства долга перед Родиной и целеустремленности в служении Родине также значимо выше, как и оптимизма в отношении оценки будущего. Они более интернационалистичны и религиозны. Все структурные компоненты патриотизма (эмоциональный, разумный и деятельный) у них также статистически значимо выше. Не выявилось значимых различий по всечеловеческому патриотизму, по страху перед наказанием за непатриотическое поведение и по совести как основе патриотического отношения.

Таблица 4

**Сравнение средних значений выборок патриотов
и условных непатриотов**

Выборки	Семья	Отечество	Мир	Корысть	Популизм	Идонизм	Страх	Совесть	Долг	Целеустремленность	Оптимизм	Интернационализм	Эмоциональность	Разум	Детская активность	Религиозность
патриоты	13,67	10,48	9	5,41	7,39	6,37	7,86	11,25	10,62	10,04	10,72	9,20	13,44	11,58	10,53	7,32
непатриоты	12,45	7,84	8,26	7,73	8	8,87	8,26	10,87	8,45	8,18	8,98	8,17	12,29	10,08	8,15	5,53
tф значимые	2,55	5,82		5,2		5,03			3,75	4,03	3,52	2,33	2,55	3,52	5,22	2,72

Нас также интересовали различия патриотизма в женской и мужской выборках. Сравнение средних значений по выборкам выявило статистически значимые отличия женского и мужского патриотизма только по шкалам «Всечеловеческий патриотизм», «Идонизм». У студентов женского пола ($n = 71$) всечеловеческий патриотизм составил 9,1, а у мужчин — 8,1 (различия достоверны на 1 % уровне значимости: $t_f = 2,633$ при $t_{кр} = 2,58$). Среднее значение идонизма по всей женской выборке 9,6, а по мужской — 7,94 ($t_f = 3,9$, уровень значимости 0,1%). Значимыми оказались различия ($t_f = 3,33$) по интернационализму, который у женщин (9,22) существенно выше, чем у мужчин (8,0). Других различий не выявлено.

Сравнение средних значений по выборкам студентов дневного отделения и заочников выявило значимые различия выборок по следующим параметрам. Заочники значимо выше ценят семью (13,84 против 12,21, $t_f = 4,075$); они менее склонны к идонизму, более совестливы и несколько более религиозны (различия по всем этим шкалам близки к достоверным).

Так как среди заочников много было недавних выпускников школ, мы выделили возрастные группы и изучили различия.

На основе возрастной периодизации Д. Бромлея были сформированы три группы респондентов: юность (17—20 лет), ранняя зрелость (21—25 лет), зрелость (26 и старше). В группу «Юность» вошли 172 чел. В группу «Ранняя зрелость» — 40 чел. В группу «Зрелость» — 32 чел. В этой группе мы объединили заочников из групп «Средняя зрелость» и «Поздняя зрелость», в силу немногочисленности последней.

Выявились значимые различия по шкале «Семья». Юноши значимо ниже оценивали важность семьи (12,29), в отличие от ранне-взрослых (13,61) и взрослых (13,5). Различия достоверны на 5 % уровне значимости.

Юноши набирают больше баллов по шкале «Страх» (8,41) по сравнению с ранне-взрослыми (7,41), различия также достоверны на 5 % уровне значимости. С группой взрослых достоверных различий по страху не выявилось.

Проведенное эмпирическое исследование по созданной нами методике «Истинный патриотизм» позволило сделать выводы о ее надежности и валидности. В результате был создан портрет современного молодого патриота России, описаны его основные характеристики; выявлена роль демографических особенностей респондентов, меняющая в значительной мере среднестатистический облик патриота. В данном исследовании мы не ставили цель выделить и обосновать критерии для классификации респондентов на группы по уровню патриотизма, хотя методика предоставляет такую возможность. Акцент делался на содержательный личный и групповой профиль патриотизма респондентов. Но в перспективе мы планируем — после проведения расширенных исследований — более детализированно описать критерии, на основании которых можно будет выделить группы по уровню патриотизма и дать им содержательную характеристику. Это и будет служить основанием для отнесения конкретного участника тестирования в ту или иную категорию (*патриот / непатриот*).

На данный момент, исходя из полученных результатов эмпирического исследования, теоретически можно выделить такие группы: *истинные патриоты, патриотически настроенные, корыстные псевдопатриоты, непатриоты* (последнюю группу также можно будет более детально дифференцировать). Это станет следующим этапом нашей работы.

Заключение

Изучив наследие В. С. Соловьёва и труды исследователей его творчества, мы извлекли из его философско-антропологической концепции более глубокие основания исследования патриотизма, которые учитывают и уровень патриотического развития, и структуру его компонентов, и его индивидуальные характеристики — и в то же время позволяют опираться на современные реалии, несмотря на то, что философ жил и творил в XIX веке. Философско-антропологическая концепция В. С. Соловьёва может выступать методологической основой психологического исследования патриотизма, позволяя в процессе оценки уровня и структуры индивидуального патриотизма личности не удовлетворяться субъективным восприятием респондентами себя как патриотов, что зачастую является либо самообманом, либо симуляцией патриотизма (то, что В. С. Соловьёв называл показным патриотизмом), а использовать более объективные критерии. Безусловно, разработанная и примененная нами версия анкеты-теста не отражает в полной мере идеи Соловьёва (поскольку затруднительно охватить на должном уровне все описанные им индивидуальные особенности патриотизма личности) и нуждается в дальнейшей корректировке. Авторская методика является попыткой разработки действенного инструментария, предназначенного для выявления реального существующего портрета патриота (как личности, так и группы) для сопоставления его с выделенной на философских основаниях моделью истинного патриота. Исходя из результатов сопоставления этих моделей (реальной и оптимальной) можно было бы определять и корректировать цели и задачи, стоящие перед обществом и государством в области патриотического воспитания молодежи и формирования гражданской идентичности.

Список источников

- Амелина Е. М.* Государство и гражданское общество // Соловьёвские исследования. 2009. Вып. 2 (22). С. 43—53.
- Аристотель.* Политика // Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
- Васильева С. В., Микляева А. В.* Опросник конструктивного патриотизма (подростковая версия): психометрические характеристики // Психология человека в образовании. 2023. Т. 5, № 3. С. 458—472. DOI: 10.33910/2686-9527-2023-5-3-458-472.

- Гегель Г.* Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Гогиберидзе Г. М., Скрынник М. А.* Патриотизм как целевой ориентир взаимодействия социальных институтов образования и культуры: аксиологический аспект // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1 (41). С. 33—46. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.03.
- Гордякова О. В., Лебедев А. Н.* Чувство патриотизма и типы патриотического поведения молодых граждан России // Психологические и психоаналитические исследования: Ежегодник 2017 / под ред. А. А. Демидова, Л. И. Сурата. М.: Москов. ин-т психоанализа, 2017. С. 307—327.
- Ерина Е. Б.* Национальный вопрос в творчестве В. С. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2008. Вып. 4 (19). С. 248—254.
- Ильин И. А.* Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 311 с.
- Лебедев А. Н., Гордякова О. В.* Теоретические и методологические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально ориентированного поведения // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1, № 1. С. 23—40.
- Лебедева А. В.* Национальный вопрос в философии В. С. Соловьёва. // Соловьёвские исследования. 2008. Вып. 2 (17). С. 254—266.
- Ленин В. И.* Война и российская социал-демократия // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 26. М.: Политиздат, 1969. С. 13—23.
- Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И.* Как нам измерить патриотизм? К вопросу о концептуализации понятия // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. Т. 13, № 4. С. 31—42.
- Миронов А. В.* Идея патриотизма в греческой философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 5. С. 276—280.
- Мирский Р. Я.* Патриотизм советского человека: интернационализм, гражданственность, труд. М.: Мысль, 1988. 251 с.
- Михайлова Р. С.* Социально-философские основы анализа патриотизма как духовной ценности общества: дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2002. 181 с.
- Немчинов И. Г.* Историсофия Владимира Соловьёва в контексте кризиса «русской идеи» второй половины XIX века // Соловьёвские исследования. 2008. Вып. 2 (17). С. 217—226.
- Патриотизм // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политическая литература, 1987. С. 358.
- Патриотизм // Философский энциклопедический словарь / гл. редакция Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 484.

- Платон.* Государство // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3, кн. 1. М.: Мысль, 1994. С. 79—116.
- Потемкин А. В.* Новые методы диагностики патриотизма // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 4 (28). С. 39—42.
- Потемкин А. В.* Национально-психологические особенности проявления патриотизма личности: дис. ... канд. психол. наук. Тольятти, 2009. 256 с.
- Рогачев П. М., Свердлин М. А.* Патриотизм и общественный прогресс. М.: Политиздат, 1974. 280 с.
- Селезнева А. В.* Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 200—208.
- Смазнова О. Ф.* «Идолы и идеалы»: философия В. С. Соловьёва в контексте дискуссий об общественном идеале // Соловьёвские исследования. 2008. Вып. 4 (19). С. 165—175.
- Соловьёв В.* Патриотизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в XLIII т. Т. XXIII. СПб.: Изд-во Семеновская Типо-Литография (И. А. Ефрона), 1898. С. 36—38.
- Соловьёв В. С.* Оправдание добра // Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47—548.
- Соловьёв В. С.* Статьи и письма // Новый мир. 1989а. № 1. С. 211—243.
- Соловьёв В. С.* Три силы // Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989б. С. 19—31.
- Соловьёв В. С.* Национальный вопрос в России // Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989с. С. 257—639.
- Соловьёв В. С.* Чтения о Богочеловечестве // Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989д. С. 5—172.
- Соловьёв В. С.* Русская идея // Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989е. С. 219—246.
- Соловьёв В. С.* Личная нравственность и общее дело // Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989ф. С. 459—465.
- Тихомиров Г. А.* Социально-философское исследование феномена патриотизма: дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2008. 153 с.
- Усманов С. М.* «Тревожный патриотизм» Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2008. Вып. 4 (19). С. 117—118.
- Цылев В. Р., Мулина Т. В.* Многообразие феномена патриотизма молодых мурманчан // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 100—107.
- Kleinig J., Keiler S., Primoratz I.* The Ethics of Patriotism. A Debate. West Sussex: Wiley Black-well, 2015. 200 p.

References

- Amelina, E. M. (2009). 'The state and civil society', *Solovievskie issledovaniia* [Solovyov Studies], iss. 2 (22): 43—53.
- Aristotle (1983), *Politika* [Politics], in *Aristotel', Sochineniia: v 4 tomakh* [Essays: in 4 vol.], vol. 4, Mysl', Moscow, Russia '.
- Erina, E. B. (2008), 'The national question in the works of V. S. Solovyov', *Solovievskie issledovaniia* [Solovyov Studies], iss. 4 (19): 248—254.
- Gogiberidze, G. M. and Skrynnik, M. A. (2022), 'Patriotism as a target guideline for the interaction of social institutions of education and culture: axiological aspect', *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta, seriia: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow City Pedagogical University, series: Philosophical Sciences], no. 1 (41): 33—46, doi:10.25688/2078-9238.2022.41.1.03.
- Gordyakova, O. V. and Lebedev, A. N. (2017), 'Feeling of patriotism and types of patriotic behavior of young citizens of Russia', in Demidov, A.A. and Surat, L. I. (eds), *Psikhologicheskie i psikhoanaliticheskie issledovaniia: Ezhegodnik 2017* [Psychological and psychoanalytic studies: Yearbook 2017], Moskovskii institut psikhoanaliza, Moscow, Russia: 307—327.
- Hegel, G. (1990), *Filosofia prava* [Philosophy of Law], Mysl', Moscow, Russia.
- Ilyin, I. A. (1993), *Put' k ochevidnosti* [The path to evidence], Respublika, Moscow, Russia.
- Kleinig, J., Keiler, S. and Primoratz, I. (2015), *The Ethics of Patriotism, A Debate*, Wiley Black-well, West Sussex, England.
- Lebedev, A.N. and Gordyakova, O. V. (2016), 'Theoretical and methodological Problems in the Study of Patriotism as a Social Feelings and Socially oriented Behavior', *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naia i ekonomicheskaia psikhologiia* [Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic Psychology], vol. 1, no. 1: 23—40.
- Lebedeva, A. V. (2008), 'The national question in the philosophy of V. S. Solovyov', *Solovievskie issledovaniia* [Solovyov Studies], iss. 2 (17): 254—266.
- Lenin, V. I. (1969), 'War and Russian social democracy', in Lenin, V. I., *Polnoe sobranie sochinenii, 5-e izdanie* [Complete Works, 5th edition], vol. 26, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, Russia: 13—23.
- Martynov M. Yu. and Gaberkorn A. I. (2019), How do we measure patriotism? On the issue of conceptualizing the concept // *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiia* [Bulletin of Perm University. Political Science], vol. 13, no. 4: 31—42.

- Mikhailova, R. S. (2002), *Sotsial'no-filosofskie osnovy analiza patrio-tizma kak dukhovnoi tsennosti obshchestva* [Social and philosophical foundations of the analysis of patriotism as a spiritual value of society], Ph. D. (Philosophy) Thesis, Tverskoi gosudarstvennyi universitet, Tver, Russia.
- Mironov, A. V. (2016), 'The idea of patriotism in Greek philosophy', *Izvestiia Saratovskogo universiteta, Novaia seriia, seriia: Filosofiiia. Psikhologiiia. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University, Philosophy, Psychology, Pedagogy], vol. 16, iss. 5: 276—280.
- Mirsky, R. Ya. (1988), *Patriotizm sovetskogo cheloveka: internatsionalizm, grazhdanstvennost', trud* [Patriotism of the Soviet person: internationalism, civic consciousness, labor], Moscow, Russia.
- Nemchinov, I. G. (2008), 'Historiosophy of Vladimir Solovyov in the Context of the Crisis of the "Russian Idea" of the Second Half of the 19th Century', *Solovievskie issledovaniia* [Soloviev Studies], iss. 2 (17): 217—226.
- 'Patriotism' (1983), in Ilyichev, L. F., Fedoseyev, P. N., Kovalev, S. M. and Panov, V. G (eds), *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary], Sovetskaia entsiklopediia, Moscow, Russia: 484.
- 'Patriotism' (1987), in Frolov, I. T. (ed.), *Filosofskii slovar'* [Philosophical Dictionary], 5th ed, Politicheskaiia literatura, Moscow, Russia: 358.
- Plato, (1994), Gosudarstvo [State], in Plato, *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh* [Collected works: in 4 vol.], vol. 3, book 1, Mysl', Moscow, Russia: 79—116.
- Potemkin, A. V. (2008), 'New methods of diagnosing patriotism', *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 4 (28): 39—42.
- Potemkin, A. V. (2009), *Natsional'no-psikhologicheskie osobennosti pro-iavleniia patriotizma lichnosti* [National-Psychological Features of the Manifestation of Personal Patriotism], Ph. D. (Psychology) Thesis, Tol'iattinskii gosudarstvennyi universitet, Tolyatti, Russia.
- Rogachev, P. M and Sverdlin, M. A. (1974), *Patriotizm i obshchestvennyi progress* [Patriotism and Social Progress], Izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, Russia.
- Selezneva, A. V. (2017), 'Patriotism as a Political Value: A Political and Psychological Analysis', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiiia. Sotsiologiiia. Politologiiia* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], no. 38: 200—208.

- Smaznova, O. F. (2008), ‘“Idols and Ideals”: The Philosophy of V. S. Solovyov in the Context of Discussions about the Social Ideal’, *Solovievskie issledovaniia* [Solovyov Studies], no. 4 (19): 165—175.
- Solovyov, V. (1898), ‘Patriotism’, in *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v XLIII tomakh* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: in XLIII vol.], vol. XXIII, Izdatel'stvo Semenovskaia Tipografii (I. A. Efrona), St. Petersburg, Russia: 36—38.
- Solovyov, V. S. (1988), ‘Justification of good’, in Solovyov, V. S. *Sochineniia: v 2 tomakh* [Works: in 2 vol.], vol. 1, Mysl', Moscow, Russia: 47—548.
- Solovyov, V.S. (1989a), ‘Articles and letters’, *Novyi mir* [New World], no. 1: 211—243.
- Solovyov, V. S. (1989b), ‘Three forces’, in Solovyov, V. S. *Sochineniia: v 2 tomakh* [Works: in 2 vol.], vol. 1, Pravda, Moscow, Russia: 19—31.
- Solovyov, V. S. (1989c), ‘The national question in Russia’, in Solovyov, V. S. *Sochineniia: v 2 tomakh* [Works: in 2 vol.], vol. 1, Pravda, Moscow, Russia: 257—639.
- Solovyov, V. S. (1989d), ‘Readings about God-Humanity’, in Solovyov, V. S. *Sochineniia: v 2 tomakh* [Works: in 2 vol.], vol. 2, Pravda, Moscow, Russia: 5—172.
- Solovyov, V. S. (1989e), ‘Russian idea’, in Solovyov, V. S. *Sochineniia: v 2 tomakh* [Works: in 2 vol.], vol. 2, Pravda, Moscow, Russia: 219—246.
- Solovyov, V. S. (1989f), ‘Personal morality and common cause’, in Solovyov, V. S. *Sochineniia: v 2 tomakh* [Works: in 2 vol.], vol. 2, Pravda, Moscow, Russia: 459—465.
- Tikhomirov, G. A. (2008), *Sotsial'no-filosofskoe issledovanie fenomena patriotizma* [A Social and Philosophical Study of the Phenomenon of Patriotism], Ph. D. (Philosophy) Thesis, Chuvashskii gosudarstvennyi universitet imeni I. N. Ul'ianova, Cheboksary, Russia.
- Tsylev, V. R. and Mulina, T. V. (2009), ‘Diversity of the Phenomenon of Patriotism among Young Murmansk Residents’, *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], no. 6: 100—107.
- Usmanov, S. M. (2008), ‘“Anxious Patriotism” by Vl. Solovyov’, *Solovievskie issledovaniia* [Solovyov Studies], no. 4 (19): 117—118.
- Vasilyeva, S. V. and Miklyaeva, A. V. (2023), ‘Constructive patriotism questionnaire (adolescent version): Psychometric characteristics’, *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii* [Psychology in Education], vol. 5, no. 3: 458—472, doi.:10.33910/2686-9527-2023-5-3-458-472.

Статья поступила в редакцию 08.04.2025; одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 29.05.2025.

The article was submitted 08.04.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 29.05.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Н. Р. Романова — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, Иваново, Россия.

N. R. Romanova — Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Ivanovo State Power University named after V. I. Lenin, Ivanovo, Russia.

С. Ю. Лисова — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, Иваново, Россия.

S. Yu. Lisova — Candidate of Sciences (Politology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Ivanovo State Power University named after V. I. Lenin, Ivanovo, Russia.

Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 38—52.
Intelligentsia and the World. 2026. No. 1. P. 38—52.

Научная статья
УДК 159.913:004.8
EDN <https://elibrary.ru/lkyakd>
DOI: 10.46725/IW.2026.1.2

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.12.1. Междисциплинарные исследования
когнитивных процессов
5.12.4. Когнитивное моделирование

КОГНИТИВНЫЙ ИММУНИТЕТ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Дмитрий Александрович Смирнов

Ивановский государственный политехнический университет,
Иваново, Россия, d-smirnov@mail.ru, SPIN-код: 8816-6860,
<https://orcid.org/0009-0005-2029-4653>

Наталья Александровна Сахарова

Ивановский государственный политехнический университет,
Иваново, Россия, nata1_77@bk.ru, SPIN-код: 8688-7101,
<https://orcid.org/0000-0002-2947-3552>

Аннотация. В статье рассмотрена проблема когнитивного иммунитета личности в условиях глобальной цифровизации общества и стремительного развития технологий искусственного интеллекта (ИИ). Авторы анализируют угрозы, связанные с методической персонализацией и утратой экзистенциальной реальности в информационной среде. На основе теоретического обзора и эмпирических исследований среди изучаемой группы респондентов — студентов 1—2-х курсов бакалавриата различных направлений подготовки (гуманитарных, технических, естественнонаучных) университетов Центральной России и Поволжья (N = 453) выявлены основные модели поведения, уровни доверия к ИИ-

---

© Смирнов Д. А., Сахарова Н. А., 2026

генерируемому контенту и практика верификации информации. Показано, что у большинства респондентов сформирован лишь спонтанный «прото-иммунитет», характеризующийся ситуативной осторожностью, но незначительной системной рефлексивностью и устойчивостью когнитивных тенденций. Предложена пятиэтапная модель целенаправленного формирования когнитивного иммунитета, охватывающая образовательные, социальные и технологические уровни.

Ключевые слова: когнитивный иммунитет, искусственный интеллект, цифровая культура, медиаграмотность, критическое мышление, верификация информации, алгоритмическая манипуляция, цифровая гигиена

Для цитирования: Смирнов Д. А., Сахарова Н. А. Когнитивный иммунитет личности и общества в эпоху искусственного интеллекта // Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 38—52.

Original article

COGNITIVE IMMUNITY OF THE INDIVIDUAL AND SOCIETY IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Dmitry A. Smirnov

Ivanovo State Polytechnic University, Ivanovo, Russia, d-smirnov@mail.ru,
SPIN-код: 8816-6860, <https://orcid.org/0009-0005-2029-4653>

Nataliya A. Sakharova

Ivanovo State Polytechnic University, Ivanovo, Russia, nata1_77@bk.ru,
SPIN-код: 8688-7101, <https://orcid.org/0000-0002-2947-3552>

Abstract. The article addresses the issue of cognitive immunity of the individual in the context of global digitalization and the rapid advancement of artificial intelligence (AI) technologies. The authors analyze threats associated with algorithmic personalization and the erosion of existential authenticity within the information environment. Drawing on a theoretical review and empirical research conducted among a sample of undergraduate students (N = 453) from the first and second years of study across various disciplines (humanities, technical, and natural sciences) at universities in Central Russia and the Volga region, the study identifies dominant behavioral patterns, levels of trust in AI-generated content, and information verification practices. The findings reveal that the majority of respondents exhibit only a spontaneous

“proto-Immunity,” characterized by situational caution but lacking systematic reflexivity and stable cognitive strategies. A five-stage model for the deliberate development of cognitive immunity is proposed, encompassing educational, social, and technological dimensions.

Keywords: cognitive immunity, artificial intelligence, digital culture, media literacy, critical thinking, information verification, algorithmic manipulation, digital hygiene

For citation: Smirnov, D. A. and Sakharova, N. A. (2026), ‘Cognitive immunity of the individual and society in the age of artificial intelligence’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 38—52. (in Russ.).

Введение

Актуальность. Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ), алгоритмической персонализации и генеративных моделей радикально меняет характер информационного обмена. Это ставит индивида перед риском потери автономии, заточения в так называемом «фильтрующем», с точки зрения Э. Паризера, пузыре данных и манипуляции его осознанием реальности [Pariser, 2011]. Доступные цифровые платформы не только транслируют различного рода данные, но и создают когнитивную среду, формируя новые механизмы восприятия информации. Это цифровое опосредование реальности сужает пространство для внутреннего поиска человеком своей сущности, подменяя глубину духовного опыта поверхностным и клиповым потреблением символов и смыслов.

Посредством ИИ создается принципиально новая ситуация, когда источником смыслов и нарративов становится не только человек, но и в определенных случаях именно алгоритм. Таким образом, сакральное пространство личного духовного поиска и откровения рискует быть колонизированным — в понимании Ю. Хабермаса — безлично сгенерированными псевдосмыслами, лишенными экзистенциальной подлинности [Habermas, 2022], что соответствует концепции «опосредованной технологиями социальности» Н. Бэйм [Baum, 2010] и может быть интерпретировано как форма современного «символического насилия» в терминах П. Бурдьё [Бурдьё, 2001].

Всё это создает угрозу когнитивной устойчивости человека и общества в целом, усиливая восприимчивость к манипуляциям,

фейкам и алгоритмическим искажениям. На духовном уровне подобная уязвимость проявляется как кризис ориентации, потеря внутреннего компаса и неспособность отличить подлинный духовный импульс от искусственно сконструированного алгоритмического внушения. Это перекликается с теорией «гиперреальности» Ж. Бодрийяра [Бодрийяр, 2000] и концепцией «утраты опыта» в цифровой культуре, на которую обращал внимание Н. Карр [Карр, 2012].

Традиционно когнитивный иммунитет изучался в рамках когнитивной психологии как индивидуальный навык критического мышления (Д. Халперн) и метакогнитивного мониторинга и регуляции (Дж. Флейвелл) [Халперн, 2000, Flavell, 1979]. Однако современные вызовы требуют рассматривать его не только как личностное качество, но и как социальный феномен, формируемый через институты, культурные нормы и сетевые практики коллективного смыслопорождения [Выготский, 1999], а также как духовную практику распознавания и отвержения деструктивных смыслов в контексте цивилизационной идентичности [Хантингтон, 2003] и социального конструирования реальности [Бергер, 1995]. В психологическом измерении это предполагает развитие резистентности к когнитивным искажениям и ошибкам «Системы 1» через осознанность и рефлексивность [Канеман, 2022]. В социальном — требует формирования публичной сферы и институтов демократии обсуждения (принципы которой сформулировал Ю. Хабермас), поддерживающих когнитивное здоровье через медиаграмотность и цифровую гигиену [Хабермас, 2016]. В духовной сфере когнитивный иммунитет проявляется как способность сохранять смысловую автономию и волю к смыслу, на которые обращал внимание В. Франкл, в условиях цифровой колонизации сознания, защищая целостность внутреннего мира от алгоритмической фрагментации [Франкл, 2009].

Таким образом, когнитивный иммунитет можно позиционировать как многоуровневый процесс, который включает развитие устойчивости индивида и общества к манипуляциям, дезинформации и алгоритмическому влиянию.

Анализ рассмотренных подходов позволяет перейти от констатации угроз к конструктивному моделированию системы

защиты. Поскольку угрозы носят комплексный характер, затрагивая психологический, социальный и духовный уровни, адекватный ответ на них также должен быть многоуровневым. Поэтому формирование когнитивного иммунитета следует представить в виде динамической модели, состоящей из пяти последовательных и взаимосвязанных этапов. Данные этапы отражают логику движения от осознания проблемы на индивидуальном уровне к созданию устойчивых социальных и технологических институтов, обеспечивающих коллективную смысловую безопасность.

Представляемая модель состоит из пяти ключевых этапов, которые отражают как внутренние (личностные), так и внешние (социальные и технологические) аспекты развития когнитивного иммунитета.

Первый этап: осознание угроз и понимание рисков; цель — формирование базового понимания того, что такое когнитивный иммунитет и какие угрозы существуют в цифровой среде.

Применяемые инструменты реализации:

1. Введение темы в школьные и университетские программы.

2. Медиалекции, интерактивные тренинги, онлайн-курсы.

Второй этап: развитие критического и метакогнитивного мышления. Его цель — усиление способности анализировать информацию, ставить под сомнение источники и контролировать процессы собственного познания.

Применяемые инструменты реализации:

1. Курсы по философии науки и логике.

2. Упражнения на выявление манипуляций в СМИ.

3. Практики «мышления вслух» и рефлексия.

Третий этап: цифровая грамотность и этическая компетентность; цель заключается в приобретении навыков безопасного взаимодействия с цифровыми платформами и ИИ.

Применяемые инструменты реализации:

1. Обучение работе с фактчекинговыми ресурсами.

2. Знакомство с принципами прозрачности ИИ.

3. Разработка этических руководств для пользователей ИИ.

Четвертый этап: социальная и коллективная защита. Цель этого этапа — развитие систем коллективной защиты от дезинформации и манипуляций.

Применяемые инструменты реализации:

1. Фактчекинговые организации и платформы.
2. Гражданские инициативы по защите демократических ценностей.
3. Прозрачность алгоритмов и регулирование ИИ на государственном уровне.

Пятый этап: личная цифровая гигиена, цель которой — формирование здоровых привычек взаимодействия с цифровой средой.

Применяемые инструменты реализации:

1. Диджитал-детокс (периодическое отключение от цифровых устройств).
2. Использование блокировщиков отвлекающих сайтов.
3. Медитация, осознанность и цифровой минимализм.

Постановка проблемы. Несмотря на растущий интерес к проблемам цифровой культуры, эмпирических исследований, фокусирующих внимание именно на аспекте доверия к контенту, созданному ИИ, и на оценке когнитивной устойчивости к нему среди ключевой социальной группы — студенческой молодежи, явно недостаточно. Существует разрыв между теоретическим осмыслением вызовов цифровизации и реальными практиками взаимодействия с информацией у «цифровых аборигенов».

Возникает вопрос о том, насколько современная молодежь, проводящая значительную часть жизни онлайн, готова к новым вызовам когнитивной безопасности и какие факторы формируют ее когнитивный иммунитет.

Цель статьи — проанализировать состояние и специфику когнитивного иммунитета студенческой молодежи в контексте распространения цифровизации в целом и технологий искусственного интеллекта.

Задачи исследования:

1. Раскрыть содержание понятия «когнитивный иммунитет» в контексте современных социогуманитарных исследований.
2. Представить и проанализировать результаты эмпирического исследования цифровых практик, уровня доверия и способов верификации информации среди студентов.
3. Выявить основные паттерны поведения и потенциальные уязвимости в когнитивной сфере респондентов.

4. Обосновать необходимость целенаправленного формирования когнитивного иммунитета как основы интеллектуальной культуры в эпоху ИИ.

Методология и методы исследования

Формализация и эмпирическая верификация состояния когнитивного иммунитета современной студенческой молодежи базировалась на применении социологических методов, позволяющих зафиксировать не только количественные показатели цифровых практик, но и качественные особенности восприятия и оценки контента, генерируемого ИИ. В рамках данного исследования применен метод онлайн-анкетирования как наиболее релевантный для изучения цифрового поведения целевой аудитории.

Выборка и процедура исследования. Целевой аудиторией выступили студенты 1—2-х курсов бакалавриата различных направлений подготовки (гуманитарных, технических, естественнонаучных) университетов Центральной России и Поволжья. На момент проведения анализа (сентябрь 2025 г.) объем выборки составил $N = 453$ респондента. В опросе приняло участие 64 % женщин и 36 % мужчин. Средний возраст — 19 лет. Выборка является целевой (неслучайной), что позволяет выявить первичные тенденции и скорректировать инструментарий для последующего более масштабного исследования.

Разработана анкета, размещенная на платформе Яндекс.Forms (<https://forms.yandex.ru/u/68a4cb9c02848f24658f7128>), которая распространялась через мессенджеры и социальные сети, а также путем прямой рассылки в академические студенческие чаты и через коллег-преподавателей, студентов-наставников.

Инструментарий. Структура анкеты включает 20 вопросов, скомпонованных в четыре смысловых блока и направленных на комплексное изучение когнитивного иммунитета.

1. *Блок диагностики цифровой вовлеченности.* Вопросы данного блока (№ 1—4) нацелены на установление интенсивности и характера взаимодействия респондентов с цифровой средой. Они фиксируют время, ежедневно проводимое в интернете и социальных сетях, а также выявляют наиболее популярные платформы. Этот блок позволяет оценить «диету» информационного

потребления и является базой для понимания масштаба потенциального воздействия ИИ-контента на респондентов.

2. *Блок оценки осведомленности и опыта использования ИИ-сервисов.* Вопросы (№ 5—7) направлены на определение уровня знакомства респондентов с технологиями ИИ и частоты их практического применения. Данный блок помогает отделить пользователей, имеющих практический опыт взаимодействия с ИИ, от тех, чье представление о нем носит абстрактный характер.

3. *Блок анализа доверия к информации, генерируемой ИИ.* Центральный блок исследования (вопросы № 8—13, 20) призван измерить уровень и дифференциацию доверия к ИИ-контенту в различных смысловых и ценностных контекстах. Вопросы построены по принципу градуальной шкалы Лайкерта («полностью доверяю» — «полностью не доверяю») и затрагивают такие сферы, как научно-образовательная, новостная и аналитическая, креативная и развлекательная, персонально-ориентированная. Такой подход позволяет выявить избирательность когнитивного иммунитета: способность респондентов критически оценивать уместность и надежность ИИ в зависимости от контекста, где цена ошибки различна.

4. *Блок выявления практик верификации и рефлексии.* Финальный блок (вопросы № 14—19) исследует активные защитные механизмы когнитивного иммунитета. Это позволяет перейти от констатации практик к пониманию мотивации и уровня осознанности респондентов.

Методы анализа данных. Для обработки полученных результатов применялся комплекс методов.

Методы дескриптивной статистики использовались для количественного анализа закрытых вопросов: расчет процентных распределений, моды, медианы. Это позволило получить обобщенный портрет цифрового поведения и установить основные тенденции в уровне доверия.

Качественный контент-анализ был применен к ответам на открытые вопросы. Ответы были категоризированы по смысловым единицам (например, «стратегии верификации: кросс-проверка», «стратегии верификации: анализ логики текста», «стратегии верификации: проверка источника»), что позволило выявить

и классифицировать наиболее и наименее распространенные практики среди респондентов.

Таким образом, предложенная методология обеспечивает комплексный подход к изучению когнитивного иммунитета, сочетая количественное измерение поведенческих индикаторов с качественным анализом рефлексивных стратегий, что соответствует цели исследования.

Основная часть

Проведенное эмпирическое исследование выявило специфику и противоречия в формировании когнитивного иммунитета у ключевой группы «цифровых аборигенов» — студенческой молодежи.

Анализ данных указал на ряд ключевых тенденций и парадоксов, характеризующих текущее состояние когнитивной сферы среди респондентов.

Студенты демонстрируют высокую степень интеграции в цифровую среду. Социальные сети и сайты / блоги являются для них основными источниками информации (примерно по трети предпочтений), в то время как телевидение теряет свою значимость (менее 10 % респондентов). При этом важным каналом остается круг друзей и близких (25 %), что также часто опосредовано цифровыми коммуникациями.

Значимым позитивным индикатором является осознанное стремление к верификации информации: более 67 % опрошенных предпочитают перепроверять полученные сведения. Основными причинами для проверки выступают отсутствие подтверждений и наличие множества версий одной истории, что свидетельствует о стихийно формирующейся установке на осторожность.

Также анализ данных выявил внутренние противоречия в когнитивных установках респондентов, которые можно обозначить как структурные уязвимости формирующегося иммунитета (парадокс источника доверия). Для проверки информации 60 % студентов обращаются к официальным источникам, демонстрируя архаичную, доцифровую модель доверия, основанную на институциональном авторитете, а не на оценке компетентности или доказательной базы. Доверие к независимым источникам вдвое ниже (30 %), а к экспертам — минимально (около 5 %). Это указывает

на усвоение легитимных социальных схем классификации без их рефлексивной критики. Наибольшие опасения (у 34 %) связаны с конкретными ошибками ИИ в важных сферах деятельности, тогда как угрозу системных манипуляций общественным мнением через соцсети признают лишь 24 % респондентов. Это свидетельствует о восприятии риска как техногенного и локализованного, но не как диффузной идеологической угрозы, подрывающей основы рациональной дискуссии.

Респонденты демонстрируют осознание проблемы информационной перегруженности и необходимости развития защитных механизмов. При этом их готовность к системной работе ограничена, создавая разрыв между декларируемой ценностью и реальными практиками.

В отношении инструментов, которые могут позволить повысить уровень когнитивного иммунитета, 18 % респондентов считают необходимыми для каждого студента обязательные курсы по анализу информации. При этом 49 % готовы изучать их факультативно. Это указывает на то, что критическое мышление воспринимается не как базовая, инфраструктурная компетенция, аналогичная грамотности, а, скорее, как дополнительная опция для интересующихся.

Таким образом, полученные данные позволяют заключить, что у современной студенческой молодежи уже сформирован спонтанный «прото-иммунитет», основанный на общем сомнении (стремление к проверке) и опыте столкновения с дезинформацией (52 % встретились с ней). Однако этот иммунитет является избирательным и ситуативным, несистемным и энергетически истощаемым на фоне информационной усталости.

Проведенное исследование позволяет не только констатировать текущее состояние когнитивного иммунитета студенческой молодежи, но и выделить условные типы («портреты») его проявления, а также наметить адресные пути его целенаправленного развития:

1. *Спонтанно-осторожный (доминирующий тип)*: характеризуется общим сомнением и стремлением к проверке информации (67 %), однако сама проверка сводится к поиску институционально одобренных источников (60 %). Иммунитет основан на

внешних ориентирах, а не на внутренних когнитивных инструментах, что делает его уязвимым к манипуляциям, имитирующим «официальность».

2. *Рефлексивно-активный (меньшинство)*: демонстрирует осознанное стремление к развитию критического мышления (45 %), понимание важности скрытых смыслов (62 %) и, вероятно, использует более сложные стратегии верификации. Этот тип обладает потенциалом для формирования устойчивого иммунитета, но его представители нуждаются в институциональной поддержке и продвинутых образовательных ресурсах.

3. *Усталый и конформный*: испытывает информационную перегрузку (43 %), трудности с концентрацией (37 %) и в целях когнитивной экономии предпочитает пассивно доверять упрощенным схемам или избегать сложного контента. Данный тип наиболее уязвим для дезинформации и алгоритмического влияния.

4. *Индифферентный* (11 %): не проявляет интереса к развитию навыков анализа информации, что указывает на отсутствие осознания проблемы и, как следствие, на крайне низкий уровень когнитивного иммунитета.

Заключение

Полученные данные рисуют портрет поколения, находящегося на когнитивном распутье: цифрово-адаптированного, осознающего внешние угрозы, но не обладающего устойчивыми, рефлексивными и ресурсосберегающими, внутренними механизмами защиты.

Преодоление выявленных дефицитов требует трансформации спонтанного «прото-иммунитета» в рефлексивный. Теоретической основой служит синтез трех подходов. Критическая теория (Франкфуртская школа) задает цель — эмансипацию через рефлексию, представляя когнитивный иммунитет как инструмент освобождения от идеологического господства [Horkheimer, 1992, Адорно, 2001]. Теория практики П. Бурдьё восполняет ее недостаток, показывая, как через габитус усваиваются повседневные схемы восприятия [Бурдьё, 2001]. Теория структуризации Э. Гидденса интегрирует эти уровни через принцип дуальности структуры: она ограничивает действия, но и воспроизводится ими [Гидденс, 2003].

Таким образом, формирование когнитивного иммунитета предстает не как пассивное усвоение норм, а как активный процесс рефлексивного структурирования, в котором мышление и социальная практика взаимно обуславливают друг друга.

Данный синтез позволяет перейти от анализа к целенаправленной трансформации когнитивных практик через изменение действий конкретных агентов. Это реализуется как *система практических мер, способствующих движению от стихийной защиты к осознанному и устойчивому когнитивному иммунитету*:

1. Образовательный вектор: интеграция в учебные программы модулей, развивающих метакогнитивные навыки (анализ источников, деконструкция аргументации) через формат практикумов и кейсов.

2. Профессиональная подготовка: повышение квалификации педагогов в области медиапедагогики и критического мышления.

3. Формирование индивидуальных практик: тренинги по управлению вниманием и цифровому минимализму, способствующие выработке опыта рефлексии.

3. Институционализация стандартов: разработка и внедрение национальных стандартов медиаграмотности.

5. Трансформация медиополя: стимулирование СМИ к приерженности принципам доказательной журналистики, что изменяет саму информационную структуру.

Список источников

- Адорно Т.* Исследование авторитарной личности / под ред. В. П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001. 416 с.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / пер. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
- Бурдье П.* Практический смысл / пер. с фр., общ. ред. и послесловие Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
- Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуриации / пер. И. Тюрина. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.

- Karr H.* Пустышка. Что интернет делает с нашими мозгами / пер. П. Миронова. СПб.: BestBusinessBooks, 2012. 256 с.
- Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2022. 653 с.
- Франкл В.* Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. М.: Альпина нон-фикшн, 2009. 239 с.
- Хабермас Ю.* Структурное преобразование публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / под ред. М. Беляева; пер. В. И. Иванова. М.: Весь Мир, 2016. 344 с.
- Хабермас Ю.* Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Весь Мир, 2022. 880 с.
- Халперн Д.* Психология критического мышления. Серия: Мастера психологии. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.
- Байм N. K.* Personal Connections in the Digital Age. Cambridge: Polity Press, 2010. 184 p.
- Flavell J. H.* Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // *American Psychologist*. 1979. Vol. 34. № 10. P. 906—911. URL: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.34.10.906> (дата обращения: 16.04.2025).
- Horkheimer M.* Traditionelle und kritische Theorie, Fünf Aufsätze. Fischer Taschenbuch, 1992. 304 s.
- Pariser E.* The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011. 294 p.

References

- Adorno, T.* (2001), *Issledovanie avtoritarnoi lichnosti* [The Authoritarian Personality], in *Kul'tygin, V. P.* (ed.), *Serebriannye niti*, Moscow, Russia.
- Baudrillard, J.* (2000), *Simvolicheskii obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death], Trans. and Intro. Art. by *Zenkin, S. N.*, *Dobrosvet*, Moscow, Russia.
- Baym, N. K.* (2010), *Personal Connections in the Digital Age*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Berger, P.* and *Luckmann, T.* (1995), *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge], Trans. by *Rutkevich, E. D.*, Medium, Moscow, Russia.
- Bourdieu, P.* (2001), *Prakticheskii smysl* [The Logic of Practice] / Trans. and afterword by *Shmatko, N. A.*, in *Shmatko, N. A.* (ed.), *Aleteiia*, Saint Petersburg, Russia.

- Carr, N. (2012), *Pustyshka. Chto internet delaet s nashimi mozgami* [The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains], Trans. by Mironov, P., BestBusinessBooks, Saint Petersburg, Russia.
- Flavell, J. H. (1979), 'Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry', *American Psychologist*, vol. 34, no. 10: 906–911, available at: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.34.10.906> (Accessed 16 April 2025).
- Frankl, V. (2009), *Skazat' zhizni «Da!»: psikholog v kontslagere* [Man's Search for Meaning], Al'pina non-fikshn, Moscow, Russia.
- Giddens, A. (2003), *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration], Trans. by Tyurin, I., Akademicheskii Proekt, Moscow, Russia.
- Habermas, J. (2016), *Strukturnoe preobrazovanie publichnoi sfery: Issledovaniia otositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society], Trans. by Ivanov, V. I., in Belyaev, M. (ed.), *Ves' Mir*, Moscow, Russia.
- Habermas, J. (2022), *Teoriia kommunikativnoi deiatel'nosti* [The Theory of Communicative Action], Trans. by Sudakov, A. K., *Ves' Mir*, Moscow, Russia.
- Halpern, D. (2000), *Psikhologiya kriticheskogo myshleniia* [Psychology of Critical Thinking], Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Horkheimer, M. (1992), *Traditionelle und kritische Theorie, Fünf Aufsätze*, Fischer Taschenbuch, Germany.
- Huntington, S. (2003), *Stolknovenie tsivilizatsii* [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order], Trans. by Velimeev, T. and Novikov, Yu., AST, Moscow, Russia.
- Kahneman, D. (2022), *Dumai medlenno... reshai bystro* [Thinking, Fast and Slow], AST, Moscow, Russia.
- Pariser, E. (2011), *The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You*, Penguin Press, New York, N Y.
- Vygotsky, L. S. (1999), *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech], Labirint, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 28.10.2025; принята к публикации 30.10.2025.

The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 28.10.2025; accepted for publication 30.10.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Д. А. Смирнов — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры организации производства и городского хозяйства, Ивановский государственный политехнический университет, Иваново, Россия.

D. A. Smirnov — Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Production Organization and Urban Management, Ivanovo State Polytechnic University, Ivanovo, Russia.

Н. А. Сахарова — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры конструирования швейных изделий, Ивановский государственный политехнический университет, Иваново, Россия.

N. A. Sakharova — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Garment Design, Ivanovo State Polytechnic University, Ivanovo, Russia.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 53—67.
Intelligentsia and the World. 2026. No. 1. P. 53—67.

Научная статья
УДК 621.395(091): 316.343.652
EDN <https://elibrary.ru/nnsgrp>
DOI: 10.46725/IW.2026.1.3

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

СТОЛИЧНЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА И ТЕЛЕФОННАЯ СВЯЗЬ

Аркадий Владимирович Степанов

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
pastenovas@mail.ru, SPIN-код: 1927-4299

Аннотация. В статье представлена попытка количественно определить уровни телефонизации отдельных групп интеллигенции Петербурга и Москвы в 1908—1916 гг. Цель исследования — оценить способность интеллигенции двух крупнейших городов Российской империи освоить передовой для своего времени способ коммуникации. Такая оценка позволит подтвердить или поставить под вопрос представление о российской интеллигенции начала XX века как о наиболее динамичной страте общества, в полной мере открытой переменам, диктуемым временем. В качестве источников привлечены наиболее полные и достоверные справочные издания — ежегодники «Весь Петербург», «Весь Петроград», «Вся Москва», а также регулярно обновлявшиеся списки абонентов городских телефонных сетей. На основе ежегодников сделаны выборки таких групп интеллигенции, как гласные городских дум,

профессора университетов, преподаватели вузов технической направленности, учителя гимназий и настоятели православных храмов. Численность выборок составляет от 20—30 до 60—70 человек. Прослежена степень телефонизации и ее динамика на протяжении ряда лет: с 1907 по 1917 гг. для Петербурга, с 1908 по 1916 гг. для Москвы. Уровень телефонизации различных групп интеллигенции сравнивается с установленной автором степенью приобщения к телефонной связи всего среднего класса российских столиц. Автор находит, что к началу 1910-х гг. исследуемые группы многократно превосходили по этому показателю условный средний класс в целом. В ряде случаев пик телефонизации уже был ими пройден, но и после этого она не остановилась, а лишь замедлилась.

Ключевые слова: интеллигенция, Петербург, Москва, начало XX века, телефонизация, средний класс, профессура, учителя, священники

Для цитирования: Степанов А. В. Столичный интеллигент Серебряного века и телефонная связь // Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 53—67.

Original article

THE ST. PETERSBURG AND MOSCOW INTELLECTUAL OF THE SILVER AGE AND THE TELEPHONE COMMUNICATION

Arkadii V. Stepanov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, pastenovas@mail.ru,
SPIN-код: 1927-4299

Abstract. The paper presents an attempt to calculate the number of telephones that some intelligentsia groups in St. Petersburg and Moscow had installed between 1901 and 1917. The purpose of this research is to evaluate intelligentsia's ability to utilize advanced (and still rather expensive) communication technology of the time. Addressing this issue may either support or put under question the concept of early 20th century Russian intelligentsia as most dynamic social strata ready to welcome all sorts of novelties. Examined as pieces of evidence are some reference yearbooks and telephone directories issued between 1901 and 1917.

Several groups of intellectuals were selected for the study, such as city council deputies, university professors, lecturers at technical colleges, school teachers and Russian Orthodox priests. Each group included from 20—30 to 60—70 persons. The degree of telephone proliferation and its dynamics were traced over a number of years: from 1907 to 1917 for St. Petersburg, and from 1908 to 1916 for Moscow. The research discovered that although the share of telephone owners was different among various intelligentsia groups, even the lowest percentage was significantly higher than the middle class average, at times rising as high as 80 %. In certain groups telephone proliferation reached its climax at about 1910—1912 and still went on, though less quickly. However by 1917 a telephone still was not considered an absolute necessity even among some well-to-do Russian urban professionals.

Key words: intelligentsia, St. Petersburg, Moscow, early 20th century, telephone proliferation, middle classes, University professors, school teachers, clergy

For citation: Stepanov, A. V. (2026), 'The St. Petersburg and Moscow intellectual of the Silver Age and the telephone communication', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 1: 53—67 (in Russ.).

Запиши на всякий случай
Телефонный номер Блока:
6—12—два нуля...
А. Кушнер

Введение

Актуальность. Взрывное развитие мобильной связи в нашей стране в начале XXI столетия привлекает внимание к изучению сходного (пусть и не равномасштабного) процесса быстрой телефонизации, наблюдавшегося в столицах Российской империи век назад. Интеллигенция Серебряного века играла в телефонизации повседневной жизни этих городов важную и не до конца оцененную исследователями роль.

Постановка вопроса. Представляется возможным и научно значимым выделить различные группы интеллигенции из общего числа абонентов телефонных сетей Петербурга и Москвы начала XX в. и количественно оценить степень проникновения нового вида связи в среду тех, кто видел себя во главе социального прогресса своего времени.

Историографический обзор. Дореволюционный этап развития телефонной связи в России в целом, и в частности в Петербурге и Москве, не обойден вниманием современных историков. Примерами служат диссертации Л. Г. Авруха [Аврух, 2004], М. С. Высокова [Высоков, 2005], К. С. Криворученко [Криворученко, 2005]. Однако эти авторы рассматривали процесс телефонизации преимущественно техно- или бизнес-центрично. Их интересовали, например, такие вопросы, как рост протяженности линий и емкости коммутаторов или соотношение расходов и доходов владельцев сетей. Сходное видение отличает и работу А. В. Островского [Островский, 2012]. В нашем исследовании мы пытаемся взглянуть на телефонизацию «антропоцентрично» — со стороны не хозяев, а абонентов телефонных сетей.

Не заинтересовал этот вопрос и историков нашей интеллигенции. Очерк ее повседневной жизни, принадлежащий С. Экштуту [Экштут, 2012], останавливается накануне изучаемого нами хронологического периода. Сплошной просмотр комплектов журналов «Интеллигенция и мир» за 2015—2024 гг. и «История повседневности» за 2016—2020 гг. не выявил публикаций, тематически близких нашей работе. Представляется возможным утверждать, что тема «Столичный интеллигент начала XX в. и телефонная связь» еще не привлекла должного внимания исследователей.

Методология и методы исследования

В работе применяются статистические методы изучения телефонных справочников [Вугне, 2011] и адрес-календарей [Алексеева, 2010]. Выборки формируются по месту работы или службы людей. В Петербурге и Москве выбраны сопоставимые профессии интеллигентов. Хронология исследования ограничена 1908—1917 гг.

Основная часть

В начале XX в. Петербург и Москва были первыми мегаполисами России, на порядок превосходя числом своих жителей прочие города империи. На рубеже 1910-х гг. в Петербурге проживало около 1,5 млн чел.; город занимал площадь 89 кв. км. В Москве тогда насчитывалось 1,2 млн жителей; ее территория

превышала 92 кв. км¹. При этом единственным видом относительно быстрого транспорта, доступного жителям этих городов, которые нуждались в общении, был трамвай, нередко страдавший от перегрузки. Например, по нашим подсчетам, в 1915 г. каждый трамвайный вагон в Петрограде и Москве перевозил за день 1000—1100 пассажиров². Неудивительно, что переполненные трамваи стали одной из любимых тем карикатуристов³.

В таких условиях многие петербуржцы и москвичи всё активнее осваивали телефонную связь — как для деловых контактов, так и для личного общения. Ее проникновение в быт горожан ускорилось после того, как в 1901 г. телефонные тарифы резко понизились: вчетверо в Москве и в пять раз в Петербурге. В 1910-е гг. столичный абонент платил за год пользования этой услугой 49,5 руб., московский — 63,2 руб.⁴ При этом количество звонков и их длительность фактически не ограничивались. В результате такой тарифной политики число абонентов телефонной сети в 1905—1915 гг. в столице империи выросло почти вдесятеро, в Москве — в семь с лишним раз⁵. По нашей оценке, к 1914 г. в двух этих городах было установлено порядка 40 % всех телефонов России. И они работали. Статистики подсчитали, что в 1915 г. на каждого абонента столичной сети приходилось в среднем от 5 до 8 звонков в день⁶. По сообщению московской газеты (правда, вызывающему некоторое сомнение), уже в 1907 г. с каждого из имевшихся тогда в Первопрестольной телефонов ежедневно делалось 18 звонков⁷.

---

¹ Статистический атлас города Москвы. М., 1911. С. 1—2.

² Петроград. Статистические данные, относящиеся к Петрограду и Петроградскому городскому хозяйству. Пг., 1916. С. 14; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2-й. Данные по г. Москве за 1914—1925 гг. М., 1927. С. 234.

³ См., напр.: Сатирикон. 1908. № 32. С. 10.

⁴ Весь Петербург на 1913 год. С-Пб., 1913. С. 13; Список абонентов Московской телефонной сети. 1916. М., 1916. С. IX.

⁵ Петроград. Статистические данные, относящиеся... С. 15; Список абонентов Московской телефонной сети. 1916. С. V.

⁶ Петроград. Статистические данные, относящиеся... С. 15.

⁷ Москвичи у телефона // Голос Москвы. 1909. 7 февраля.

Можно предположить, что интеллигенция российских столиц не осталась в стороне от процесса их телефонизации. Однако, на наш взгляд, просто сделать такое заключение недостаточно. Доступные исторические источники позволяют количественно измерить глубину проникновения нового вида связи в жизнь различных сегментов такой сложной по составу общественной группы, как столичная интеллигенция. Подобное исследование позволит, в частности, точнее оценить ее готовность «шагать в ногу со временем», например — сократить привычные формы общения в пользу более оперативных контактов. Изучая степень телефонизации интеллигенции Петербурга и Москвы, можно лучше понять ее способность возглавлять прогрессивное движение общества не только в умозрительной сфере «передовых социальных учений», но и в прозаической повседневности.

Нужные для подобного исследования материалы содержатся в ежегодно выпускавшихся издательством А. С. Суворина справочниках «Весь Петербург» и «Вся Москва», а также в списках абонентов телефонных сетей этих городов, которые публиковали компании-провайдеры услуг электросвязи. Следует, однако, иметь в виду, что эти издания составлялись по заявкам включаемых в них лиц, а потому могут несколько исказить реальную статистику телефонизации российских столиц.

При всем разнообразии бытующих в науке определений интеллигенции, мы считаем, что для нужд настоящего исследования достаточно ограничиться тремя критериями, позволяющими отнести индивида к этой общественной группе: уровень образования, существенно превосходящий средний для своего времени; преимущественно интеллектуальная деятельность как источник средств к жизни; действенное и бескорыстное служение широкому обществу. Следуя этим критериям, мы относим к числу интеллигентов тех *гласных* (депутатов) *столичных городских дум*, кто профессионально трудился врачом, присяжным поверенным или «инженером». Последняя специальность обычно означала руководство строительными работами. Отметим, что муниципальные депутаты выполняли свою работу бесплатно, на общественных началах.

Анализ полного списка гласных городской думы С.-Петербурга 1907—1912 гг. (в нем числилось 164 имени) позволил

выявить среди них 21 депутата, отвечающего этим критериям интеллигентности. Это 4 врача, 7 присяжных поверенных и 10 инженеров. Из них телефоны по месту проживания имелись у 11 гласных; еще у одного думца имелся телефон в служебном офисе. С таким уточнением уровень телефонизации условно наиболее интеллигентной части «отцов города» составлял 57 %.

В городской думе Москвы образца 1912 г. состояло 129 гласных. Приведенным выше критериям «образцового интеллигента» отвечали 25 из них: врачи, профессора, присяжные поверенные и инженеры. Род занятий некоторых гласных в справочнике не указан, однако сомневаться в профессиях Романа Клейна или Владимира Герье нет оснований. Московские «интеллигентные думцы» в 1912 г. имели 21 домашний телефон (84 %). Заметим, что у 11 гласных из этого числа телефоны появились еще до 1908 г., когда в Москве насчитывалось менее 20 тыс. абонентов⁸. Первопроходцами здесь выступили, в частности, пять состоявших в 1912 г. гласными присяжных поверенных. В то же время у трех инженеров-думцев телефонов тогда еще не имелось.

При оценке степени телефонизации отдельных групп горожан 1910-х гг. следует учитывать ее общий уровень, достигнутый в то время в столицах России. Как мы ранее установили, к началу первой мировой войны средний класс Петербурга и Москвы был обеспечен электросвязью примерно на 15—20 % [Степанов, 2024: 121]. Таким образом, значения 84 % и даже 57 % надо признать очень высокими. Показательно, что в 1912 г. из семи присяжных поверенных, состоявших гласными столичной городской думы, телефоны имели пятеро, тогда как в среднем абонентами были менее половины их коллег [Степанов, 2024: 122].

Изучая уровень телефонизации отдельных групп столичной интеллигенции, логично обратить внимание на *академическую профессуру*. Для исследования мы выбрали группу профессоров Санкт-Петербургского университета, входивших в 1910-е гг. в его Ученый совет. Результаты удобно представить в виде таблицы.

---

⁸ Список абонентов Московской телефонной сети. Февраль 1908 г. М., 1908. С. V.

Таблица 1

**Наличие телефонов у профессоров
Петербургского университета (1912—1917 гг.)⁹**

	Истор.- филолог. факультет	Физико- математ. факультет	Юридический факультет	Факультет восточных языков
Всего профессо- ров в 1914 г. (а)	20	20	17	8
Из них имели тлф. в 1912 г.	13	14	13	2
Имели тлф. в 1914 г. (b)	17	18	15	4
Не имели тлф. к 1917 г.	3	2	1	3
Уровень телефонизации на 1914 г. [b: a]	85 %	90 %	88 %	50 %

Таким образом, средний по 64 профессорам уровень телефонизации в 1914 г. составил 83 %. Заметим, что в 1912—1914 гг., когда телефонизация преподавателей университета уже завершилась, аппараты всё же поставили еще 12 профессоров.

Проникновение телефонной связи в среду профессуры Московского университета начала прошлого века отражено в таблице 2.

Средний по 75 профессорам Московского университета уровень телефонизации в 1912 г. составил чуть более 70 %. Обращает на себя внимание факт их быстрой телефонизации в 1908—1912 гг., когда телефоны установили 36 профессоров. При этом 14 из них провели телефоны в течение всего двух лет, в 1911—1912 гг. В то же время 11 профессоров медицинского факультета завели телефон еще до 1908 г., а «доктор медицины» статский советник Н. Ф. Голубов имел его даже ранее 1901 г.¹⁰ Заметим, что в 1913—1915 гг. абонентами стали еще 10 профессоров

⁹ Весь Петербург на 1912 год. СПб., 1912; Весь Петербург на 1914 год. СПб., 1914; Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917.

¹⁰ Вся Москва на 1901 год. Ч. 4. М., 1901. С. 107.

университета; пик телефонизации уже проходил, темп снижался, но ее уровень теперь достиг 84 %.

Таблица 2

**Наличие телефонов у профессоров
Московского университета к 1908 г. и к 1913 г.¹¹**

	Истор.- филолог. факультет	Физико- математ. факультет	Юридический факультет	Медицин- ский факультет
Всего про- фессоров в 1913 г. (а)	19	21	15	25
Из них имели тлф. к 1908 г.	3	2	2	11
Имели телефоны к 1913 г. (б)	11	11	13	18
Нет сведений на 1913 г. (с)	1	2	1	1
Уровень те- лефонизации к 1913 г. [b: (а-с)]	61 %	58 %	93 %	75 %

Номера телефонов абонентов-медиков позволяют сделать еще одно наблюдение. По крайней мере, семь из них в 1908—1915 гг. поменяли свои адреса, однако сохранили номера телефонов; в Москве такая услуга стоила 24 руб.¹² На наш взгляд, это косвенно отражает роль телефона в жизни подобных профессионалов. Возможно, номера были известны их пациентам и позволяли им не потерять связь с врачом в огромном мегаполисе.

Если профессура университетов состояла по преимуществу из гуманитариев, то можно предположить, что в вузах естественнонаучного профиля уровень телефонизации окажется выше. Однако наш анализ не подтвердил такую гипотезу. Например, из 33

¹¹ Вся Москва на 1913 год. Адресная и справочная книга. СПб., 1913; Список абонентов Московской телефонной сети. Февраль 1908 г. М., 1908.

¹² Список абонентов Московской телефонной сети. М., 1908. С. IX.

преподавателей Петербургского Технологического института в 1912 г. телефоны имели лишь чуть более половины (18 чел.) В их решении, провести телефон в свой дом или нет, трудно усмотреть какую-то закономерность, хотя бы этнокультурную. Так, одни «питерские немцы» уже обзавелись им (Г. Ф. Десп, В. И. Зауэр, Н. С. Михельсон, Б. Л. Розинг), а другие — нет (А. В. Вульф, Н. А. Гезехус, В. Р. Тизенгольт¹³).

Сходная картина обнаружилась в Императорском Московском Техническом училище. Там в 1913 г. из 31 преподавателя телефоны имелись у 15 человек; семеро из них установили аппараты еще до 1908 г. Отметим, что в 1908—1912 гг. пятеро из этих пионеров телефонизации сменили свои адреса, но сохранили ранее полученные номера. Найти иные признаки особой потребности этих московских интеллигентов в телефонной связи нам не удалось. Как те преподаватели МТУ, кто имел телефон, так и те, кто его не имел, зачастую трудились в двух-трех учебных заведениях и состояли в правлениях нескольких общественных организаций, т. е. были примерно в равной степени загружены делами.

Уровень телефонизации *педагогов средних учебных заведений* ожидаемо оказался ниже, хотя и незначительно. Так, из 23 преподавателей 1-й московской мужской гимназии в начале 1910-х гг. домашний телефон имели 9 человек (39 %). При этом понять логику распределения телефонов не представляется возможным. Очевидно, что стоимость услуги не служила ограничителем: учителя С. П. Виноградов и И. Г. Семенович пользовались ею, хотя работали только в одной гимназии, тогда как Б. А. Фохт, числившийся сотрудником семи (!) средних учебных заведений, или А. П. Поляков, преподававший, среди прочего, в московском университете, обходились без телефона. Этническое происхождение педагога и здесь не играло роли: «московские немцы» А. Грунау, П. Сетингсон или тот же Фохт не имели телефонов, а А. Плестерер и А. Юртела их уже завели. Даже место проживания человека трудно связать с наличием у него телефона: жившие в доме гимназии К. Н. и А. К. Виноградовы не имели телефонов,

---

¹³ Заметим, что Н. Гезехус и В. Тизенгольт установят телефоны к 1914 г., а А. Вульф — в 1916 г.

а их коллеги и соседи по ул. Волхонка Д. Г. Коновалов и И. Г. Семенович имели.

Из числа педагогов 1-й мужской гимназии Петербурга нам удалось найти сведения о 20 учителях; в 1912 г. телефоны имели 9 из них (45 %). Как и в Москве, здесь трудно обнаружить какую-то закономерность. В частности, пять учителей, носивших немецкие фамилии, не имели телефонов, а трое имели. О том, что даже в кругу столичной интеллигенции телефон не всегда считался нужным предметом, свидетельствует такой факт: учительница А. П. Измалкова проживала в доме своих родителей; ее отец служил в Государственном дворянском банке, однако телефона в их квартире в 1912 г. не было¹⁴.

Несомненный интерес представляет оценка распространения телефонов в быту столь специфичной группы интеллигенции, как *духовенство*. Так, в Петербурге в 1913 г. служили 37 настоятелей придворных и приходских церквей; сведения удалось найти о 35 из них. Домашние телефоны имели 20 человек из этого числа (57 %). Заметим, что распределение аппаратов среди них выглядит трудно объяснимым. Его, например, не удастся связать со статусом того храма, где служил священник. Так, домашних телефонов не имели даже настоятели Смольного и Исаакиевского соборов.

Для сопоставимости статистики двух столиц мы выбрали из списка настоятелей московских храмов 35 человек. Выяснилось, что в 1913 г. домашние телефоны имели 10 из них (28,5 %). Как и в случае со священнослужителями Петербурга, здесь не всегда просматривается какая-то отчетливая логика. Можно понять наличие телефонов у настоятелей Храма Христа Спасителя или Казанского собора. Логично и то, что телефон установил, например, кандидат богословия Н. Н. Пшеничников: помимо службы в храме Знамени Пресвятой Богородицы, он преподавал в двух средних учебных заведениях. Однако семь других обладателей телефонов ничем не выделяются среди своих коллег. В любом случае, уровень телефонизации настоятелей московских

---

¹⁴ Весь Петербург на 1912 год. Ч. III. СПб., 1912. С. 364. Впрочем, к 1917 г. Измалковы все же установили домашний телефон, получив № 14-490. См.: Весь Петроград на 1917 год. Ч. III. Пг., 1917. С. 278.

храмов в 1913 г. оказался заметно выше, чем рассчитанный нами для среднего класса Москвы в целом (15,9 %) [Степанов, 2024: 121].

Как пример запоздалой телефонизации столичной интеллигенции отметим семью А. А. Блока. В двух квартирах, которые Блоки сменили в 1910—1916 гг., они обходились без телефона¹⁵. Только в справочнике «Весь Петроград на 1917 г.» появился № 61-200 с адресом Офицерская ул., д. 57, записанный на супругу поэта (заметим, что имя самого А. Блока там отсутствует)¹⁶. Этот номер может показаться странным, поскольку к 1917 г. число телефонов в Петрограде еще не достигло 60 тыс. Но номера 6X-XXX появились там уже в 1914 г., когда их и вовсе было около 50 тыс.¹⁷ Вероятно, питерские связисты раздавали абонентам номера с запасом, «на вырост». Руководство столичной телефонной сети явно смотрело в будущее с оптимизмом.

Заключение

Проведенный нами анализ не может претендовать на абсолютную точность. Строить выводы на основании изучения выборок численностью 20—30 или хотя бы и 60—70 чел. весьма ненадежно. Результат способен существенно измениться даже от незначительного расширения круга включенных в исследование лиц. Однако, на наш взгляд, возможные количественные корректировки не изменят установленных нами качественных тенденций.

Интеллигенция российских столиц освоила электрическую связь уже к концу 1900-х гг., многократно превзойдя степень телефонизации среднего класса Петербурга и Москвы. В 1910-е гг. этот процесс продолжался, хотя в ряде случаев его пик уже был пройден. Относительно высокий уровень телефонизации демонстрировали даже те группы интеллигенции, для которых услуги электросвязи могли казаться весьма дорогими: учителя средних

---

¹⁵ См., напр., *Весь Петербург на 1912 г.* СПб., 1912. Ч. III. С. 81; *Весь Петербург на 1913 г.* СПб., 1913. Ч. III. С. 57; *Весь Петербург на 1914 г.* Ч. III. СПб., 1914. С. 59; *Весь Петроград на 1916 г.* Пг., 1916. Ч. III. С. 62.

¹⁶ *Весь Петроград на 1917 г.* Пг., 1917. Ч. III. С. 64.

¹⁷ *Петроград. Статистические данные, относящиеся...* Пг., 1916. С. 15.

школ и настоятели приходских церквей. Интеллигенция делом доказывала свою авангардную роль в поступательном развитии российского общества.

Соотношение уровней телефонизации между отдельными профессиональными группами интеллигенции в целом соответствует нашим ожиданиям, хотя распределение владельцев и не-владельцев телефонов внутри каждой группы представляется достаточно произвольным, зависящим от субъективных факторов. В любом случае телефон в ту пору еще не стал жизненной потребностью для некоторых столичных интеллигентов: обойтись без него могли даже те из них, кто по роду своей профессиональной и общественной деятельности поддерживал связи с немалым числом людей, живущих в разных районах этих мегаполисов. Иногда имевшие телефон интеллигенты не сообщали его номер составителям справочников, вероятно, не считая его важным контактом. В то же время интеллигенты, однажды установившие телефон, редко отказывались от него, в частности, стараясь сохранить номер аппарата при перемене своего адреса.

Список источников

- Аврух Л. Г.* Телефонизация Петербурга. 1882—1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. 24 с.
- Алексеева И. Г.* Адресно-справочные книги как исторический источник // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. № 1. С. 77—92.
- Высоков М. С.* Российская империя на путях модернизации: зарождение и развитие электросвязи в XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. 44 с.
- Криворученко К. С.* Становление и развитие московской городской телефонной сети: 1882—2005 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 28 с.
- Островский А. В.* У истоков телефонной связи в России // Телефонная связь: прошлое, настоящее, будущее: материалы Пярых научных чтений памяти А. С. Попова, посвящ. Дню радио — празднику работников всех отраслей связи, Санкт-Петербург, 5 мая 2012 г. / науч. ред. Н. А. Борисова. СПб.: Центральный музей связи им. А. С. Попова, 2012. С. 18—24.

- Степанов А. В. Телефонизация городского среднего класса России начала XX века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 117—126.
- Экштут С. А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи великих реформ до Серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2012. 462 с.
- Balbi G. The Origins of telephone in Italy, 1877—1915: Politics, Economics, Technology and Society // *International Journal of Communication*. 2011. № 5. P. 1058—1081.
- Byrne L. The Telephone Directory as historic document. 2012. URL: <https://www.academia.edu/3474209> (дата обращения: 04.03.2025).

References

- Avrukh, L. G. (2004), *Telefonizatsiia Peterburga. 1882—1917 gg.* [Telephone installation in St. Petersburg. 1882—1917], Abstract of Ph. D. (History) dissertation, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Saint Petersburg, Russia.
- Alekseeva, I. G. (2010), ‘Address books as a historical source’, *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], no. 1: 77—92.
- Balbi, G. (2011), ‘The Origins of telephone in Italy, 1877—1915: Politics, Economics, Technology and Society’, *International Journal of Communication*, no. 5: 1058—1081.
- Byrne, L. (2012), *The Telephone Directory as historic document*, available at: <https://www.academia.edu/3474209> (Accessed 4 March 2025).
- Ekshtut, S. A. (2012), *Povsednevnaia zhizn' russkoi intelligentsii ot epokhi velikikh reform do Serebrianaogo veka* [Daily life of the Russian intelligentsia from the era of great reforms to the Silver Age], Molodaia gvardiia, Moscow, Russia.
- Krivoruchenko, K. S. (2005), *Stanovlenie i razvitie moskovskoi gorodskoi telefonnoi seti: 1882—2005 gg.* [Formation and development of the Moscow city telephone network: 1882—2005], Abstract of Ph. D. (History) dissertation, Moscow Humanitarian University, Moscow, Russia.
- Ostrovsky, A. V. (2012), ‘At the origins of telephone communication in Russia’, in Borisova, N. A. (ed.), *Telefonnaia sviaz': proshloe, nastoiashchee, budushchee: materialy piatykh nauchnykh chtenii pamiati A. S. Popova, posviashchennykh Dniu radio — prazdniku rabotnikov vsekh otraslei svyazi* [Telephone communications: past, present,

- future: materials of the fifth scientific readings in memory of A. S. Popov, dedicated to Radio Day — a holiday of workers in all branches of communications], Saint Petersburg, Russia, 5 May 2012, Tsentral'nyi muzei sviazi im. A. S. Popova, Saint Petersburg: 18—24.
- Stepanov, A. V. (2024), 'Telephonization of the urban middle class of Russia at the beginning of the 20th century', *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, serii: Gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin, series: Humanities], iss. 4: 117—126.
- Vysokov, M. S. (2004), *Rossiiskaia imperiia na putiakh modernizatsii: zarozhdenie i razvitie elektrosviasi v XIX — nachale XX vv.* [The Russian Empire on the path of modernization: the origin and development of telecommunications in the 19th — early 20th centuries], Abstract of D. Sc. dissertation (History), Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Saint Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025; одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 28.03.2025; approved after reviewing 23.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Информация об авторе / Information about the author

А. В. Степанов — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

A. V. Stepanov — Candidate of Science (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 68—84.
Intelligentsia and the World. 2026. No. 1. P. 68—84.

Научная статья
УДК 94(47+57)"1951/1955"-058.237
EDN <https://elibrary.ru/nxgqmb>
DOI: 10.46725/IW.2026.1.4

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.3. Археология

**ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-Х ГОДОВ
(по дневникам и письмам
из личного архива Д. А. Крайнова)
(Окончание. Начало: «Интеллигенция и мир».
2025. № 4. С. 24—41)**

Елена Леонидовна Костылёва

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
elkos-ty-le-va@mail.ru, SPIN-код: 5530-3176,
<https://orcid.org/0000-0003-4702-7983>

Александр Витальевич Уткин

Независимый исследователь, Россия, u_two1955@mail.ru,
SPIN-код: 3155-4858, <https://orcid.org/0000-0001-6521-1958>

Ключевые слова: археолог Д. А. Крайнов, ГУЛАГ, театр, дневники, переписка, М. Б. Полторацкая, провинциальная интеллигенция, микроистория

Для цитирования: Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Жизнь провинциальной советской интеллигенции первой половины 1950-х годов (по дневникам и письмам из личного архива Д. А. Крайнова) (Окончание. Начало: «Интеллигенция и мир». 2025. № 4. С. 24—41) // Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 68—84.

© Костылёва Е. Л., Уткин А. В., 2026

**THE LIFE OF THE PROVINCIAL SOVIET
INTELLIGENTSIA
IN THE FIRST HALF OF THE 1950S
(based on the diaries and letters
from D. A. Krainov's personal archive)
(End. Beginning: “Intelligentsiia i mir”,
2025, no. 4: 24—41)**

Elena L. Kostyleva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
elkos-ty-le-va@mail.ru, SPIN-код: 5530-3176,
<https://orcid.org/0000-0003-4702-7983>

Alexander V. Utkin

Independent researcher, Ivanovo, Russia,
u_two1955@mail.ru, SPIN-код: 3155-4858,
<https://orcid.org/0000-0001-6521-1958>

Keywords: archaeologist D. A. Krainov, GULAG, theatre, diaries, correspondence, M. B. Poltoratskaia, provincial intelligentsia, microhistory

For citation: Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. (2026), ‘The life of the provincial soviet intelligentsia in the first half of the 1950s (based on the diaries and letters from D. A. Krainov's personal archive) (End. Beginning: “Intelligentsiia i mir”, 2025, no. 4: 24—41)’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 68—84 (in Russ.).

Возвращение в науку

Д. А. Крайнов вновь возвратился к любимому делу. Это была победа! Победа над обстоятельствами, победа над людьми, превратившими его в изгоя, победа над самим собой. «Я люблю свою науку. Мне не дали ей по-настоящему заниматься, но я сделаю еще много...», — писал он в письме к М. Б. Бохиной¹. Он не

---

¹ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 3 мая 1954 г. // Архив археологического музея Ивановского государственного университета. Фонд Д. А. Крайнова. Раздел рукописей. Отдел «Письма» (далее: Архив АМУ).

выбрал путь певца в филармонии «с хорошим окладом — 2500 руб. и плюс — командировочные от поездок»². Он вернулся к работе в музее, к научным занятиям, к археологии. «Я не пошел по легкой дороге “аплодисментов и кулис”, хотя она сулила мне материальные выгоды и обеспеченную и беспечную жизнь — жизнь артиста ... Я пошел работать в провинциальный музей на оклад, о котором стыдно сказать»³.

Изголодавшийся по любимому делу, он добивается выдачи ему открытых листов от Академии наук, получает небольшое финансирование из Ярославля и уже 18 июня 1954 г. начинает работы по обследованию археологических памятников в Угличском районе. В июле проводит раскопки Введенского Холма за Карабихой, в сентябре — разведки на Карашском торфянике, а в первых числах октября 1954 г. с сотрудницей ГИМа Марией Васильевной Фехнер они начинают раскопки «Игорева селища» у с. Золоторучье и стоянки Золоторучье I [Костылёва, Уткин, 2024: 637]. «Меня моя работа увлекает, я люблю ее»⁴. И главное — Д. А. Крайнов сразу стал востребованным, как в области археологии, так и в культурно-образовательной сфере. Ему предлагают возглавить экспедицию в Ярославской области в зоне затопления памятников «от Ярославля до Щербакова» в связи с постройкой Горьковской ГЭС⁵. Его приглашают работать режиссером в клуб⁶, вести в педагогическом училище Углича уроки художественного чтения⁷, писать статьи в Большую советскую энциклопедию⁸, читать лекции по линии общества «Знание»⁹, публиковать научные статьи в «Советской археологии» и в сборнике памяти В. А. Городцова¹⁰, писать рецензию на

---

² Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 21 июня 1954 г. // Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Крайнов Д. А. Письма М. Б. Бохиной от 14 и 21 июня 1954 г. // Там же.

⁶ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 13 мая 1954 г. // Там же.

⁷ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 23 ноября 1954 г. // Там же.

⁸ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 6 октября 1954 г. // Там же.

⁹ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 21 ноября 1954 г. // Там же.

¹⁰ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 9 сентября 1954 г. // Там же.

монографию по палеолиту Армении¹¹. Летом 1955 г. он получает из Ярославского государственного педагогического института им. К. Д. Ушинского приглашение провести у студентов 1-го курса полевую археологическую практику, а также прочитать для студентов-заочников курс лекций по археологии¹². Он берет-ся за любую работу: «...деньги мне нужны, т. к. “я гол, как сокол”»¹³. Однако главное — это наука. После работы и подработок он до 12 ночи, а то и за полночь пишет диссертацию по материалам своих довоенных раскопок в Крыму, в феврале 1955 г. успешно выступает с докладом на объединенном заседании Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК), Государственного исторического музея и Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, готовит доклад на мартовскую конференцию ИИМК, пишет научные статьи и отчеты по проведенным полевым работам¹⁴.

Настойчивость Д. А. Крайнова в достижении своей цели — вернуться в науку — способствовала тому, что весной 1956 г. он был принят в ИИМК АН СССР на должность младшего научного сотрудника [Костылёва, Уткин, 2024: 637—638]. Этому способствовала и постоянная поддержка «гимовских» коллег довоенного времени — Е. И. Крупнова, А. Я. Брюсова, М. В. Фехнер, В. М. Раушенбах. Они встречались с ним в Москве, приезжали в Углич, вели переписку, приглашали на научные мероприятия. Основную роль в этом сыграл Е. И. Крупнов, который, будучи заместителем директора ИИМК чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцова, принял своего старого друга на работу¹⁵.

---

¹¹ Крупнов Е. И. Письмо Д. А. Крайнову от 15 июня 1955 г. // Там же.

¹² Башкиров А. С. Письмо Крайнову Д. А. от 14 марта 1955 г. // Там же; Резвый В. Письмо Крайнову Д. А. от 18 июня 1955 г. // Там же.

¹³ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 14 мая 1954 г. // Там же.

¹⁴ Крайнов Д. А. Письма М. Б. Бохиной за октябрь — ноябрь 1954 г. и январь — февраль 1955 г. // Там же.

¹⁵ До конца дней Д. А. Крайнова у его письменного стола на книжной полке стояли портреты трех самых главных в его жизни мужчин — отца Александра Гавриловича, учителя в археологии Василия Алексеевича Городцова и друга Евгения Игнатьевича Крайнова.

Закончился небольшой, но очень насыщенный период жизни Д. А. Крайнова. Он переехал из Углича в Москву. Жизнь стала налаживаться. Но это уже совсем другая история...

Закончив освещение истории с поиском работы, — самой большой истории в рамках рассматриваемой темы, обратимся к другим составляющим жизни любого человека: надо где-то жить, что-то есть-пить, во что-то одеваться. Из имеющихся в нашем распоряжении источников об этом можно узнать сравнительно немного.

Жили-были...

Из «солагерников» о своих жилищных условиях сообщала Д. А. Крайнову только Н. К. Троицкая из Салехарда, однако без излишних подробностей. Она жила в общежитии № 2 Кирпичного поселка: «Я живу в общежитии на 6 человек, это почти то же, что было в Абези с маленькой разницей... Раньше мы жили одни актеры, а теперь все разъехались, и народ сборный»¹⁶.

М. Б. Бохина, будущая жена Д. А. Крайнова, покинув своего неравнодушного к алкоголю и неверного мужа, жила в 4-этажном кирпичном здании общежития ремесленного училища № 1 (Пенза, ул. Ленина). В училище она преподавала своим «мальчишкам-озорничикам» физику, механику, машиноведение. В ее письмах к Крайнову упоминается, что живет она на одном этаже с комнатами учеников, временами очень шумных. План своей комнаты, которую она делит с коллегой Ниной, с указанием расположения мебели Бохина присылает в одном из писем. В интерьере — диван, две кровати, два стола, один из которых — обеденный, табуретка, три стула, два шкафа — посудный и плательный. Есть радиоприемник, электрические лампы: потолочная и настольная. Из бытовой техники — швейная машина, электрическая плитка и утюг. На шкафу и столах стояли цветы (незабудки, колокольчики, сирень, пионы). Обычно их приносили «ребятишки» — ученики из училища. Была «большая стопка

---

¹⁶ Троицкая Н. К. Письмо Д. А. Крайнову от января, 1952 г. Архив АМУ. Фонд Д. А. Крайнова. Раздел рукописей. Отдел «Письма».

посуды», которую учительница по неосторожности разбила, в том числе блюдец от любимой чашки¹⁷.

Д. А. Крайнов, вернувшись из лагеря в родную деревню, в которой не был 15 лет, жил «в избушке Осипа Тихоновича — покойный папа купил у него»¹⁸. Видимо, эту «хибарку» Александр Гаврилович купил уже после возвращения из ссылки [Больш и память..., 2001: 363]¹⁹. Прежний дом, запечатленный на фотографии из архива Д. А. Крайнова, был пятистенком, рассчитанным на большую крестьянскую семью. В дневниковых записях Крайнова упоминаются в избушке печка, кровать, шкаф, радио, часы, стол, над которым «тихо и тускло мерцает семилинейная лампа». Крайнов занимается утеплением своей избушки — настолько, видимо, она стара, что продувается ветрами²⁰. В 1954 г. ее удалось продать, предположительно, кому-то под дачу, за 1100 р.²¹

При переезде в Углич меняется и жилище. Крайнову предоставили для проживания каменную часовню²². Она была не слишком пригодна для жизни из-за сырости и плесени. Однако в сентябре — октябре 1954 г. в ней провели ремонт, и внутри стало более комфортно²³. Там имелись электрическое освещение, печка, необходимая мебель, в том числе кресло, бытовая техника

---

¹⁷ Бохина М. Б. Письма Д. А. Крайнову от 30 мая, 3 и 7 июня, 20 и 24 октября 1954 г. // Там же.

¹⁸ Крайнов Д. А. Дневник. Записи за 18 октября 1951 г. // Там же. Отдел «Дневники».

¹⁹ Крайнов Александр Гаврилович, род. 1878. Крестьянин. Арестован 15.04.1931. Осужден на 3 года высылки.

²⁰ Крайнов Д. А. Дневники. Записи от 18, 30 октября, 23, 24 ноября 1954 г. // Архив АМУ. Фонд Д. А. Крайнова. Раздел рукописей. Отдел «Дневники».

²¹ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 14 ноября 1954 г. // Там же. Отдел «Письма».

²² Видимо, это была часовня Петра и Павла, построенная в конце XIX в. и находящаяся в нескольких минутах ходьбы от музея. Часовня сохранилась до настоящего времени, а расположенная рядом Церковь Петра и Павла была снесена в советские годы (информация из открытых источников в интернете).

²³ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 24 октября 1954 г. // Архив АМУ. Фонд Д. А. Крайнова. Раздел рукописей. Отдел «Письма».

(электрическая плитка и утюг). Можно было жить и работать, сидя за хорошо освещенным столом. И главное — никто не мешал писать по ночам диссертацию, статьи и письма.

Судя по всему, качество жилья не играло большой роли, если у человека была подходящая работа и хорошее окружение. Большинство населения СССР жило в ту пору весьма скромно.

«По одежке встречают...»

Внешность человека всегда играет большую роль в жизни. М. Б. Бохина постоянно в своих письмах давала Д. А. Крайнову дружеские наставления, как ему, привыкшему в лагерной жизни не слишком обращать на себя внимание, следует выглядеть внешне: «Внешность должна соответствовать содержанию»²⁴. И он перед ней отчитывался: ходит чистым, гладит брюки — и т. п. («за внешностью своей слежу, все твои заветы выполняю неукоснительно»²⁵). На ноябрьские праздники 1954 г. родные и коллеги Д. А. Крайнова собирались должным образом отметить его пятидесятилетие. Подготовка к юбилею началась задолго до этого события с попыток обзавестись костюмом. Тема приобретения костюма отражена в восьми письмах к Бохиной, начиная с 27 июля, когда «появились деньги на костюм»²⁶. В московских магазинах ничего подходящего для него — высокого (193 см) и худого — не нашлось: «Не смог достать костюм»²⁷. В связи с этим решено было заказать костюм в мастерской. Он был готов к 24 октября и обошелся в немалую сумму — 1350 руб.²⁸ Таков был, например, средний оклад артиста в театре Салехарда в начале 1950-х годов²⁹.

В одном из писем М. Б. Бохина пишет, что брата Д. А. Крайнова — Ивана Александровича — она видит очень редко. «Костюм он еще не купил, т. к. вижу его в старом. Да

---

²⁴ Бохина М. Б. Письмо Д. А. Крайнову от 1 октября 1954 г. // Там же.

²⁵ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 5 сентября 1954 г. // Там же.

²⁶ Крайнов Д. А. Письма М. Б. Бохиной от 27 июля, 25 августа, 5, 22 и 24 сентября, 1, 10 и 24 октября 1954 г. // Там же.

²⁷ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 25 августа 1954 г. // Там же.

²⁸ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 24 октября 1954 г. // Там же.

²⁹ Троицкая Н. К. Письмо Д. А. Крайнову от 1 февраля 1951 г. // Там же.

здесь и не купит он ничего. Паршиво у нас стало». «Ваня в Москву не поедет... ему нужно сделать себе костюм, и нет лишних денег»³⁰. Из обуви, сообщает она, «здесь есть сандаlette мужские на микропористой подошве — 76 руб.»³¹. Потом ей удалось купить Крайнову ботинки, и она беспокоилась, подошли ли они. Сетовала на то, что в магазинах «нет носок, а на базаре у спекулянтов только»³².

Достать в магазине хорошее пальто тоже было нелегко, поэтому, если была возможность, заказывали в швейной мастерской новое, или перешивали / перелицовывали старое. По просьбе М. Б. Бохиной Крайнов отправляет в конце сентября в Пензу посылку со своим старым демисезонным пальто, чтобы перелицевать его³³. Сам он всё это время ходил в старом плаще. «В плаще прохладно, а в деревню до праздников не вырваться. Там есть осеннее пальто и фуфайка», — писал он Бохиной 10 октября³⁴. Перешитое пальто он получил назад 11 октября, но на раскоп его не надевал, берёт. Две недели он вел раскоп в Золоторучье в своем старом плаще, но было уже очень холодно: «...ветер такой, что с ног сбивает, а один день был снег и мороз... Копать невозможно. Холод собачий»³⁵. Его спасала только лисья шкура: «Мне Л. М.³⁶ дала под плащ лисью шкуру, и было тепло»³⁷. Зимнее пальто так же, как и костюм, пришлось шить на заказ: «Ходил в мастерскую — заказать пальто. Работа будет стоить 160 руб. плюс 140 — ватин и подклад»³⁸. А материал решено было взять со старого пальто, перелицевав его. М. Б. Бохина сообщает

---

³⁰ Бохина М. Б. Письмо Д. А. Крайнову от 27 марта, 13 октября 1954 г. // Там же.

³¹ Бохина М. Б. Письмо Д. А. Крайнову от 27 марта 1954 г. // Там же.

³² Бохина М. Б. Письмо Д. А. Крайнову от 20 октября 1954 г. // Там же.

³³ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 24 сентября 1954 г. // Там же.

³⁴ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 10 октября 1954 г. // Там же.

³⁵ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 24 октября 1954 г. // Там же.

³⁶ Л. М. — Лидия Михайловна — директор музея Углича.

³⁷ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 17 октября 1954 г. // Архив АМУ. Раздел рукописей. Отдел «Письма».

³⁸ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 15 ноября 1954 г. // Там же.

о пошиве шубки, который «с материалом и работой обошелся в 980 руб.»³⁹. Это на 40 рублей больше ее учительской зарплаты за месяц при нагрузке 28 час. в неделю (за год — 984 час.)⁴⁰. На тысячу рублей можно было тогда купить плащ, брюки и рубашку⁴¹. К слову, купить мужскую рубашку в Пензе оказалось проще, чем носки: «Здесь часто бывают хорошие рубашки»⁴².

Таким образом, одежда обходилась дорого, однако учителя должны были быть на высоте («Внешность должна соответствовать содержанию»). То же можно сказать и об артистах. Троицкая Н. К. сообщала Крайнову, что после того, как «11 августа театр прикрыли, и артисты остались не у дел», она купила себе шубу и шапку из каракулевых лапок. Кроме того, приобрела швейную машину и стала шить. «В общем, приделась»⁴³.

И с покупкой обуви, прежде всего, зимней, было не так легко. В Салехарде можно было купить пимы за 150—180 руб., а вот валенки лучше купить в Москве⁴⁴. Вопрос о покупке валенок обсуждался и в письмах Д. А. Крайнова к М. Б. Бохиной. Он надеялся, что она сможет после Нового года перебраться жить в Углич: «Без валенок нельзя. Постарайся достать. Здесь за ними очереди и не достанешь»⁴⁵. Просит старые валенки не продавать, пока новые не купила. К предстоящей зиме надо было готовиться основательно, поэтому он высылает своей пензенской Машеньке (так он с конца мая 1954 г. в ходе длительной переписки осмелился называть М. Б. Бохину) 400 руб. на покупку пухового платка⁴⁶.

Нижняя одежда и белье тоже были в дефиците: «Я заказала тебе пары две—три белья. Обещали достать»⁴⁷. Тогда, как правило, хорошие вещи в магазинах не покупали, а «доставали». Так,

---

³⁹ Бохина М. Б. Письмо Д. А. Крайнову от 21 марта 1955 г. // Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Бохина М. Б. Письмо Д. А. Крайнову от 24 декабря 1954 г. // Там же.

⁴³ Троицкая Н. К. Письмо Д. А. Крайнову от 18 октября 1951 г. // Там же.

⁴⁴ Троицкая Н. К. Письмо Д. А. Крайнову от 1 декабря 1951 г. // Там же.

⁴⁵ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 25 ноября 1954 г. // Там же.

⁴⁶ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 14 ноября 1954 г. // Там же.

⁴⁷ Бохина М. Б. Письмо Д. А. Крайнову от 21 марта 1955 г. // Там же.

впрочем, было и позднее — в 1960—70-е годы. Дефицит одежды и обуви сохранялся еще долго.

«Не хлебом единым...»

Проблема пищи — как для поддержания тела, так и духовной — также нашла отражение в привлеченных источниках.

О том, что можно было купить в Салехарде, очень кратко пишет Н. К. Троицкая в ожидании возможного приезда Д. А. Крайнова: «Захватите сухих грибов, немного яичного порошка, т. к. яйца здесь 40 р. и не всегда есть, мясо — 35—40 р., но будет дешевле, когда появится оленина... Одним словом... жить можно»⁴⁸.

В. М. Белая сообщала о продуктах и ценах на них в Воркуте: «Лук есть, стоит 5 р. килограмм в магазинах. Чесноку в магазинах не видела, а на базаре стоит 1 р. средняя головка. В этом году у нас плохо с картофелем..., но говорят, поехали за ним и будет... Хороший товар у нас яички. Стоят 25 р. десяток, и кто бывает на юге, привозит их... Перебой с мясом. Свинины в магазинах нет, на базаре — 45 р. килограмм»⁴⁹.

Д. А. Крайнов во время жизни в деревне упоминает, что дома в хозяйстве были куры, гуси, коза и поросенок. На огороде рос картофель. Кроме того, Д. А. Крайнов ловил рыбу и ходил в лес за грибами⁵⁰. Иногда сестры привозили кое-какие продукты из Москвы. А вот хлеб приходилось печь самому⁵¹. Видимо, снабжение деревень хлебом в ту пору не было организовано.

Когда Д. А. Крайнов перебрался в Углич, ситуация немного изменилась. На питание приходилось тратить больше, чем в деревне. В Угличе на рынке можно было купить мясо и овощи, прежде всего картофель. Цены были даже ниже, чем в Москве. Он писал Бохиной, что мясо на рынке есть, телятина 13 руб., говядина 16—18, баранина — 20, свинины и яиц мало, сахар можно достать, а остальные продукты нужно возить из Москвы⁵².

---

⁴⁸ Троицкая Н. К. Письмо Д. А. Крайнову от 1 декабря 1951 г. // Там же.

⁴⁹ Белая В. М. Письмо Д. А. Крайнову от 16 ноября 1951 г. // Там же.

⁵⁰ Крайнов Д. А. Дневник. Записи за 18 и 30 октября 1951 г. // Там же.

⁵¹ Личное сообщение Д. А. Крайнова.

⁵² Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 25 ноября 1954 г. // Архив АМУ. Фонд Д. А. Крайнова. Раздел рукописей. Отдел «Письма».

Относительная близость к Москве позволяла ему во время нечастых поездок по своим научным и музейным делам в столицу привозить дефицитные продукты не только себе, но и коллегам из музея: «Из Москвы привез продуктов (масло, сахар, мука, дрожжи и пр.)»⁵³. «Привез ли ты вашим сотрудникам масло?», — беспокоилась М. Б. Бохина⁵⁴. В других городах, отстоящих дальше от Москвы, наблюдался еще больший дефицит продуктов.

М. Б. Бохина благодарила Д. А. Крайнова за продуктовые посылки в Пензу: «За посылки спасибо, т. к. мы тут просто голодаем. В магазинах ничего нет, а на рынке всё дорого»⁵⁵. «Вот твои посылки меня надолго обеспечили. Большое спасибо за сахар и жиры особенно. Муку ты бы себе оставил, т. к. мы с Ниной достали 4 пакета... Я, Митя, обязательно поделюсь с Ваней...»⁵⁶. А еще в Москве можно было достать апельсины. Крайнов отправил их Машеньке в посылке, и она с благодарностью отвечала: «Я так рада апельсинам, словно дитя»⁵⁷. Да, апельсины можно было купить лишь в Москве и не только в те времена, но даже в 1970—80-е годы. Достаточно вспомнить стихотворение Евгения Евтушенко «Москва—Иваново»: «Ехал-ехал я в Иваново ... Ехал я в нескором поезде, где зажали, как в тиски, апельсины микропористые — фрукты матушки-Москвы» [Евтушенко, 1978].

«Одним словом ... жить можно»... И так будет еще достаточно долго, пока повсюду не начнется строительство и ввод в эксплуатацию птицефабрик, свиноферм, молочных ферм и прочих предприятий, связанных с обеспечением населения продуктами питания.

О пище духовной

Немалое значение имела и духовная составляющая жизни интеллигенции: возможность посещения театров, концертов, чтения книг, участия в художественной самодеятельности.

---

⁵³ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 21 января 1955 г. // Там же.

⁵⁴ Бохина М. Б. Письмо Д. А. Крайнову от 29 августа 1954 г. // Там же.

⁵⁵ Бохина М. Б. Письмо Д. А. Крайнову от 6 марта 1955 г. // Там же.

⁵⁶ Бохина М. Б. Письмо Д. А. Крайнову от 13 марта 1955 г. // Там же.

⁵⁷ Бохина М. Б. Письмо Д. А. Крайнову от 27 марта 1955 г. // Там же.

Рассматриваемые нами источники по этому вопросу относятся к представителям творческой, научной и педагогической интеллигенции. Источники, связанные с творческой интеллигенцией, — это письма Д. А. Крайнову бывших актеров театра лагеря ГУЛАГ «Стройка 501/503». Их духовная жизнь и после освобождения по-прежнему была связана с театральной деятельностью. Своими концертами и постановками они давали духовную подпитку другим людям — «вольным», а не «з/к», как это было до их освобождения. Однако в большинстве писем не упоминаются какие-либо конкретные события. Лишь Н. К. Троицкая рассказывает о постановках спектаклей в театре Салехарда и прилагает программы трех из них — «Калиновая роща», «Беспокойная старость» и «Чужая тень»⁵⁸.

Гораздо больший интерес представляют дневники Д. А. Крайнова и его переписка с М. Б. Бохиной. Жизнь Крайнова в деревне после освобождения не была полностью посвящена только уходу за своими больными и делами по хозяйству. Семья Крайновых была поющей и читающей. Мать Мария Степановна обладала прекрасным голосом, была «певуньей», как говорил о ней сын. «Сегодня спрашивала о Горьком, о Пушкине, о Тынянове, а когда я клал лучину в печь, запела мне шалыпинскую “Лучинушку”»⁵⁹.

Когда у Крайнова появлялось свободное от домашних дел время, он садился у кровати матери и просил напеть ему народные песни, которых она знала множество. Он записывал слова с пояснением, какой мотив у песни⁶⁰. Впоследствии он с сожалением говорил, что у него не было тогда для записи «фонографа». Вечерами при свете семилитровой лампы, которая «тихо и тускло мерцает над столом», он читал рассказы И. А. Бунина и А. П. Чехова, «Войну и мир» Л. Н. Толстого, «Обломова»

---

⁵⁸ Троицкая Н. К. Письма Д. А. Крайнову и Н. Н. Чернытинскому, отправленные с оказией в лагерный театр в Ермаково 22 декабря 1950 г. // Там же.

⁵⁹ Крайнов Д. А. Дневник. Запись от 18 октября 1951 г. // Там же. Отдел «Дневники».

⁶⁰ Крайнов Д. А. Дневник. Записи песен, сделанные в октябре 1951 г. // Там же.

И. А. Гончарова, «По неизведанным путям» А. Адамова. Читал и перечитывал «Очарованную душу» Р. Роллана⁶¹. Неслучайно, видимо, перечитывал он роман Роллана, в котором многое соответствовало его настроению и стремлению преодолеть все невзгоды, как бы руководствуясь девизом-эпиграфом к одной из частей романа: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Читал также старые номера журнала «Природа и люди». Свежей периодики не было. Отвлечься от тяжелой домашней обстановки и грустных дум пытался с помощью радио. Однако не все передачи ему нравились: «Сию и слушаю по радио наиглупейший концерт: Володины, Тарапуньки, Штепсели, Рина Зелёная... Кому нужен такой концерт, ни уму, ни сердцу... Радио выключил. Стало слышней завывание ветра. Эти завывания и то лучше. Ветер не претендует на музыкальность»⁶². Иногда, если передавали по радио что-то хорошее, слушали вместе с сестрой: «Сейчас мы оба слушали “Чайку” Чехова в исполнении артистов новосибирского театра “Красный факел” ... Артисты говорили хорошо, игру мы не видели, но ощущали»⁶³.

Большое значение в жизни Д. А. Крайнова и его близких — брата Ивана и М. Б. Бохиной — имело посещение театров, концертов, участие в самодеятельности. Д. А. Крайнов, решив посвятить себя науке, продолжал петь на разных мероприятиях «для души», например, пел в праздник Троицы на концерте на стадионе Углича. «Пел три вещи: арию мельника из “Русалки”, “Застольную” Бетховена (моя коронная), “А я сам” — чешская народная»⁶⁴. М. Б. Бохина и И. А. Крайнов участвовали в самодеятельности Дома культуры при химзаводе Пензы. Мария Борисовна — в драматических спектаклях, Иван Александрович, кроме того, еще и пел (как и брат, он обладал хорошим голосом). М. Б. Бохиной поручали в спектаклях ведущие роли. Она играла

---

⁶¹ Крайнов Д. А. Дневник. Записи от 18 октября 1951 г. и 23 ноября 1953 г. // Там же.

⁶² Крайнов Д. А. Дневник. Запись от 29 ноября 1953 г. // Там же.

⁶³ Крайнов Д. А. Дневник. Запись от 15 декабря 1953 г. // Там же.

⁶⁴ Крайнов Д. А. Письма М. Б. Бохиной от 13 и 14 июня 1954 г. // Там же. Отдел «Письма».

в постановках пьес «Где эта улица?», «Поздняя любовь»⁶⁵. Одной из самых сложных была роль Татьяны в пьесе Бориса Лавренёва «Разлом». Об этой пьесе, своих сомнениях, способностях «вытянуть» эту роль, своим представлением о личности героини она делилась в письмах Крайнову⁶⁶. «Очень хочется сыграть такую роль, но и страшно. Уж очень сильная женщина, не то, что я...»⁶⁷.

Большое значение в духовной составляющей жизни интеллигенции того времени имело отсутствие телевизора. Именно этот фактор и обусловил то, что люди ходили в театр, кино, на концерты, слушали радио и читали книги. В письмах М. Б. Бохиной упоминаются книги, которые ей удавалось читать, несмотря на чрезвычайную загруженность на работе: «Моя жизнь с Драйзером» Элен Драйзер, «Встречи и впечатления» Нато Вачнадзе, а также некоторые «вещи» Ольги Кобылянской в переводе с гуцульского. Бохина делится впечатлениями от прочитанных книг⁶⁸.

Радио, по-видимому, все слушали постоянно. «Сейчас по радио передают “Руслана и Людмилу”»; «по радио Шалапин поет незнакомую арию»; «Включаю приемник, сижу шью и слушаю музыку»⁶⁹. Приходя в гости, тоже слушали радио: в воскресенье «приходил Иван ... обедали вместе. Был у меня долго. Слушали радио»; «Вчера был И. А.⁷⁰ у меня. Поужинали, послушали радио, поболтали»⁷¹.

---

⁶⁵ Бохина М. Б. Письма Д. А. Крайнову от 20 мая, 19 июня 1954 г. // Там же.

⁶⁶ Бохина М. Б. Письма Д. А. Крайнову от 5, 9, 26 сентября, 4, 13, 20 октября, 24, 29 ноября 1954 г. // Там же.

⁶⁷ Бохина М. Б. Письма Д. А. Крайнову от 9 сентября 1954 г. // Там же.

⁶⁸ Бохина М. Б. Письма Д. А. Крайнову от 11, 13, 20 сентября 1954 г. // Там же.

⁶⁹ Бохина М. Б. Письма Д. А. Крайнову от 7 июня, 6 сентября, 20 декабря 1954 г. // Там же.

⁷⁰ «И. А.» — так Мара Борисовна в своих письмах сокращенно, наряду с именами «Ваня, Иван», называла Ивана Александровича Крайнова — старшего брата Д. А. Крайнова.

⁷¹ Бохина М. Б. Письма Д. А. Крайнову от 20 октября, 24 ноября 1954 г. // Архив АМУ. Фонд Д. А. Крайнова. Раздел рукописей. Отдел «Письма».

Ходили также в кино. Будучи проездом в Москве, М. Б. Бохина «была в кинотеатре “Ударник”, смотрела “Весёлые звёзды”». «Вчера смотрела картину “Багдадский вор” — красивая глупая сказка. Но смеялась я от души»; «Посмотрела картину “По следам врага”. Хорошая картина...»⁷². Крайнов упоминает, что, когда приезжал в Москву, смотрел фильм «Бродяга», который ему очень понравился, и он рекомендовал посмотреть его и М. Б. Бохиной⁷³.

Достаточно часто упоминаются походы в театр и на концерты. Д. А. Крайнов ездил из Углича в Ярославль по делам, «ходил в театр, не понравилось»⁷⁴. В архиве Д. А. Крайнова сохранились билеты в Ярославский драматический театр им. Ф. Г. Волкова на «Лебединое озеро» и на «Иоланту»⁷⁵. С 1953 г. во многих театрах страны, в том числе в Пензе, с успехом шла комедия В. Минко «Не называя фамилий»: «Вчера с И. А. смотрели “Не называя фамилий”», — сообщает Бохина о походе в театр с братом Д. А. Крайнова⁷⁶. Она была большой театралкой: «Я просто безумно люблю театр... Всё, чем я сейчас живу, это театр»⁷⁷. «Вчера у нас был праздник песен в Заводском районе, а после мы с И. А. поехали в летний театр на “Фиалку Монмартра” ... Оперетта так себе»⁷⁸. Список можно было бы еще продолжить, но остановимся на этом. Заметим, что Д. А. Крайнов, несмотря на свою любовь к театру и профессиональную деятельность в ГУЛАГовском театре, не имел возможности отдаваться своему увлечению, как М. Б. Бохина. Конечно, концерты он посещал, но не как зритель, а как исполнитель. Театр — редкое удовольствие, т. к. слишком много было работы и подработок помимо музея: экспедиции, отчеты по результатам

---

⁷² Бохина М. Б. Письма Д. А. Крайнову от 27 июля, 26, 29 ноября 1954 г. // Там же.

⁷³ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 6 октября 1954 г. // Там же.

⁷⁴ Крайнов Д. А. Письмо М. Б. Бохиной от 15 декабря 1954 г. // Там же.

⁷⁵ Билеты в Ярославский драматический театр им. Ф. Г. Волкова от 3 июня и 18 июля 1954 г. // Там же. Отдел «Документы».

⁷⁶ Бохина М. Б. Письмо Д. А. Крайнову от 3 июня 1954 г. // Там же. Раздел рукописей. Отдел «Письма».

⁷⁷ Бохина М. Б. Письмо Д. А. Крайнову от 20 мая 1954 г. // Там же.

⁷⁸ Бохина М. Б. Письмо Д. А. Крайнову от 7 июня 1954 г. // Там же.

разведок и раскопок, и главное — диссертация, которую от него ждали в Москве.

Заключение

Жизнь провинциальной советской интеллигенции первой половины 1950-х годов зависела не только от общегосударственных, но и от других обстоятельств, в том числе семейных и региональных. Так, тяжелые семейные обстоятельства прибавили еще два с лишним года к мытарствам Д. А. Крайнова и не способствовали его быстрому возвращению в науку. Региональные обстоятельства касались, прежде всего, людей, возвращавшихся из лагерей ГУЛАГа. Они имели как «северный оттенок», так и провинциальный — невозможность найти работу и обосноваться в крупных, не говоря уже о столичных, городах. Как и большинству советского народа, интеллигенции жилось несладко — и в прямом, и в переносном смысле. Сказывался дефицит продуктов питания, одежды и обуви. Однако важной составляющей жизни интеллигенции тех времен был не только «хлеб насущный», но и возможность потреблять «пищу духовную» — читать книги, посещать театры, концерты, участвовать в самодеятельности. Работа с архивными материалами фонда Д. А. Крайнова позволила прикоснуться к этим процессам и посмотреть на них «изнутри».

В перспективе может быть рассмотрена тема жизни и судьбы артистов театра лагеря ГУЛАГа «Стройка 501/503», нашедшая отражение как в лагерных дневниках и переписке Д. А. Крайнова, так и в воспоминаниях артистов.

Список источников

Боль и память: книга Памяти жертв политических репрессий Владимирской области: в 2 т. / сост. Семенов А. И. и др. Т. I. Владимир: ООО «Фолиант», 2001. 524 с.

Евтушенко Е. Москва — Иваново // Евтушенко Е. Утренний народ. М.: Молодая гвардия, 1978. С. 43—45.

Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Дмитрий Александрович Крайнов на путях изучения древнейшего прошлого Верхнего Поволжья (к 120-й годовщине со дня рождения) // Тверской археологический сборник. Вып. 13. Тверь: Триада, 2024. С. 635—642.

References

- Evtushenko, E. (1978), ‘Moscow—Ivanovo’, in Evtushenko, E., *Utrennii narod* [Morning people], Molodaia gvardiia, Moscow, Russia: 43—45.
- Kostyleva, E. L. and Utkin, A. V. (2024), ‘Dmitry Aleksandrovich Krainov on the ways of studying the ancient past of the Upper Volga region (on the 120th anniversary of his birth)’, *Tverskoi arkheologicheskii sbornik* [Tver archaeological collection], iss. 13, Triada, Tver, Russia: 635—642.
- Semenov, A. I. (comp.) (2001), *Bol' i pamiat': kniga Pamiati zhertv politicheskikh repressii Vladimirskoi oblasti: v 2 tomakh* [Pain and memory: A book in memory of victims of political repression in the Vladimir region], vol. 1, Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'iu “Foliant”, Vladimir, Russia.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 24.02.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 26.03.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Е. Л. Костылёва — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

E. L. Kostyleva — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

А. В. Уткин — независимый исследователь, Иваново, Россия.

A. V. Utkin — independent researcher, Ivanovo, Russia.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

INTELLIGENCE IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS

Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 85—115.

Intelligentsia and the World. 2026. No. 1. P. 85—115.

Научная статья

УДК 323.329

EDN <https://elibrary.ru/piuapt>

DOI: 10.46725/IW.2026.1.5

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

РОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПАТРИОТИЗМА В МАЛЫХ ГОРОДАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ГУСЬ-ХРУСТАЛЬНОГО)*

Ирина Леонидовна Бабич

Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая
РАН, Москва, Россия, Babi7chi@yandex.ru, SPIN-код: 7059-1438,
<https://orcid.org/0000-0003-1879-1608>

Аннотация. В статье изучена роль местной интеллигенции в формировании региональной идентичности и патриотизма в г. Гусь-Хрустальном Владимирской области. Исследование проведено на основе собранных в 2020—2025 гг. автором этнографических материалов.

© Бабич И. Л., 2026

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Гусевская интеллигенция, несмотря на ее частичную деградацию в 1990-е гг., выжила, хотя видоизменилась к настоящему времени, и не утратила своих лучших качеств и духовного потенциала. В статье представлен портрет современного гусевского интеллигента. Основное внимание уделено моделям деятельности интеллигенции: мероприятиям (лекциям, праздникам, выставкам, тематическим встречам, спектаклям, концертам), письменным материалам. Ключевой вопрос: роль формирования местной идентичности и патриотизма в этих моделях деятельности. На примере деятельности писателей и краеведов (членов литературного объединения «Мещера») этот вопрос изучен с точки зрения представления истории города. В ходе исследования было выявлено наличие противоречия между мещерской и гусевской идентичностями. Также изучено формирование местными писателями новых местных героев. Отмечено, что в деятельности объединения «Мещера» есть и негативные моменты. В исследовании выявлено резкое ослабление влияния школы на формирование молодого поколения в идеологической сфере.

Востребованность и реализованность потенциала гусевской интеллигенции в современном местном (локальном) обществе существует, но процесс этот в значительной степени спонтанный, не регулируемый местными и областными властями. Несмотря на то, что местная администрация отчасти участвует в процессе формирования местной идентичности и патриотизма, но это скорее неосознанно, чем тенденция. Нет «государственного заказа» на формирование местной идентичности и патриотизма.

Ключевые слова: интеллигенция, Гусь-Хрустальный, гусевская идентичность, школьные учителя, история, образы города, местные герои, парк «Сказка», спорт, природа, местная администрация

Для цитирования: *Бабич И. Л.* Роль современной интеллигенции в формировании региональной идентичности и патриотизма в малых городах центральной России (на примере Гусь-Хрустального) // Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 85—115.

THE ROLE OF THE MODERN INTELLIGENTSIA IN THE FORMATION OF REGIONAL IDENTITY AND PATRIOTISM IN SMALL TOWNS OF CENTRAL RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF GUS-KHRUSTALNY)

Irina L. Babich

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, Babi7chi@yandex.ru, SPIN-код: 7059-1438,
<https://orcid.org/0000-0003-1879-1608>

Abstract. The aim of this article is to study the role of the modern local intelligentsia in the formation of regional identity and patriotism in the city of Gus-Khrustalny (Vladimir region). This study is based on ethnographic materials collected by the author in 2020—2025. The Gus intelligentsia (its partial degradation in the 1990s), has changed by now, and has not lost its best qualities and spiritual potential. This article presents a portrait of a modern Gusev intellectual. The main attention in this article is paid to the models of activity of the intelligentsia: public events (lectures, holidays, exhibitions, thematic meetings, performances, concerts), written materials. The key question: the role of local identity and patriotism in these models of activity. Using the example of the activities of writers and local historians (members of the literary association “Meshchera”), this issue is examined from the point of view of the presentation of the history of the city. The contradiction between the Meshchera and Gusev identities was identified during the study. The formation of new local heroes by local writers has also been studied. It was noted that there are also negative aspects to the activities of the Meshchera association. In this article the influence of the school on the formation of the young generation in the ideological sphere was showed.

The demand and realization of the potential of the Gusev intelligentsia in the modern local society exists, but this process is largely spontaneous, not regulated by local and regional authorities. Despite the fact that the local administration partly participates in the process of forming local identity and patriotism, but this is more unconscious than a tendency. There is no “state order” for the formation of local identity and patriotism.

Keywords: intellectuals, Gus-Khrustalny, Gusev identity, school teachers, history, images of the city, local heroes, Skazka park, sports, nature, local administration

For citation: Babich, I. L. (2026), 'The role of the modern intelligentsia in the formation of regional identity and patriotism in small towns of central Russia (on the example of Gus-Khrustalny)', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 1: 85—115 (in Russ.).

Введение

Термин «интеллигенция» определяет в России социокультурную специфику российского интеллектуального сословия и, безусловно, имеет право на существование. Интеллигенция — «специфически российская форма интеллектуальной элиты общества ... не только профессиональная группа, занятая умственным трудом, но и обладающая определенными нравственными и мировоззренческими ориентациями, идентичностью и самосознанием» [Поломошнов, Лыкова, Лугуценко, 2024: 205]. Для нас важна значительная роль интеллигенции в сфере создания определенного общественного мнения, среды, своего рода «информационных» продуктов, своего рода «культурного кода».

Цель предлагаемой статьи — на основе собранных в 2020—2025 гг. автором этнографических материалов в одном из малых городов Владимирской области — Гусь-Хрустальном — проанализировать востребованность и реализованность потенциала гусевской интеллигенции в современном местном (локальном) обществе, понять, каковы судьбы и воспроизводство гусевской интеллигенции в 2000—2020-х гг. Интеллигенцию характеризует интерес к истории своего Отечества, уважение к культуре прошлого, определяющего разные виды идентичности, в том числе и локальную. В статье мы изучим роль интеллигенции в формировании местной идентичности и идеологии патриотизма.

В 1990-е гг. в российских регионах рухнула местная экономика, что повлияло на положение гусевской интеллигенции. В контексте современных исторических вызовов российской цивилизации приобретает особую актуальность вопрос о том, сохранилась ли сегодня в России такая интеллигенция? По нашему мнению, несмотря на деструктивные последствия рыночных реформ, гусевская интеллигенция, несмотря на ее частичную деградацию в 1990-е гг., выжила, хотя и видоизменилась к настоящему времени, и не утратила своих лучших качеств и духовного потен-

циала. «В современной России истинная интеллигенция — это неотделимая от нее социальная реальность» [Наумова, 2016: 50].

Что мы понимаем под «региональной идентичностью» и что под «патриотизмом»? Социолог С. С. Савоскул сформулировал это так: «Под локальной (местной) идентичностью (само-сознанием) имею в виду сложное, многокомпонентное социально-психологическое явление, включающее в себя то или иное самоотождествление людей с локальным (городским или сельским) сообществом, представление о современном состоянии своего локального сообщества, оценочные суждения об этом локальном сообществе и его социально-культурной и природной среде, а также местную историческую память, формируемую и отражаемую как массовым обыденным сознанием, так и результатами профессиональной (а также любительской) краеведческой (в самом широком смысле) деятельности» [Савоскул, 2011: 83]. Под «патриотизмом», который, безусловно, связан с региональной идентичностью, мы подразумеваем совокупность определенных чувств к своему региону, осознание любви к местной природе, традициям, жителям региона, культурным особенностям своего региона.

Источники и методы. Эмпирическая база исследования. Для эмпирического изучения этих проблем в качестве базового объекта выбран город Гусь-Хрустальный Владимирской области. Главной целью этнографических опросов, проведенных в городе в течение 2020—2025 гг., было выявление не столько количественных, сколько качественных, содержательных характеристик локальной интеллигенции и ее влияния на идентичность горожан.

Основные источники статьи:

1. Материалы включенного наблюдения: участие автора в городских праздниках, открытии выставок, концертах в Музее хрусталя, мероприятиях различного характера, в том числе в Детской школе искусств им. М. А. Балакирева, во Дворце молодежи, в литературном объединении «Мещера», в усадьбе «Мещерская».

2. Интервьюирование. Выборка информантов проводилась по возрасту, полу, профессии. Всего было опрошено 120 чел., поровну мужчин и женщин. По возрасту информанты распределились так: до 20 лет — 20 чел., 20—40 — 15 чел., 40—50 — 25 чел., 50—60 — 20 чел., 60—70 — 24 чел., 70—80 — 15 чел.,

80—90 — 1 чел. Профессии: предприниматели; сотрудники различных предприятий, фирм («Трайтек», Опытный стекольный завод, Центр занятости, и др.); работники школ; представители самозанятых — строители и др.; работники музеев; депутаты; представители властных структур; главные редакторы и сотрудники местных СМИ («Афиша», «Гусевские вести»). Социальные слои: интеллигенция, пенсионеры неработающие, дети, студенты, школьники, работники предприятий, в том числе и руководители.

3. Анализ текстов. Личные наблюдения и интервью дополняются письменными материалами краеведов, СМИ и т. д.

Безусловно, российская интеллигенция в современных исследованиях часто является объектом изучения. С самых разных сторон, например, изучено влияние гуманитарной интеллигенции на формирование гражданской идентичности [Клюева, 2015: 63—68], но на примере Гусь-Хрустального подобных работ не было.

Основная часть

Структура занятости местной интеллигенции

Музейные работники — значимая, хотя и незначительная по численности, группа гусевской интеллигенции. В Гусь-Хрустальном функционирует крупный Музей хрусталя им. Мальцовых (относится к Владимиро-Суздальскому музею-заповеднику), открытый в бывшем Георгиевском храме в 1983 г. Музей хрусталя им. Мальцовых имеет достаточный штат и представляет собой компетентную творческую группу. В городе есть несколько небольших музеев: Музей истории образования при школе, Музей стекла при стекольном заводе. Два музея находятся в Гусевском районе (в пределах 30 км от города): Музей древнерусского города (пос. Тасинский), Музей птиц (пос. Уршель). В постсоветское время появился Гусь-Хрустальный историко-художественный музей, директором которого был назначен биолог и писатель Н. И. Скулов. Им были открыты два зала: зал по археологии региона и зал о природе местного края. В музее был и есть клуб «Гардарика», который занимается исторической реконструкцией¹. Клубом ранее руководил Алексей Тюренков,

---

¹ Полевые материалы автора (далее: ПМА). Информант: Н. И. С., муж., 1955 г. рожд., 18.01. 2024.

теперь — его сыновья. При музее два года назад появился Музей граненого стакана.

В последние годы в городе, как и в других местах РФ, сформировался корпус частных экскурсоводов, которые проводят экскурсии по городу, по стекольному заводу. Эти люди часто являются яркими представителями гуманитарной интеллигенции Гусь-Хрустального.

Значительная часть гуманитарной интеллигенции города представлена в литературно-краеведческом объединении «Мещера»: это писатели, поэты, краеведы. Среди членов «Мещеры» — достаточно талантливые и интересные личности, которые много делают для формирования городского культурного кода. Это люди преимущественно старшего поколения (70 %), но есть и 30—40-летние. Женщин и мужчин примерно поровну. Есть в городе и свои художники, скульпторы, например резчик по дереву Игорь Володин.

В городе нет государственного театра, но есть Народный театр при Доме молодежи. В нем играют жители, не имеющие актерского образования. Они работают в разных местах. Раз в полгода театр представляет новую премьеру. Режиссер театра — О. А. Тарлакова (1955 г. рожд.) При доме молодежи работают кружки, секции, которыми руководят интересные люди². В городе есть Детская школа искусств им. М. А. Балакирева, в которой работают секции по самым разным направлениям. Кроме музыкального образования, в школе есть платные кружки (танцевальный, театральный, журналистский и т. д.). Школу посещают 500 детей (округленное число), преподавателей — примерно 40 чел. В Гусь-Хрустальном имеется городская библиотека, в которой работает около 20 чел.

В городе функционирует 15 школ. В основной в современной школе нет акцента на формирование локальной идентичности и патриотизма, а есть акцент на «воспитание образованного потребителя» и акцент на пропаганду выезда молодежи в другие, более крупные города России³. Школьная интеллигенция оказалась

---

² ПМА. Информант: Е., жен., 1958 г. рожд., пенсионер, преподаватель, Г.-Х., 26.11.2022.

³ ПМА. Информант: Н. И. С., муж., 1955 г. рожд., 18.01. 2024.

наиболее уязвимой при спаде российской экономики 1990-х гг. Идеология, которая бытует ныне в гусевских школах, не способствует формированию местной идентичности и патриотизма.

В 2011 г. по инициативе местной администрации — тогдашнего мэра города Ю. В. Гришкина — была издана книга: «Гусь-Хрустальный. Столица Мещерского края». Коллектив авторов: члены общества «Мещера» Н. И. Скулов, С. А. Фролкин, научный сотрудник музея хрусталя Н. Т. Пак, зам. директора «Мещерского национального парка З. Н. Дроздова — и др. Книга была рекомендована Управлением образования администрации муниципального образования Гусь-Хрустальный для детей города. Выход такого интегрированного учебного пособия по природе, географии и истории показывает интерес как администрации, так и местной интеллигенции к идее развития местной идентичности и патриотизма. Но использовалось ли вообще это учебное пособие в гусевских школах? Нет. Школы проигнорировали данное издание. Краеведение в местных школах рассматривается как дополнительный модуль, на который не хватает времени⁴.

В городе работает стекольный колледж, который готовит специалистов для местной стекольной промышленности, однако большинство выпускников не идут работать на завод, а стремятся найти себя в других сферах экономики. Между тем в этом учебном заведении работает удивительная женщина — М. Майорова (60 лет), которая преподает русский язык, ведет кружок поэзии, сама пишет стихи о Гусь-Хрустальном⁵.

В Гусь-Хрустальном есть корпус предпринимателей (40—50 лет) — людей с техническим образованием, среди которых встречаются очень интересные, глубокие личности, много делающие как для города, так и для развития местной идеологии (М. Ю. Максюков, Д. А. Орлов и др.).

В Гусь-Хрустальном есть несколько православных и протестантских церквей; образованные священники и пасторы оказывают влияние на своих прихожан. В городе издаются две

---

⁴ ПМА. Информант: Н., преподаватель школы, жен., 1960 г. рожд., 22.04.2025.

⁵ ПМА. Включенное наблюдение. День поэзии в стекольном колледже. 19.03.2025.

небольшие, но читаемые газеты: «Гусевские вести» и «Афиша». Редакционный штат газет небольшой.

Основные направления деятельности интеллигенции Гусь-Хрустального

Рассмотрим формы влияния гусевской интеллигенции на формирование культурной среды, на становление местной идентичности и патриотизма. Прежде всего, отметим, какова локальная идентичность у самих представителей интеллигенции. В основном для них характерны две формы локальной идентичности: *гусевская* и *мещерская*. Под мещерской подразумевается осознание общности среди тех, кто проживает в Мещерском крае, в пределах Национального парка «Мещера». Территория заповедника включает в себя не только Гусь-Хрустальный район Владимирской области, но и отдельные территории Московской и Рязанской областей. Являются ли представители местной интеллигенции патриотами своего края? Как правило, да.

Как мы отмечали выше, в городе нет государственного театра, есть лишь Народный театр при Доме молодежи, который изредка показывает спектакли. Спектакли Народного театра очень популярны среди жителей города. Так, 15—16, 22 февраля 2025 г. театр представил новую премьеру «Святой и грешный» (автор пьесы М. Варфоломеев). Все билеты были раскуплены. В зале 500 мест. Таким образом, даже если предположить, что один человек ходил на спектакль неоднократно, у театра около полутора тысяч постоянных поклонников — жителей региона.

Основные темы спектаклей — общечеловеческие проблемы. Спектаклей на основе местной истории, местного колорита нет. Тем не менее в 2025 г. было объявлено, что следующий спектакль будет посвящен местному герою-летчику времен Великой Отечественной войны и напишет пьесу местный писатель — Н. И. Скулов⁶.

Как мы указывали выше, в городе есть Детская школа искусств им. М. А. Балакирева, где обучаются различным творческим профессиям. Силами детей в школе проводятся мероприятия разного характера, в том числе и спектакли. Режиссер О. Х.,

---

⁶ ПМА. Информант: К., жен., 1959 г. рожд., 15.02.2025.

руководитель театральной студии, отмечает, что беседовать о локальной идентичности и патриотизме, любви к своему краю с участниками студии — подростками 13—14 лет — бесполезно. В этом возрасте они считают, что «всё это — ерунда»⁷. Для таких детей характерно отрицательное отношение не только к городу, но и к России как к Родине и государству, они все ориентируются на Америку. Говорят так: «Я поеду в Америку учиться», — а в результате учатся в местном стекольном колледже в Гусь-Хрустальном и считают, что «они вынуждены здесь жить». Маленькие участники театральной студии (7—11 лет) готовы впитывать то, что им говорят взрослые. Они, безусловно, более восприимчивы, но и здесь, как говорит режиссер О. Х., «важно знать, из каких семей эти дети. Приоритеты внутри семьи могут мешать нашему воспитанию»⁸.

Попытки режиссера О. Х. создавать с детьми спектакли на «местной основе», с использованием мотивов истории стекольного производства, на основе «хрустального фона» не были удачными и практически не поддерживались местной администрацией: «Это оказалось никому не нужно». Как отмечала О. Х., «для меня патриотизм — это моя семья, мои корни, моя территория, природа и т. д.»⁹.

Работа Музея хрусталя им. Мальцовых имеет большое значение для формирования культурного поля в городе: с одной стороны, в основном он «обслуживает» приезжих (точнее, проезжих) туристов, которые следуют на автобусах из Суздаля и Владимира и задерживаются в городе всего на два-три часа. Разумеется, эта часть деятельности музея не играет важной роли для самого города (кроме пополнения финансов). А с другой стороны, музей при наличии постоянной экспозиции в течение всего года организует новые выставки различного направления. Как правило, проводится их официальное открытие, на которое собирается гусевская интеллигенция: писатели, художники, историки, научные работники Национального парка «Мещера» и т. д. И это важная составляющая жизни города. На выставки приходят

---

⁷ ПМА. Информант: О., жен., 1995 г. рожд., 05.09.2023.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

врачи, педагоги, пенсионеры, молодежь — дети и внуки «просвещенной публики».

Кроме проведения выставок в Музее, организуются концерты классической музыки, которые пользуются большой популярностью у жителей города (стоимость билетов 300—400 руб.). Летом работники музея раз в неделю по субботам проводят концерты духовой музыки силами духового оркестра при Детской школе искусств им. М. А. Балакирева. В оркестре участвуют и дети, и взрослые. Коллектив очень профессиональный и имеет широкий репертуар. Концерты пользуются большой популярностью у местного населения и проводятся в сквере Музея хрусталия, бесплатно.

Музей присоединяется к акции, которая проводится в стране — «Ночь музеев». Так, в ходе мероприятий в музее в 2024 г. проводилась лекция по истории города. На такой лекции в 2024 г., посвященной А. Васнецову (автора мозаичных панно и фресок в Георгиевском соборе), присутствовало 25—30 чел., в возрасте от 30 до 70 лет.

В настоящее время Музей хрусталия им. Мальцовых — своего рода местный культурный центр. В целом в городе мало культурных заведений (в 2022 г. сгорел Дом культуры, который не планируют восстанавливать) и культурных мероприятий, поэтому деятельность этого музея особенно ценна.

Постепенно в городе появился новый культурный центр, и его влияние растет: это частная усадьба «Мещерская», располагающаяся около соснового массива «Барина роща». В усадьбе есть гостиница, конференц-зал, театр и другие помещения (загон для животных — лошадей, коз; ресторан, бассейн, баня). Владелец усадьбы Дмитрий Александрович Орлов проводит на ее территории различные мероприятия: это и «винное пати» с дегустацией итальянских вин, и праздник Масленицы, и лекции по истории города в конференц-зале, и спектакли в собственном театре. Это важное подвижническое дело владельца усадьбы привлекает все больше и больше сторонников среди «среднего класса» — жителей города, которые с удовольствием посещают мероприятия в усадьбе (платные).

Городское литературное объединение «Мещера» — писатели, поэты, краеведы — проводят мероприятия различного рода

в Детской школе искусств им. М. А. Балакирева, в городской библиотеке. Они пропагандируют местную литературу, местную историю среди детей и взрослых.

Изучение истории города и представление этой истории местными историками и краеведами

Обратимся к особенностям формирования города Гусь-Хрустального: он не имеет купеческих корней, а также корней, связанных с Владимиро-Суздальской княжеской историей. Город был создан в 1756 г. в глухом лесу приезжим предпринимателем Акимом Мальцовым в силу того, что в регионе был песок, необходимый для работы стекольного завода. Его преемники Иван Сергеевич Мальцов и Юрий Степанович Нечаев-Мальцов в XIX в. построили рабочий поселок из одинаковых европейских домиков для работников стекольных заводов. Каждый домик на три или четыре окна (есть примерно 5—8 вариантов окон) построен был из камня и рассчитан на две семьи. В настоящее время из 400 домиков сохранилось примерно 247. Их нельзя видоизменять, можно лишь достраивать дополнительные помещения внутри участков, за «мальцовскими» домами. Это позволяет сохранить своеобразный колорит. В дополнение к этим домам Ю. Нечаевым-Мальцовым были построены здания больницы, училища, магазинов, а также новый храм по проекту петербургского архитектора Л. Бенуа в псевдорусском стиле. Безусловно, данная архитектурная история придала городу своеобразие. Второго такого города в России нет. Таким образом, «стекольная история» города — основная, стеклопроизводство — стержень его экономики. С 1965 г. в последней декаде июля в городе отмечался День мастеров стекла.

Работники Музея хрусталя им. Мальцовых проводят многолетнюю научную работу по поиску архивных документов по истории стеклопроизводства и города как такового (в основном это публикации научного сотрудника Н. Т. Пак [Пак, 2010; Пак, Чуканова, 2013; и др.]). Эта работа пропагандируется, о ней рассказывается в разных учреждениях и в разной форме. Формирование и формулирование определенной исторической памяти — это область деятельности историков музея.

Также на местную историю обратили внимание и краеведы, которые в основном занимаются литературным творчеством. В работах таких писателей-краеведов история представлена со значительными изъянами (искажениями), о которых поговорим далее.

Как указывалось выше, в современных школах города нет акцента на воспитание патриотизма и местной идентичности, а есть акцент на «воспитание образованного потребителя»¹⁰. Лишь отдельные преподаватели истории занимаются изучением местной истории со своими учениками. Информант Т., окончившая исторический факультет Владимирского университета, рассказывала, что в 2000-е гг. получила от городских властей грант, посвященный расширению знаний по истории города среди учеников. Она вместе с учениками сделала «квест» на основе местной истории. Т. считает, что «не все дети интересуются городом, но ядро есть»¹¹.

Н. Т. Пак в последнее время начала цикл лекций по истории города в усадьбе «Мещерская». Посещают эти уникальные лекции местные жители, которым интересна история. Любопытно, что на эти лекции приходят учителя из местных школ, в которых не преподается краеведение. Был на лекции и местный житель — студент исторического факультета Владимирского государственного университета, который после окончания вуза планирует работать учителем истории в школе. На одной из лекций к Н. Т. Пак подошел слушатель и попросил прочесть лекцию по истории города в школе, где учится его внучка¹². Это спонтанный процесс, развивающийся благодаря некоторым местным жителям — представителям гусевской интеллигенции. В Гусь-Хрустальном проживает уникальный человек — Д. А. Орлов. Он понимает внутренние процессы культурного развития своего города и организует свои мероприятия без согласования с местными властями и без указки «сверху».

---

¹⁰ ПМА. Информант: Н. И. С., муж., 1955 г. рожд., 18.01.2024.

¹¹ ПМА. Информант: Т., жен., 1998 г. рожд., 05.09.2023.

¹² ПМА. Усадьба «Мещерская», Гусь-Хрустальный, 22.03.2025, 29.03.2025.

В одной из школ работает молодой преподаватель физкультуры, который летом проводит со своими учениками походы по Гусь-Хрустальному району, прививая детям любовь к местной природе¹³, чем в значительной степени расширяет и укрепляет чувство патриотизма. И в этом направлении учителям очень помогают местные писатели и поэты, которые создают яркие образы родной природы.

Члены литературного объединения «Мещера» — писатели, поэты, краеведы — обращаются к исторической тематике, а также создают произведения об особенностях Гусь-Хрустального как города стеклодувов. Они издают книги, проводят мероприятия различного рода, пропагандируют историю, местную литературу в школах и т. д.

Специализированная краеведческая деятельность приводит к созданию определенного образа своего края, делая его более наглядным и доступным для восприятия массовым сознанием. Рассмотрим образ гусевского края, сформированного краеведческим сообществом, со знаковыми символами этого образа, отраженными в обыденном локальном самосознании.

Социолог С. С. Савоскул дал определение краеведению: «В широком смысле под краеведением я подразумеваю специализированную деятельность, направленную на духовное (научное, научно-практическое, познавательное, художественное, публицистическое и пр.) освоение края, чаще всего, но не обязательно, связанное с местным патриотизмом. Таким образом, в краеведческое сообщество (в широком смысле) я включаю не только тех, кого обычно называют краеведами, но и других людей, занятых специализированной деятельностью по духовному освоению края и формированию его образа — писателей, ученых, журналистов, художников (включая и фотохудожников). В результате деятельности членов этого сообщества создается (конструируется) специализированный образ края, основные символы которого так или иначе взаимодействуют с локальным массовым самосознанием и локальной идентичностью. При этом как в массовом, так и в специализированном представлении о своем крае оно опирается на систему символических для данного локального сообщества

---

¹³ ПМА. Информант: Т., жен., 1998 г. рожд., 26.09.2023.

элементов, признаваемых в качестве своих, местных» [Савоскул, 2011: 83].

Объединение «Мещера» — добровольная общественная организация, но его секретарь получает зарплату от Единого социально-культурного центра при департаменте культуры городской администрации¹⁴. Отметим важную деталь деятельности общества: члены объединения «Мещера» делают акцент не на формировании гусевской идентичности (и тем более владимирской идентичности) и патриотизма, а на Мещере и мещерской идентичности¹⁵. Есть ли разница и в чем она?

Началось это еще в советские годы. В 1970 г. в книге «Гусь-Хрустальный», изданной в Ярославле, П. В. Гиляревский упоминает Гусь-Хрустальный как часть Мещеры [Гиляревский, 1970]. В 1982 г. известный краевед В. Н. Никонов в книге «Гусь-Хрустальный. Очерки о прошлом и настоящем города», изданной в Ярославле, указывал, что есть Владимиро-Суздальская земля, а есть путь в Мещеру — Гусь-Хрустальный [Никонов, 1982: 7]. В. Владимиров издал историческую повесть «Мещерские сполохи». Ю. Гришин писал о благодатной помощи природы Мещеры в рассказе «Встреча на рыбалке» [Страна Мещера, 2007: 113—115]. В 2007 г. был издан сборник «Земля старинного Владимиро-Суздальского княжества и Мещерская сторона». Художник А. Борисов рисовал пейзажи Мещеры. Современная поэтесса И. Седова в стихотворении «Звезда хрусталя» писала:

На мещерских просторах,
У реки, среди ракии,
Удивительный город —
Гусь-Хрустальный стоит.
И молвою зовется
Он в народе не зря
Дивным городом солнца
И звездой хрусталя!

[Страна Мещера, 2007: 182].

---

¹⁴ ПМА. Информант: Н. В. У., жен., 1955 г. рожд., 17.09.2024.

¹⁵ ПМА. Информант: Ю. И. Л., муж., 1962 г. рожд., 07.08. 2024.

Поэт Р. Кудрявцев так связывал город и Мещеру:

Иду к болотам и озерам,
К прохладе серебристых рек,
И мне становится Мещера
Родною и близкою навек...
И думаешь под старой елью,
Что вся мещерская земля
Явилась в жизни колыбелью
Для гусевского хрусталя.

...

Широки у нас просторы,
Хороша земля,
Встал среди лесной Мещеры
Город хрусталя.

[Страна Мещера, 2007: 3, 7].

В. Полторацкий писал о «Гусь-реке»:

Я к ней иду издалека,
И сладко вспомнить мне,
Что у меня есть Гусь-река
В Мещерской стороне.

[Страна Мещера, 2020: 67].

Молодое поколение поддерживает идею формирования мещерской идентичности. Так, Алина Михайлова в стихотворении «Мой дивный край» пишет так:

Мой дивный край святой Мещеры,
Пленяют нас твои просторы
Неповторимостью своей
И разнотравием полей.

[Страна Мещера, 2009: 302].

И лишь М. Майорова пишет о городе как о русской части земли Российской:

Чудо-град земли Российской
Как гордимся мы тобой!
Сказка с человеком близко,

Где народ мастеровой.
Гусь-Хрустальный был построен,
Чтобы чудо подарить.
Каждый в этом град волен
Жить, мечтать, любить, творить.
Пусть во веки процветает
Наша русская земля,
Слава прошлого венчая
Красотой из хрусталя.

[Страна Мещера, 2009: 67].

Писатель Н. И. Скулов издал несколько книг, в которых прославлялась Мещера: «Заповедными тропами Мещеры» (2004), «Гусь-Хрустальный. Очерки истории Мещерского края» (2006), «Феномен Мещеры» (2021) [Скулов, 2004; Его же, 2006; Его же, 2021], в которых представлена смесь мифов и легенд по истории Мещеры.

В 2016 г. гусевские писатели объединились с писателями и активными жителями двух подмосковных городов, Сергиева Посада и Рошаля, для продвижения историко-культурного проекта «Сердце Мещеры». Руководителем проекта стал житель Московской области Ю. А. Белоусов при поддержке главы г. Рошаля А. И. Артюхина. Белоусов начал издавать книги о Мещере, в том числе и по истории Гусь-Хрустального как части Мещерского края, не упоминая о Владимирской области и Владимиро-Суздальской истории [Белоусов, 2019, Его же, 2021; Его же, 2024; Сердце Мещеры, 2024]. Белоусов по профессии тренер, со временем стал журналистом и писателем. Цель его деятельности — формирование у населения мещерской идентичности. Таким образом, местные писатели и краеведы стали рассматривать Гусь-Хрустальный как «организующий центр Владимирской Мещеры». Руководство объединения обращалось в гороно с просьбой разрешить организовать лекции по краеведению в школах от объединения «Мещера», но им в этом было отказано.

23 октября 2024 г. в Детской школе искусств им. М. А. Балакирева объединением «Мещера» было проведено мероприятие, посвященное 190-летию со дня рождения Ю. С. Нечаева-Мальцова — одного из крупных промышленников Гусь-Хрустального. Отметим, что, по сути, это было первое

городское мероприятие, непосредственно связанное с историей города.

Администрация Гусь-Хрустального финансирует издание ежегодного литературно-поэтического сборника «Страна Мещера» — таким образом, власти поддерживают деятельность объединения «Мещера» и не видят ничего негативного в формировании мещерской, а не гусевской идентичности.

Хотя в культурном пространстве города практически нет упоминания о К. Паустовском, который много писал о Мещере и поэтизировал край, но, может быть, акцент на Мещеру в известной степени был сделан именно благодаря этому советскому писателю.

Таким образом, объединение «Мещера» полностью оправдывает свое название и развивает достаточно противоречивую, с нашей точки зрения, «мещерскую идентичность» в противовес «гусевской идентичности» и местному патриотизму «города стеклодувов». Сама Мещера как национальный парк начинается за пределами города Гусь-Хрустального и за пределами основного соснового массива «Баринова роща», которым пользуются местные жители.

По истории хрустальных заводов в Гусь-Хрустальном издаются книги краеведы, историки и искусствоведы [Арсентьев, 2002; Велюхов, 2000; Гиляревский, 1973; Гусаров, 2002; Гусевский стекольный..., 2003; Казакова, 1973; Никонов В. М., Семенов Г. Г., 2001; Толмачев, 1969; Чемоданов, 2017]. Они пишут о людях, которые работали на Гусевском стекольном заводе, в частности о творчестве заслуженного художника РСФСР, лауреата Государственной премии Е. И. Рогова. Есть книги в целом по истории Гусь-Хрустального как города [Добровольский, 1983; Барсков Д. П., Барсков В. П., 2007; Чистяков, Пак, 2003; Казаков, 2005].

Одну книгу хочется отметить особенно. Она была издана в 2011 г. по инициативе местной администрации — тогдашнего мэра города Ю. В. Гришкина: «Гусь-Хрустальный. Столица Мещерского края» (редактор Н. И. Скулов. Гусь-Хрустальный, Сергиев Посад. Составители: С. Ю. Васильев, Н. И. Скулов. Авторы: Д. П. Барсков, В. И. Владимиров, З. Н. Дроздова, И. И. Исаев, Н. Т. Пак, С. В. Проничев, Н. И. Скулов, С. А. Фролкин). Книга была рекомендована Управлением образо-

вания администрации муниципального образования г. Гусь-Хрустального для детей-гусевчан. Это интегрированное учебное пособие по природе, географии и истории города Гусь-Хрустального. Представим структуру книги: Природа. Заселение края до середины XVIII века. Рождение и становление — середина XVIII — начало XX века. XX — начало XXI в.

В целом, данная книга очень сырая, можно предъявить к авторам много замечаний (например, странная система сносок). Тем не менее, как нам представляется, это издание имеет большое значение, поскольку показывает интерес как администрации, так и местной интеллигенции к идее развития местной идентичности и патриотизма. Однако, как отмечалось выше, школы проигнорировали это издание.

Основная проблема исторических работ по истории Гусь-Хрустального заключается в том, что авторы, как правило, не профессиональные историки, не делают ссылок, поэтому трудно разобраться, где мифы и легенды, а где настоящая история. Например, краевед В. Е. Шохрин в 2017 г. издал книгу «Доплыть до истоков», в которой представлены многие страницы истории Гусь-Хрустального [Шохрин, 2017], но автор не делает ссылки на исторические источники, хотя в конце приводит список используемых архивных источников. То же самое можно сказать о книге Д. П. Барскова «Наша фамилия (история рода Барсковых с XVI века)», которая была издана в 2009 г. [Барсков, 2009].

Краеведы и историки публикуют книги по истории других предприятий Гусь-Хрустального: арматурного, кварцевого и др. заводов [Никонов, Толмачев, Фролкин, 1999; Медведев, 2020].

27 марта 2025 г. в Детской школе искусств им. М. А. Балакирева состоялась презентация книги «По Гусь-Мальцовскому» местного поэта, члена литературного объединения «Мещера» Е. В. Ёлоховой [Ёлохова, 2024]. Сама книжка вышла годом ранее и была отмечена премией в области культуры, искусства и литературы Владимирского региона за 2025 год. В книге «По Гусь-Мальцовскому» в поэтической форме представила отдельные моменты истории города. Этот опыт, с одной стороны, уникален и, безусловно, интересен с точки зрения участия местной интеллигенции в формировании локальной идентичности и патриотизма (стихи очень хорошие, мелодичные), а с другой стороны,

опасен, поскольку в стихах сделано много исторических ошибок и искажений. Поэт не следовал точному историческому фону для своих стихов. На мероприятии был показан фильм местного жителя (фотографа О. Балашова), в котором тоже были допущены исторические ошибки (например, показано фото якобы основателя города Акима Мальцова, но на самом деле это не его фотография). Объединению «Мещера» удалось найти спонсоров для издания этой книги: предприятия города «Гусар», Опытный стекольный завод, стекольный завод им. Дзержинского. Поэтому книгу раздавали тем, кто пришел на мероприятие. Среди зрителей были школьники, студенты стекольного колледжа, но основная публика — люди среднего и пожилого возраста. Важно то, что на мероприятие пригласили работников библиотек и школьных учителей. И главное — присутствовал мэр города Гусь-Хрустального А. Н. Соколов, который выступил с идеей изучения истории. Это очень важный посыл со стороны местной власти, который со временем может привести к позитивным последствиям. Символично, что на мероприятии 16-летний юноша прочел стихи о Георгиевском соборе — одной из главных достопримечательностей города¹⁶.

Насколько сильно влияние местных краеведов и историков на жителей Гусь-Хрустального, мы можем определить по одному факту. Во многих книгах по краеведению фигурирует названия местных жителей — «гусевцы», «гусяки», однако эти термины не прижились. Наши этнографические опросы свидетельствуют, что жители называют себя «гусевские» или «гусевчане». Официально в городе принято «гусевчане». Так обычно пишут на праздничных афишах и транспарантах.

Религиозное поле включает православную церковь и протестантские общины, священников, пасторов и их паству. Они слабо включены в общекультурное поле. Особенно это касается протестантов. В Гусь-Хрустальном работают общины шести направлений: баптисты, харизматы, пятидесятники и др. Протестанты не посещают городских праздников, не поддерживают местные русские традиции, не интересуются историей края (даже в Суздале не

---

¹⁶ ПМА. Детская школа искусств им. М. А. Балакирева, Гусь-Хрустальный. 27.03.2025.

бывают), считают себя русскими и россиянами (среди них — много приезжих, начиная с 1990-х гг., например, из Казахстана)¹⁷. Они так говорят: «Для нас Бог важнее национальности и территориальной общности». Своих детей они воспитывают «в Боге», но патриотического воспитания, чтобы дети любили Гусь-Хрустальный — нет¹⁸. При православной Георгиевской церкви работает православная школа, которую посещает 20 чел., в городе функционирует православная гимназия, в которой учатся около 80 детей. Обучение платное¹⁹.

Образы города и местные герои

Одним из важных факторов формирования локального самосознания является создание локальной элитой представлений о «местных героях» — широко известных в данном сообществе или также и в общенациональном масштабе (что, несомненно, усиливает их популярность на местном уровне) персонажей истории и современной жизни края. Как формируются эти образы в Гусь-Хрустальном? Что за люди являются героями города?

Городская библиотека в 2023 г. издала «Краеведческий калейдоскоп», в котором каждый месяц отмечен важными датами известных людей, родившихся в Гусь-Хрустальном. Сотрудники библиотеки 2 раза в неделю проводят в детских садах города «Библионяню»: рассказывают малышам о крае. 1—2 раза в месяц — школьникам.

В 2016 г. был издан буклет «Гусь-Хрустальный», в котором представлены образы города: это Хрустальный завод, Георгиевский собор (Музей хрусталя), озеро, Мещера, православные храмы, фотографии с конкурсов («Хрустальная Лира — 29 лет» (хоровое пение), «Хрустальный башмачок» (хореография), фотографии с праздника «Никиты Гусятника»).

---

¹⁷ ПМА. Информанты: К., жен., 1980 г. рожд.; М., жен., 1959 г. рожд.; М., муж., 1959 г. рожд.; А., муж., 1980 г. рожд.; церковь Евангельские христиане (евангелисты), 21.06.2021, 28.06.2021.

¹⁸ ПМА. Информант: И., муж., 1985 г. рожд., пастор евангелистов-баптистов, 11.07.2021; Информанты: Г., муж., 1995 г. рожд.; И., муж., 1990 г. рожд. 11.07.2021.

¹⁹ ПМА. Информант: М., муж., 1964 г. рожд., священник православной церкви, 14.07.2024.

Писатель Н. И. Скулов (псевдоним — Н. И. Вакулов, С. Ю. Вакулов) создал местных героев — *Митяя-казака Мещерского*, сына рязанского купца *Коловрата* [Вакулов Н., Вакулов С., 2019]. Писатель назвал свои произведения о таких героях сказами. В основу сказа, по словам Н. И. Скулова, положено старинное устное предание жителей сел. Палищи, Тихоново и окрестных деревень Приозерской Мещеры. Коловрат стал казаком во времена, когда владимирские князья боролись с ордами Батыея (1237—1238 гг.). Есть и другие образы, созданные местными писателями. Они обыгрывают в своих произведениях название местных рек — *Пра и Бужа*. На основе «устных преданий» было придумано, что название рек произошло от имен девушки и юноши, которые полюбили друг друга [Их же, 2017]. «Мещерские сказы не только возвращают нам нашу историю, “Россию, которую мы потеряли” и богатый напевный русский язык наших предков, но и забытый жанр живого устного рассказа, который ведется от лица свидетеля и знатока происходящих событий — сказ. Сказ — это и не сказка, и не летопись, в нем причудливо переплетаются исторические факты и поэтический вымысел», — так писал об этом Н. И. Скулов [Их же: 2].

В бытность пребывания директором музея писатель Н. И. Скулов стал инициатором новых праздников: «День Никиты-гусятника», «Варварины дни» в честь св. великомученицы Варвары.

Отметим книгу «Славный город — Гусь-Хрустальный», изданную в 2021 г. в подмосковном городе Сергиевом Посаде [Их же, 2021]. Это книга для детей, отлично иллюстрированная и отлично изданная, по истории города и национального парка «Мещера». В книге приведена сказка о хозяйке Гусевского озера — «Щуке Лукерье».

В советские годы часть соснового массива вокруг города была выделена под создание парка «Сказка», тогда же были поставлены в нем первые деревянные скульптуры. В 2018 г. эту традицию создания деревянных скульптур продолжил скульптор Игорь Володин²⁰.

---

²⁰ ПМА. Информант: И. В. В., муж., 1985 г. рожд., 11.10.2024. Сам Игорь Володин — не местный житель, но из Владимирской области

В России появился фонд, который стал поддерживать создание парков с деревянными скульптурами. Местные власти в Гусь-Хрустальном поддержали эту инициативу. Так появился парк «Сказка» в его нынешнем виде. Первые скульптурные работы в парке «Сказка» делал Владимир Киселев. И. Володин продолжил эту работу с 2018 г. В 2021 г. фонд решил организовать такие парки в двух городах — Ярославле и Туле. И. Володин сделал в Ярославле 100 скульптур, а в Туле — 30 скульптур, а потом и в Гусь-Хрустальном. Он организовал фестиваль резьбы по дереву. Идея заключалась в том, что некоторое количество мастеров из разных уголков России и Белоруссии приглашаются в Гусь-Хрустальный и каждый мастер за два дня создает одну скульптуру прямо на месте, в парке. Местные предприниматели поддержали И. Володина: они финансируют пребывание в городе приезжих скульпторов. С тех пор фестиваль проводится каждый год.

Какие образы используются для деревянных скульптур? Русские сказки, так как местных образов, которые бы опирались на местную историю, нет. И. Володин подчеркивал: «Местная власть не ставила передо мной задачу создавать работы патристического характера с локальным колоритом. Поэтому мы делаем сказки, в этом году это были детские рисунки из сказок». Более того, Володин предлагал властям проект с локальным колоритом, но пока не получил поддержки. Таким образом, И. Володин ставит одинаковые скульптуры в разных городах Центральной России, без учета местного контекста²¹.

Образ Гуся — это, прежде всего, стекольный завод, Музей хрусталя им. Мальцовых и хрустальный рынок²². Легенда о названии города восходит к реке Гусь. На гербе города — тоже гусь²³.

(из г. Лакинска), а его жена — местная, гусевская. В 2015 г. супруги решили перебраться в Гусь-Хрустальный: в городе проживают родственники жены. Игорь окончил Лакинскую художественную школу. В Лакинске сделал большой деревянный крест, много киотов.

²¹ Там же.

²² ПМА. Информант: И. Ф., муж, 1979 г. рожд., 13.02.2023.

²³ ПМА. Информант: Е., жен., 1958 г. рожд., 11.03.2024.

Когда местные жители-интеллигенты показывают свой город гостям, то они, как правило, рассказывают об истории города, о Ю. Нечаеве-Мальцове, который построил одинаковые дома во второй половине XIX в. («мальцовские» дома), о Музее хрусталя, сосновом массиве «Баринава роща», городском озере (гусевском водохранилище)²⁴.

В 2024 г. в России были сняты фильмы, в которых за основу взята местная история ряда малых городов Центральной России. Такой фильм, под названием «Кочевница», был сделан и про Гусь-Хрустальный. Сюжет: в Гусь-Хрустальном произошла смерть известного ученого-стеклодува. Она связана с легендой о хрустальном букете, который, по преданию, спасает женщин и убивает мужчин.

Памятники в городе и местная пресса

Памятников в Гусь-Хрустальном мало: основателю стекольного завода Акиму Мальцову, стеклодуву (2024 г.); собаке (2024 г.); вечером на перекрестке ул. Калинина и Интернациональной загорается стеклянный большой гусь.

В городе издаются две газеты: «Гусевские вести» и «Афиша», в которых уделяется большое внимание истории, местной идентичности и патриотизму. Жители читают местную прессу. Гл. редактор газеты «Гусевские вести» О. В. Добровольская рассказывала, что, хотя ее газета общественно-политическая (материалы по общественно-политическим направлениям: постановления, законы от власти), есть и рубрика «Люди Мещерского края». Ведет рубрику профессиональный журналист старшего возраста. В газетах публикуются статьи о художниках-стеклодувах, истории стекольных заводов, печатаются произведения местных литераторов о Мещере, о культурных событиях. Газета «Гусевские вести» развозится по наиболее заселенным деревням Гусь-Хрустального района²⁵. Местные власти практически не используют газеты в качестве инструмента воздействия на население²⁶.

---

²⁴ ПМА. Информант: В., муж., 1962 г. рожд., 11.02.2023.

²⁵ ПМА. Информант: О. В. Д., главный редактор газеты «Гусевские вести», 19.09.2024.

²⁶ Там же.

Заключение

В статье мы изучили роль интеллигенции в поисках местной идентичности и формировании патриотизма. Особенности трансформации гуманитарной интеллигенции в течение 1990—2020-х гг. в Гусь-Хрустальном привели к тому, что во многом ее роль ослабла. 1990-е гг. в городе отмечены резким ухудшением экономической ситуации, ростом криминала, уходом советской идеологии, а вместе с ней — акцента на местный патриотизм и местную идентичность. Все, кто мог, устремились в большие города, чтобы как-то выжить. Гусевская интеллигенция в 1990-е гг. оказалась в группе риска: экономически нестабильная, находящаяся перед лицом множества вызовов в профессиональной сфере.

Постепенное возрождение города началось в 2000—2010-е гг.: возобновилась работа заводов, местная интеллигенция ожила и начала оказывать влияние на жизнь жителей своего города. В городе сложилось общество людей, которые любят свой край, свой город и свою природу. Интеллигенция начала активнее участвовать в общественно-политической и культурной жизни города.

Востребованность и реализованность потенциала гусевской интеллигенции в современном местном (локальном) обществе существует, но процесс этот в значительной степени спонтанный, почти не регулируемый местными и областными властями. Нет госзаказа на формирование местной идентичности и патриотизма. Безусловно, следует создавать проект «Формирование городской среды и территорий». В этот проект и должны быть включена деятельность интеллигенции в сфере социально-культурной идеологии²⁷.

В 2020-е гг. мы наблюдаем постепенный рост интереса к тому, что предлагает гусевская интеллигенция, однако пока что ее предложения мало используются и социальная роль невелика. Причины этого видятся в недостаточном осознании местной администрацией важности гусевской интеллигенции и слабом понимании самого процесса формирования местной идентичности и патриотизма. И наконец, от экономического кризиса 1990-х гг. пострадала часть гусевской интеллигенции — школьные педаго-

---

²⁷ ПМА. Информант: С. А., жен., 1965 г. рожд., 09.12.2022.

ги, которые в значительной степени создали в местных школах разрушительную идеологию «отъезда из города в целях успешного потребления», что во многом ослабляет региональную идентичность и патриотизм.

Список источников

- Арсентьев Н. М., Макушев А. А.* Хрустальные короли России. Промышленное хозяйство и предпринимательская деятельность Мальцовых в XVIII—XIX веках. М.: Наука, 2002. 302 с.
- Барсков Д. П.* Наша фамилия. История рода Барсковых с XVI века: архивные материалы, исследования, воспоминания. Владимир: Калейдоскоп, 2009. 524 с.
- Барсков Д. П., Барсков В. П.* Притяжение Мещеры. М.; Владимир: Транзит-Икс, 2007. 276 с.
- Белоусов Ю. А.* Легенда о Коловрате. Мещерский сказ. Гусь-Хрустальный: Рошаль, Сергиев Посад: Ремарко, 2019. 32 с.
- Белоусов Ю. А.* Черные лодки, мещерские челны или долбленки приозерной Мещеры. Сергиев Посад: Ремарко, 2021. 135 с.
- Белоусов Ю. А.* Мещера Первозванная. Мещерский сказ: рисунки автора. Шатура; Сергиев Посад: Ремарко, 2024. 48 с.
- Вакулов Н., Вакулов С.* Про Митяя — казака Мещерского. Мещерский сказ. Гусь-Хрустальный, Рошаль, Сергиев Посад: Ремарко, 2019. 32 с.
- Вакулов Н., Вакулов С.* Славный город — Гусь-Хрустальный. Сергиев Посад: Ремарко, 2021.
- Вакулов Н. И., Вакулов С. Ю.* Пра и Бужа. Мещерский сказ. Сергиев Посад: Ремарко, 2017. 24 с.
- Велюхов В. С.* Хрустального гуся взлет: записки краеведа. Владимир: Калейдоскоп, 2000.
- Гиляревский П. В.* Гусь-Хрустальный: Краткий очерк-путеводитель. 2-е изд., доп. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1970. 63 с.
- Гиляревский П. В.* Искры на гранях (к истории Хрустального завода). Ярославль: [Б. и.], 1973. 205 с.
- Гусаров А. И.* «Хрустальная империя» Мальцовых, или О чем поет мой хрусталь. Гусь-Хрустальный: [Б. и.], 2002. 304 с.
- Гусевский стекольный колледж / авт.-сост. В. Н. Курябов. Владимир: Маркарт, 2003. 22 с.
- Добровольский Е. В.* Город на речке Гусь: докум. повесть. М.: Политиздат, 1983. 254 с.

- Ёлохова Е. В.* По Гусь-Мальцовскому. Сергиев Посад: Ремарко, 2024. 64 с.
- Казаков Б. А.* Учителство и война: сб. поискового материала об учителях и учащихся школ города в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и послевоенный период. Гусь-Хрустальный: Гусь-Хрустальная типография, 2005.
- Казакова Л. В.* Гусь-Хрустальный. М.: Советский художник, 1973. 214 с.
- Клюева Т. В.* Гражданская идентичность и патриотические установки гуманитарной интеллигенции // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1. С. 63—68.
- Наумова Т. В.* Сохранилась ли в памяти народа русская интеллигенция как социокультурный феномен? // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 2. С. 50—60.
- Никонов В. М.* Гусь-Хрустальный. Очерки о прошлом и настоящем города. Ярославль: Букинист, 1982. 144 с.
- Никонов В. М., Семенов Г. Г.* «Символ» нового века. 1811—2001. Владимир: Фолиант, 2001. 206 с.
- Никонов В. М., Толмачев И. Н., Фролкин С. А.* Преодоление. К 70-летию закрытого акционерного общества «Армагус». Владимир: Калейдоскоп, 1999. 254 с.
- Пак Н. Т.* Страницы истории старейших стекольных заводов, ныне действующих на территории Гусь-Хрустального района // Материалы исследов. Гос. Влад.-Сузд. музея-заповед.: сб. / сост. А. А. Тенеткина. Владимир: Гос. Влад.-Сузд. музей-заповед., 2010. Вып. 16. С. 65—74.
- Пак, Н. Т., Чуканова А. В.* Гимн стеклу: к 30-летию Музея Хрустала имени Мальцовых. Владимир: Гос. Влад.-Сузд. музей-заповед., 2013. 366 с.
- Поломошнов А. Ф., Лыкова А. В., Лугуценко Т. В.* Современная российская интеллигенция: поиск идентичности // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2024. № 2. С. 203—211. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-203-211.
- Савоскул С. С.* Краеведение и локальная идентичность (на примере малых городов Центральной России) // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 83—89.
- Сердце Мещеры: лит.-краевед. альманах Межрегион. культ.-историч. проекта «Мещера Первозванная» / автор и гл. ред. Ю. А. Белоусов. М.: [Б. и.]; Шатура: [Б. и.], 2024. Вып. 1. 174 с.*
- Скулов Н. И.* Заповедными тропами Мещеры. Владимир: Маштекст, 2004. 94 с.

- Скулов Н. И. Гусь-Хрустальный: очерки истории Мещерского края. Гусь-Хрустальный: Мещера, 2006. 350 с.
- Скулов Н. И. Феномен Мещеры: Сб. ст. и эссе: результат исследований за 30 лет. Сергиев Посад: Ремарко, 2021. 183 с.
- Страна Мещера / сост. Н. В. Царев. Гусь-Хрустальный: Ремарко, 2007. 280 с.
- Страна Мещера / сост. В. Цокуренко. Владимир: Калейдоскоп, 2009. 276 с.
- Страна Мещера / сост. Н. В. Ульянова. Гусь-Хрустальный: Ремарко, 2020. 216 с.
- Толмачев И. Н. Имени Феликса. Из истории Гусь-Хрустального ордена Трудового Красного знамени стеколзавода им. Ф. Дзержинского. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1969. 157 с.
- Чемоданов В. В. Записки провинциала, или Двадцатый век моими глазами. М.: Книга по требованию, 2017. 190 с.
- Чистяков А. А., Пак Н. Т. По Гусь-Хрустальному: история, люди, достижения. Владимир: Тразит-икс, 2003. 106 с.
- Шохрин В. Е. Доплыть до истоков. Владимир: Калейдоскоп, 2017. 527 с.

References

- Arsenyev, N. M. and Makushev, A. A. (2002), *Khrustal'nye koroli Rossii, Pro-myshlennoe khoziaistvo i predprinimatel'skaia deiatel'nost' Mal'tsovykh v XVIII—XIX vekakh* [Crystal Kings of Russia. Industrial Economy and Entrepreneurial Activity of the Maltsovs in the 18th—19th Centuries], Nauka, Moscow, Russia.
- Barskov, D. P. (2009), *Nasha familiia, Istoriia roda Barskovykh s XVI veka: arkhivnye materialy, issledovaniia, vospominaniia* [Our Family, History of the Barskov Family from the 16th Century: Archival Materials, Research, and Memories], Kaleidoskop, Vladimir, Russia.
- Barskov, D. P. and Barskov, V. P. (2007), *Pritiazhenie Meshchery* [The Attraction of Meshchera], Tranzit-Iks, Moscow, Vladimir, Russia.
- Belousov, Yu. A. (2019), *Legenda o Kolovrate. Meshcherskii skaz* [The legend of Kolovrat, Meshchersky tale], Roshal', Remarko, Gus'-Khrustal'nyi, Sergiev Posad, Russia.
- Belousov, Yu. A. (2021), *Chernye lodki, meshcherskie chelny ili dolblenki pri-ozernoi Meshchery* [Black Boats, Meshchera Canoes, or Dugouts of Lakeside Meshchera], Remarko, Sergiev Posad, Russia.
- Belousov, Yu. A. (2024a), *Meshchera Pervozvannaia, Meshcherskii skaz: risunki avtora* [Meshchera the First-Called. Meshchera Tale: Illustrations by the author], Remarko, Shatura, Sergiev Posad, Russia.

- Belousov, Yu. A. (2024b) (author and editor-in-chief), *Serdtshe Meshchery: literaturno-kraevedcheskii al'manakh Mezhtse regional'nogo kul'turno-istoricheskogo proekta "Meshchera Pervozvannaia"* [The Heart of Meshchera: Literary and Local History Almanac of the Interregional Cultural and Historical Project "Meshchera the First-Called"], iss. 1, Bez izdatel'stva, Moscow, Shatura, Russia.
- Chemodanov, V. V. (2017), *Zapiski provintsiala, ili Dvadsatyi vek moimi glazami* [Notes of a Provincial, or the Twentieth Century Through My Eyes], Kniga po trebovaniuu, Moscow, Russia.
- Chistyakov, A. A. and Pak, N. T. (2003), *Po Gus'-Khrustal'nomu: istoriia, liudi, dostizheniia* [Across Gus-Khrustalny: history, people, achievements], Trazit-iks, Vladimir, Russia.
- Dobrovolsky, E. V. (1983), *Gorod na rechke Gus': dokumental'naia povest* [The City on the Gus River: A Documentary Story], Politicheskoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Gilyarevsky, P. V. (1970), *Gus'-Khrustal'nyi: Kratkii ocherk-putevoditel* [Gus-Khrustalny: A Brief Essay-Guide], 2nd ed., Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, Yaroslavl, Russia.
- Gilyarevsky, P. V. (1973), *Iskry na graniakh (k istorii Khrustal'nogo zavoda)* [Sparks on the Facets (on the History of the Crystal Factory)], Bez izdatel'stva, Yaroslavl, Russia.
- Gusarov, A. I. (2002), *"Khrustal'naia imperiia" Mal'tsovykh, ili o chem poet moi khrustal'* [The Maltsovs' "Crystal Empire," or What My Crystal Sings About], Bez izdatel'stva, Gus-Khrustalny, Russia.
- Yolokhova, E. V. (2024), *Po Gus'-Mal'tsovskomu* [According to Gus-Maltsovsky], Remarko, Sergiev Posad, Russia.
- Kazakov, B. A. (2005), *Uchitel'stvo i voina: sbornik poiskovogo materiala ob uchiteliakh i uchashchikhsia shkol goroda v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941—1945 gg. i poslevoennyi period* [Teaching and War: A Collection of Research Material on Teachers and Students of City Schools During the Great Patriotic War of 1941—1945 and the Postwar Period], Gus'-Khrustal'naia tipografiia, Gus-Khrustalny, Russia.
- Kazakova, L. V. (1973), *Gus'-Khrustal'nyi* [Gus-Khrustalny], Sovetskii khudozhnik, Moscow, Russia.
- Klyueva, T. V. (2015), 'Civil identity and patriotic attitudes of the humanitarian intelligentsia', *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: sostoianie, tendentsii, perspektivy* [Civil society in Russia: state, trends, prospects], no. 1: 63—68.
- Kuryabov, V. N. (comp.) (2003), *Gusevskii stekol'nyi kolledzh* [Gus Glass College], Markart, Vladimir.

- Naumova, T. V. (2016), 'Has the Russian intelligentsia been preserved in the memory of the people as a sociocultural phenomenon?', *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia* [Social and humanitarian knowledge], no. 2: 50—60.
- Nikonov, V. N. (1982), *Gus'-Khrustal'nyi, Ocherki o proshlom i nastoiashchem goroda* [Gus-Khrustalny. Essays on the past and present of the city], Bukinist, Yaroslavl, Russia.
- Nikonov, V. M. and Semenov, G. G. (2001), "*Simvol*" *novogo veka, 1811—2001* [The "Symbol" of the New Century, 1811—2001], Foliant, Vladimir, Russia.
- Nikonov, V. M., Tolmachev, I. N. and Frokin, S. A. (1999), *Preodolenie, K 70-letiiu zakrytogo aktsionernogo obshchestva "Armagus"* [Overcoming, On the 70th Anniversary of the Closed Joint-Stock Company "Armagus"], Kaleidoskop, Vladimir, Russia.
- Pak, N. T. (2010), 'Pages from the History of the Oldest Glass Factories Currently Operating in the Gus-Khrustalny District', in Tenetkina, A. A. (comp.), *Materialy issledovaniia Gosudarstvennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeia-zapovednika: sbornik* [Research Materials of the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve: Collection], iss. 16, Gosudarstvennyi Vladimiro-Suzdal'skii muzei-zapovednik, Vladimir, Russia: 65—74.
- Pak, N. T. and Chukanova, A. V. (2013), *Gimn steklu: k 30-letiiu Muzeia Khrustalia imeni Mal'tsovykh* [Hymn to Glass: Dedicated to the 30th Anniversary of the Maltsov Crystal Museum], Gosudarstvennyi Vladimiro-Suzdal'skii muzei-zapovednik, Vladimir, Russia.
- Polomoshnov, A. F., Lykova, A. V. and Lugutsenko, T. V. (2024), 'Modern Russian intelligentsia: search for identity', *NOMOTHETIKA: Filosofiiia. Sotsiologiiia. Pravo* [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law], no. 2: 203—211, doi: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-203-211.
- Savoskul, S. S. (2011), 'Local history and local identity (on the example of small towns in Central Russia)', *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], no. 6: 83—89.
- Shokhrin, V. E. (2017), *Doplyt' do istokov* [Swim to the Sources], Kaleidoskop, Vladimir, Russia.
- Skulov, N. I. (2004), *Zapovednymi tropami Meshchery* [Along the Protected Paths of Meshchera], Mashteks, Vladimir, Russia.
- Skulov, N. I. (2006), *Gus'-Khrustal'nyi: ocherki istorii Meshcherskogo kraia* [Gus-Khrustalny: Essays on the History of the Meshchera Region], Meshchera, Gus-Khrustalny, Russia.
- Skulov, N. I. (2021), *Fenomen Meshchery: Sbornik statei i esse: rezul'tat issledovaniia za 30 let* [The Meshchera Phenomenon: A Collection of

- Articles and Essays: The Results of 30 Years of Research], Remarko, Sergiev Posad, Russia.
- Tolmachev, I. N. (1969), *Imeni Feliksa, Iz istorii Gus'-Khrustal'nogo ordena Trudovogo Krasnogo znameni steklozavoda im F. Dzerzhinskogo* [In the Name of Felix, From the History of the Gus-Khrustalny Order of the Red Banner of Labor Glass Factory named after F. Dzerzhinsky], Verkhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo, Yaroslavl, Russia.
- Tsarev, N. V. (comp.) (2007), *Strana Meshchera* [Country Meshchera], Remarko, Gus'-Khrustal'nyi, Russia.
- Tsokurenko, V. (comp.) (2009), *Strana Meshchera* [Country Meshchera], Kaleidoskop, Vladimir, Russia.
- Ulyanova, N. V. (comp.) (2020), *Strana Meshchera* [Country Meshchera], Remarko, Gus'-Khrustal'nyi, Russia.
- Velyukhov, V. S. (2000), *Khrustal'nogo gusia vzlet: zapiski kraevedy* [The Takeoff of the Crystal Goose: Notes of a Local History Expert], Kaleidoskop, Vladimir, Russia.
- Vakulov, N. and Vakulov, S. (2019), *Pro Mitiaia — kazaka Meshcherskogo, Meshcherskii skaz* [About Mitiai — Cossack Meshchersky], Roshal', Remarko, Gus'-Khrustal'nyi, Sergiev Posad, Russia.
- Vakulov, N. and Vakulov, S. (2021), *Slavnyi gorod — Gus'-Khrustal'nyi* [The glorious city of Gus-Khrustalny], Remarko, Sergiev Posad, Russia.
- Vakulov, N. I. and Vakulov, S. Yu. (2017), *Pra i Buzha. Meshcherskii skaz* [Pra and Bujia. Meshchersky tale], Remarko, Sergiev Posad, Russia.

Статья поступила в редакцию 24.04.2025; одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 29.05.2025.

The article was submitted 24.04.2025; approved after reviewing 22.05.2025; accepted for publication 29.05.2025.

Информация об авторе / Information about the author

И. Л. Бабич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия.

I. L. Babich — Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 116—142.
Intelligentsia and the World. 2026. No. 1. P. 116—142.

Научная статья

УДК [930+95](5-012)«18»+929

EDN <https://elibrary.ru/qwhexg>

DOI: 10.46725/IW.2026.1.6

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

ВПЕЧАТЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА ОТ ПУТЕШЕСТВИЙ ПО БЛИЖНЕМУ ВОСТОКУ. АНАЛИЗ МЕМУАРОВ А. В. ЕЛИСЕЕВА (КОНЕЦ XIX В.)*

Кирилл Евгеньевич Балдин

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,

kebaldin@mail.ru, SPIN-код: 4171-9959,

<https://orcid.org/0000-0002-7568-0528>

Алексей Александрович Соловьев

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,

наука-igsha@mail.ru, SPIN-код: 3795-8105,

<https://orcid.org/0000-0003-1211-8690>

Аннотация. В статье анализируются путевые записки Александра Васильевича Елисеева — российского ученого и путешественника. Он был хорошо известен у себя на родине на рубеже XIX и XX вв., являлся

© Балдин К. Е., Соловьев А. А., 2026

* Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием Ивановского государственного университета в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» FZZM-2025-0001.

автором целого ряда научных и научно-популярных публикаций, из которых главным считается труд «По белу свету» в четырех томах. В данной статье рассматриваются те разделы этого труда, которые посвящены путешествиям Елисеева по Египту, Каменистой Аравии и Палестине в 1880-х годах. Автор рассматривает впечатления русского путешественника от иноземной среды, в которой мемуарист столкнулся с другой культурой в самом широком смысле этого слова, другой религией, другим языком. Его текст проникнут сочувствием к местному населению и возмущением против западной военной и культурной экспансии на Ближнем Востоке.

В мемуарах идет речь о встречах автора с местными жителями, русскими православными паломниками и такими значимыми людьми, как церковный деятель и ученый архимандрит Антонин — руководитель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. А. В. Елисеев не был паломником, как большинство россиян, ехавших на Ближний Восток, он являлся ученым-путешественником, поэтому в его мемуарах отражены не религиозные переживания, а подробности его путешествия и открытий, повседневная жизнь стран, которые он посещал. В статье анализируются события и явления, которые помогали автору воспоминаний сформировать и определить свою идентичность в иноземной среде — встречи с соотечественниками, материальные и нематериальные маркеры национальной идентичности.

Ключевые слова: А. В. Елисеев, российские путешественники, российские интеллектуалы, источники личного происхождения, Египет, Палестина, арабы, западная экспансия на Ближнем Востоке, английская агрессия против Египта в 1882 г., русские православные паломники, национальная идентичность

Для цитирования: Балдин К. Е., Соловьев А. А. Впечатления российского интеллектуала от путешествий по Ближнему Востоку. Анализ мемуаров А. В. Елисеева (конец XIX в.) // Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 116—142.

IMPRESSIONS OF THE RUSSIAN INTELLECTUAL FROM TRAVELING IN THE MIDDLE EAST. ANALYSIS OF A. V. ELISEEV'S MEMOIRS (LATE XIX CENTURY)*

Kirill E. Baldin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, kebaldin@mail.ru,
SPIN-код: 4171-9959, <https://orcid.org/org/0000-0002-7568-0528>

Alexey A. Solovyev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, nauka-igsha@mail.ru,
SPIN-код: 3795-8105, <https://orcid.org/0000-0003-1211-8690>

Abstract. The article analyzes the travel notes of Alexander Vasilyevich Eliseev, a Russian scientist and traveler. He was well known in his homeland at the turn of the XIX and XX centuries. He was the author of a number of scientific and popular science publications, of which the main work is "Around the World" in four volumes. This article examines those fragments of this work that are devoted to Eliseev's travels in Egypt, Rocky Arabia and Palestine in the 1880s. The author examines the impressions of a Russian traveler regarding unfamiliar environment, in which the memoirist encountered a different culture in the broadest sense of the word, a different religion, a different language. His text is imbued with sympathy for the local population and indignation against Western military and cultural expansion in the Middle East. The memoir talks about the author's meetings with local residents, Russian Orthodox pilgrims and such important people as the church leader and scientist Archimandrite Antonin, head of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem. A. V. Eliseev was not a pilgrim, like most Russians, traveling to the Middle East, he was a scientist and traveler, so his memoirs reflect not religious experiences, but the details of his travels and discoveries, the daily life of the countries he visited. The article analyzes the events and phenomena that helped

---

* *The study was carried out in accordance with the state assignment of Ivanovo State University within the framework of the Fundamental Scientific Research Program in the direction of "Russia and the Middle East: Historical, Political and Cultural Relations" of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the International Public Organization "IPPO" FZZM-2025-0001.*

the author of the memoirs to form and define his identity in a foreign environment — meetings with compatriots, material and nonmaterial markers of national identity.

Keywords: A. V. Eliseev, Russian travelers, Russian intellectuals, sources of personal origin, Egypt, Palestine, Arabs, Western expansion in the Middle East, British aggression against Egypt in 1882, Russian Orthodox pilgrims, national identity

For citation: Baldin, K. E. and Solovyev, A. A. (2026), ‘Impressions of the Russian intellectual from traveling in the Middle East. Analysis of A. V. Eliseev’s memoirs (late XIX century)’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 116—142 (in Russ.).

Введение

Постановка вопроса и научная актуальность. В течение XIX века постепенно увеличивался поток россиян, отправлявшихся на Ближний Восток. Почти все они являлись православными паломниками, целью которых было поклонение святыням вселенского христианства в Палестине. В начале столетия в Восточное Средиземноморье ежегодно отправлялись десятки наших богомольцев, в середине его — уже сотни, а в конце века — тысячи. Разумеется, очень немногие из них брались за перо и бумагу для того, чтобы изложить свои впечатления о совершенной поездке. Эти мемуары сначала издавались в виде небольших книг, а во второй половине XIX в., с появлением целой сети журналов и газет, большинство текстов личного происхождения печаталось на страницах повременных изданий, как всероссийских («Душеполезное чтение», «Русский паломник» и др.), так и местных («Епархиальные ведомости»). Такого рода источники, судя по библиографическим справочникам, насчитываются десятками.

В конце XIX в. на Ближний Восток поехали из России не только паломники, но и состоятельные туристы. Их главной целью было не поклонение христианским святыням, а удовлетворение мирского любопытства. В этом отношении их привлекала не только Палестина, но, в большей степени, соседний Египет, где памятников древнейшей истории было больше. Еще более редкими посетителями библейского региона являлись российские путешественники-исследователи, которые ехали сюда для научных

разысканий. Это были географы, археологи, антропологи, этнографы, специалисты в области византистики и библеистики, медики. В их путевых записках не говорится о религиозных переживаниях при посещении святых мест, о встречах и беседах с иерархами Иерусалимской православной церкви и т. п. Главное место здесь занимают описания значимых географических объектов, древних архитектурных памятников, найденных артефактов, этнографические, антропологические, медицинские характеристики местного населения. Присутствует на страницах этих текстов и так называемая восточная экзотика — описания природы, климата, костюмов арабского населения, их пищи, нравов и обычаев, повседневной жизни.

Если о паломнических мемуарах в последние годы написан целый ряд статей, появившихся на страницах «Православного Палестинского Сборника», в «Вестниках» различных университетов и др., то о мемуарах путешественников, посещавших этот регион, в частности А. В. Елисеева, почти нет литературы, а книги, опубликованные об этом несколько десятилетий назад, носят в значительной степени научно-популярный характер [Бабков, 1949; Мощанская, 1956; Лукницкая, 1985]. Слабой исследованностью данной темы обусловлена научная актуальность предпринимаемого нами исследования.

Обзор источников. А. В. Елисеев является автором целого ряда научных статей, а также небольших книжек, написанных в научно-популярном жанре [Елисеев, 1904а; Его же, 1911]. Главный труд с описанием его путешествий вышел в последнее десятилетие позапрошлого века под названием «По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света»; второе издание увидело свет в самом начале XX в., а третье — в годы Первой мировой войны. Написанные ярким образным языком, эти путевые записки читаются с неослабевающим интересом, тем более что они иллюстрированы несколькими известными художниками, в том числе А. Д. Кившенко — автором широко известных исторических полотен («Военный совет в Филях» и др.).

Впечатления, вынесенные А. В. Елисеевым с Ближнего Востока, были очень разнообразными и занимают не одну сотню страниц в его книге «По белу свету». Мы не имеем возможности анализировать всё это повествование, включая то, что обычно

называется восточной экзотикой, т. е. красоты природы, ее колористику, звуки и запахи, особенности южного климата, этнографические описания местного населения. Автор предполагает сосредоточиться на впечатлениях от контактов с местным населением и с представителями западноевропейских стран, которые в это время уже активно осваивали данный регион с явным намерением колонизировать его. Также мы намерены остановиться на том, как формировалась национальная идентичность у россиян, приезжавших в этот регион в качестве паломников или путешественников.

Для сравнения путевых записок А. В. Елисеева с другими текстами, посвященными реалиям Ближнего Востока в рассматриваемый период, нами были использованы мемуары Е. Э. Картавцова, который посетил те же Египет и Палестину, но в качестве не исследователя-путешественника, а, скорее, любопытствующего туриста. Также нами были привлечены мемуары двух паломников того же периода: А. Вендеревского из Астраханской губернии и игумена Никандра из Соловецкого монастыря.

Методология и методы исследования

При работе над эмпирическим материалом в статье использовались такие основополагающие научные принципы, как объективность, историзм и причинная обусловленность событий, процессов и явлений. Также применялись специальные исторические методы исследования.

Историко-сравнительный метод использовался для сравнения отношения, во-первых, коренного населения Ближнего Востока к представителям Запада и к русским, а во-вторых — отношения русских паломников и путешественников к арабам Египта и Палестины, а также к западным миссионерам и военным, которые стремились завоевать и подчинить рассматриваемый регион, но разными методами. Также автор сравнивает существовавшие у россиян стереотипы относительно Востока и действительность, с которой им приходилось здесь сталкиваться.

Историко-системный метод используется для рассмотрения в комплексе ответной реакции России на западную экспансию в ближневосточном регионе. Здесь была создана Русская Духовная Миссия, возникли странноприимные дома для паломников, школы

для местного населения. Сюда из России направляли таких энергичных и талантливых церковных деятелей, как архимандрит Антонин (Капустин).

Просопографический метод позволил с помощью фактов и эпизодов из жизни и деятельности главного героя статьи — автора путевых заметок — дать ему характеристику через его взаимоотношения с друзьями и теми, кого можно охарактеризовать понятиями «другие» и «чужие», и таким путем составить портрет полузабытого исследователя-интеллектуала.

Основная часть

Русский путешественник-интеллектуал А. В. Елисеев

Александр Васильевич Елисеев (1858—1895) — русский путешественник, археолог, этнограф, антрополог. Сейчас его имя известно лишь специалистам, а на рубеже XIX—XX вв. его книгами зачитывались сотни тысяч российских читателей, его имя стояло в одном ряду с именами Н. М. Пржевальского, Н. Н. Миклухо-Маклая, В. В. Юнкера и др. Он родился в Финляндии в семье армейского офицера, поступил учиться на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, занимался здесь под руководством таких светил мировой науки, как Д. И. Менделеев, А. Н. Бекетов, был одним из любимых учеников профессора К. Ф. Кеслера. Однако, больше склоняясь к практической медицине, Елисеев перешел учиться в столичную медико-хирургическую академию и окончил ее в 1882 г. [Тригорьев, 1973: 107].

В 1880-х гг. он активно путешествовал по различным странам Европы, Азии и Африки. Что касается Ближнего Востока, то в 1881 г. он посетил Египет и Сирию, в 1883—1884 гг. — Египет и Палестину, в 1886 г. он снова побывал в Палестине, а в 1893—1894 гг. — в Судане и Абиссинии. Также он посетил страны Магриба, Японию, Цейлон, в Европе — Скандинавию. Во время своих странствий он собирал географический, этнографический, антропологический и медицинский материал, что свидетельствовало о подлинно энциклопедической широте его научных интересов¹.

---

¹ Елисеев Александр Васильевич. Биографический словарь. 2008. URL: <https://dic.acadtmic.ru/dic.nsf/biograf/5263> (дата обращения: 12.01.2025).

Судя по его путевым запискам, он владел несколькими иностранными языками; во всяком случае, на Ближнем Востоке он свободно говорил по-французски, понимал и мог объясниться по-итальянски и по-арабски [Елисеев, 1915: 139, 198, 207].

Ученый и путешественник Елисеев опубликовал около ста научных и научно-популярных трудов. Он сотрудничал с несколькими авторитетными научными общественными организациями, выступал на их заседаниях с результатами исследований, произведенных во время экспедиций. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии наградило его за научные труды большой золотой медалью, а Русское географическое общество — серебряной медалью². Он по заданию Православного Палестинского Общества путешествовал в группе российских паломников по Палестине для сбора сведений о положении наших богомольцев [С русскими паломниками..., 1885].

Восприятие автором арабского населения.

Стереотипы и реальность.

Русские, отправлявшиеся на Ближний Восток, довольно часто из слышанного и прочитанного ими составляли не совсем выгодное представление о местном арабском населении. Этот стереотип складывался на основе страшноватых рассказов о бедуинах, которые если не убивали, то безжалостно грабили в пустынных местностях незащитных русских паломников. То, что такие случаи бывали, отрицать нельзя, но многие арабы, с которыми сталкивались наши соотечественники, производили на них вполне положительное впечатление, а с некоторыми у россиян складывались дружеские отношения.

Трое таких арабов стали проводниками А. В. Елисеева во время его путешествия по Синайскому полуострову и Каменистой Аравии. Вот как характеризует этих сынов пустыни автор рассматриваемых нами путевых записок: «Все трое был народ прекрасный, и в отличных качествах их я не раз имел случай убедиться,

---

² Елисеев Александр Васильевич // Энциклопедический справочник «Африка». 1986—1987. URL: <https://africa.academic.ru/1164/> (дата обращения: 12.01.2025).

так что впоследствии расстался с ними, после почти двухмесячного скитания по пустыне, чуть не со слезами на глазах. Положа руку на сердце, могу сказать, что только благодаря этим трем честным арабам прошел без всякого конвоя пустыню...» К услугам, которые эти арабы оказали русскому путешественнику, он прибавил также то, что «при помощи их успел отыскать многие из интересовавших меня археологических останков». Сверх того, следует особо отметить, что арабы оказывали Елисееву помощь, скорее, не из меркантильных побуждений. По его словам, перед совершенным им путешествием он сумел нанять этих трех проводников и четырех верблюдов «баснословно дешево» [Елисеев, 1915: 207].

А. В. Елисееву, благодаря его недюжинным способностям в области народной дипломатии, удалось наладить контакты и с бедуинами, которые оказались вовсе не такими страшными, как ему ранее представлялось. Одним из методов такой дипломатии традиционно становилось взаимное угощение, сопровождавшееся доверительной беседой. Автор так повествовал об одной из встреч в пути: «Принятые отлично сынами пустыни, пригласившими нас провести день и ночь вокруг их братского костра, мы вздумали, в свою очередь, ответить им вежливостью и угостить их чаем. Интересное впечатление на арабов произвел этот русский чай, — напиток почти неведомый на Востоке. Грандиозное чаепитие, которое я устроил для всех 56 человек встреченного каравана Муссейнов (одного из кочевых племен. — *К. Б.*), производилось едва ли не с большим аппетитом, чем в любом московском трактире. “Таиб джай москов (хорош русский чай)”, — повторяли арабы, смакуя каждый глоток неведомого напитка. Угощение чаем, можно сказать, сделало сынов пустыни нашими друзьями...» [Там же: 241].

Во время другой встречи, уже не на Синае, а в Палестине, автор для создания дружественной атмосферы к чаю добавил еще отечественный табак, русский способ употребления которого был незнаком арабам, знавшим только трубки и кальяны. В горной Иудее, около Вифлеема русский путешественник угощал местных жителей «чаем и русскими папиросами, вызвавшими всеобщее удивление» [Его же, 1904b: 309].

Вместе с тем в любом народе присутствуют очень разные группы населения. Среди городских жителей Египта и Палестины

было немало предприимчивых людей, которые стремились любыми средствами заработать на зарубежных паломниках и туристах. Как и другие мемуаристы, А. В. Елисеев обратил внимание на крайне агрессивные методы сервиса, которые применялись в отношении иностранцев. С навязыванием такого рода услуг автор встретился сразу же по прибытии на Восток после прохождения таможенных процедур в Александрии. Он поведал читателям, как нужно действовать, чтобы не стать жертвой крикливых проходимцев: «Тут наткнулась на нас целая орава арабов, предлагавших своих лошадей и мулов. Я не успел опомниться, как меня схватил какой-то оборванец, потащил и усадил на ослика, тогда как мой багаж очутился на спине другого животного. Мой спутник Г-в, знавший лучше египетские порядки, отбился палкой от досаждавших ему погонщиков, а потом поспешил ко мне на помощь» [Его же, 1915: 138].

Другой русский автор путевых записок Е. Э. Картавцов столкнулся с особенностями местного сервиса, даже не сойдя с корабля, бросившего якорь в Александрии. Автор сравнил увиденное со штурмом корабля опасным неприятелем: «Прошло едва три, четыре минуты, и палуба, перед этим тихая и почти пустая, наполнилась массой самого пестрого люда. Кого и чего тут не было ... комиссионеры и прислуга гостиниц, с вышитыми на груди крупными буквами названиями отелей, выславших их, продавцы разной дряни — греки, евреи, итальянцы, арабы, лодочники, феллахи и носильщики в самых разнообразных костюмах ... — всё это толпилось, галдело, набрасывалось на пассажиров» [Картавцов, 1892: 4]. Автор, перечисляя национальности драгоманов, носильщиков и представителей отелей, поставил арабов на последнее место, т. к., по его впечатлениям, большую часть этих людей составляла в общем-то космополитичная толпа греков, итальянцев, евреев.

Нечто подобное происходило и во время осмотра пирамид А. В. Елисеевым и его спутниками. Торговцы наперебой предлагали нашим путешественникам различные сувениры, многие из которых вызвали серьезные подозрения относительно их подлинности. Вот что произошло рядом с пирамидой Хеопса: «У самых пирамид нас осадила докучная толпа арабов, предлагавших древности, якобы найденные у подножия могил фараонов, и мы едва могли

отбиться от них... Сопровождаемые толпой этих навязчивых спутников, требовавших, как должного, бакшиша, мы добрались, наконец, до самого подножия пирамид» [Елисеев, 1915: 161].

Еще одной характерной чертой местного населения, регулярно соприкасавшегося с иностранцами, было постоянное выпрашивание упомянутого выше бакшиша, который на Востоке представлял собой нечто среднее между подарком, взяткой и милостыней. Бакшиш просили и настоятельно требовали за любые, даже самые мелкие услуги, которые в большинстве своем были совершенно не нужны иностранцам.

Западная экспансия в регионе Ближнего Востока на страницах путевых записок А. В. Елисеева

В мемуарах А. В. Елисеева получили отражение не только контакты с местным населением, но и военно-политическая экспансия, а также культурная экспансия Запада. Она в то время уже в полном масштабе развертывалась на Ближнем Востоке, который западноевропейские державы воспринимали как стратегически важный для себя регион. Египет подвергся открытой агрессии Великобритании. Автор не был свидетелем варварской бомбардировки Александрии в 1882 г. английским флотом, но видел ее трагические последствия: «Уже первое впечатление прекрасного города, лучшие кварталы которого были разрушены бомбардировкой, было не в пользу надменных англичан, гордо похаживавших теперь по улицам Александрии. Дальнейшее знакомство с новыми порядками, введенными в Египте победителями Араби-паши, еще более увеличило это нерасположение, и я скоро стал искренне разделять убеждение всех честных египтян, ненавидящих самозванных пришельцев-англичан... Бомбардировка Александрии, превратившая многие кварталы ее в настоящую каменоломню, засыпанную камнями и наполненную едкой известковой пылью, представляет позорную страницу в истории английского флота, стрелявшего тяжелыми бомбами в беззащитный город» [Его же, 1904b: 98].

О ненависти египетских арабов не только к англичанам свидетельствовала и массовая драка между матросами одного из прибывших из Европы судов с местными жителями. Автор сам наблюдал ее: «...мы наткнулись на целую свалку между арабами и толпой

различных европейских матросов, разносивших одну из бесчисленных кофеен Александрии ... мы не попали в эту сумятицу, в которой сказывалась глубокая ненависть, питаемая туземцами ко всякому пришельцу из Европы, — ненависть, едва скрываемая ими до первого удобного случая» [Его же, 1915: 140]. К счастью, русские наблюдали за этой дракой издалека. Местные жители могли бы принять их за англичан или французов, тогда жизнь русских путешественников могла бы оказаться в опасности. В то же время автор отмечал, что отношение египтян к русским было совершенно иным: местные арабы четко разграничивали выходцев из Западной Европы и тех, кого они называли «московы» (т. е. русские).

Автора глубоко возмущало разграбление древних культурных ценностей, которыми была наполнена земля Египта. Причем в равной степени, по его мнению, в этом были виноваты не только оборотистые местные жители, но падкие до старинных артефактов европейские туристы: «Остановимся лишь на том печальном отношении ко всем этим удивительным останкам глубочайшей древности, которое проявляют не только туземцы-арабы, но и каждый заезжий турист. Ввиду того, что каждому из последних хочется привезти домой какую-нибудь древность с развалин Мемфиса, Таниса или Фив, арабы-туземцы стараются удовлетворить этому спросу и расхищают даже то небольшое, что остается от памятников Египта» [Там же: 174].

Возмущению автора не было пределов, когда, поднявшись на вершину высочайшей пирамиды, носящей имя Хеопса, он обнаружил там объедки от чьей-то совсем недавней трапезы. Оказывается, их оставили английские туристы, которые решили организовать такой необычный «ланч», вероятно, для того чтобы по возвращении на родину похвастаться им перед своими соотечественниками: «За три дня до нашего посещения Хеопсовой пирамиды несколько англичан устроили хорошо сервированный обед на верхушке этой последней. Остатки этой взбалмошной трапезы еще виднелись там, свидетельствуя о профанации европейца над тысячелетней древностью» [Там же: 162].

Автор, поднявшись на верхушку пирамиды, увидел там также множество сделанных краской и резцом надписей, которые оставили на память о себе целые поколения туристов, и не только

туристов. Один из таких автографов принадлежал Наполеону Бонапарту, который побывал здесь во время своего Египетского похода на рубеже XVIII и XIX вв. [Там же: 162]. Такой обычай расписываться на древних памятниках, впрочем, не вызвал у автора осуждения. Не исключено, что и он сам оставил рядом свой автограф, тогда это не считалась профанацией древностей.

А. В. Елисеев отмечал, что европейцы действовали не только с помощью насилия, но и посредством того, что сейчас называется «мягкой силой». Во второй половине XIX в. в Палестину начали проникать немцы, которые переезжали в «землю обетованную» целыми семьями и основали здесь свои колонии, т. е. поселения. Жители их занимались земледелием, ремеслом, отличались традиционной для немцев дисциплиной и особым трудолюбием, что наверняка, вызывало уважение у местного населения. Вот какую картину А. В. Елисеев увидел в палестинском приморском городе Хайфе: «Ряды чистеньких белых, европейских домиков, с верандами, обвитыми виноградом, широкие выметенные улицы с рядами кипарисов, группы белокурых и розовых детей, играющих перед домами, лавки с немецкими товарами и школы, из которых слышалось стройное пение учеников...» [Его же, 1904b: 353].

Немцы также сумели решить проблему доставки паломников в Иерусалим из Яффы — морских ворот Палестины. Дорога верхом на коне или осле до этого занимала около суток, включая ночевку. Предприимчивые выходцы из Германии построили «каруцы» — экипажи, по выражению автора, «неладно скроенные, но крепко сшитые». Они регулярно курсировали туда и обратно, с удобством доставляя по месту назначения паломников, которых становилось всё больше. Рядом с Яффой располагалась еще одна довольно большая германская колония — в Саронской долине, которая в Святой Земле отличалась особым плодородием почвы [Его же, 1915: 356—367]. Повествуя о ней, другой русский мемуарист Е. Э. Картавцов, путешествовавший там же в 1889 году, констатировал: «По всей равнине между Яффой и Иудейскими горами теперь много немецких колоний, немцы внесли сюда обычные свойства своего племени — трудолюбие, честность, любовь к чистоте

и порядку, а также упорную привязанность к родному языку, который поэтому начинает здесь явно преобладать» [Картавцов, 1892: 166].

Проникновение представителей Запада в Святую Землю чаще всего приобретало религиозный характер, и наиболее активны в этом проявлении «мягкой силы» были католики, имевшие давние традиции миссионерской деятельности. Они устраивали в Палестине школы для местного населения, обращали арабов из православия в свою веру, строили больницы и другие социальные учреждения. Также они покупали или захватывали силой священные достопримечательности, а порой объявляли святыми принадлежавшие им места, искусно связывая их с событиями Священной истории. Некоторые российские паломники в своих воспоминаниях или дневниках указывают, что порой одно и то же событие для католиков считалось произошедшим в одном месте, а для православных — в другом (например, это касалось Благовещения Пресвятой Богородицы в Вифлееме).

А. В. Елисеев, будучи путешественником-интеллектуалом, а не богомольцем в полном смысле этого слова, гораздо откровеннее, чем отечественные авторы-паломники (особенно из среды духовенства), сообщает о своих сомнениях, в том числе относительно таких общеизвестных и чтимых мест, как крестный путь Иисуса Христа: «Путь, которым был веден Спаситель из дома Пилата на место казни, собственно не известен в точности, хотя нынешняя *Via dolorosa*, или скорбный путь, и считается таковым». [Елисеев, 1915: 302]. Аналогичные сомнения, характерные для интеллектуала, посетили его даже в главной святыне вселенского христианства — храме Гроба Господня: «Здесь указывают много мест, имеющих отношение к евангельской истории, но в подлинности их можно сомневаться, особенно в тех случаях, когда эти места принадлежат латинянам (т. е. католикам. — *К. Б., А. С.*)» [Там же: 301].

В результате проникновения западной цивилизации в Египет, в двух его самых крупных городах путешественники могли наблюдать то, что можно охарактеризовать фразой: «Александрия (вариант — Каир) — город контрастов». Вот как выглядели эти контрасты в городе, основанном Александром Македонским: «...на площади Консулов ... играл военный египетский оркестр;

в числе публики рядом с разряженными по последней моде европейскими дамами, стояли в одних синих рубашках феллахи; черный негр, бронзовый араб, серьезный копт с чертами сфинкса, юркий грек, европейцы и туземцы — всё смешивалось здесь в разноцветную и пеструю толпу». Не менее колоритно выглядели те же самые контрасты в Каире, где «можно увидеть разодетую шикарно парижанку рядом с полуобнаженным дикарем или гордым бедуином, драпирующимся в свои рубища, — рядом со швейной и пишущей машинами выставленные кучи страусовых перьев, слоновых бивней и сушеной саранчи, — рядом с флегматичным продавцом-мусульманином за прилавком юркого итальянца и рядом с ученым-египтологом — откормленного евнуха с брильянтами на руках и груди, стерегущего чернооую красавицу, закутанную в шелковый мешок» [Там же: 141, 150].

Иерусалим был гораздо меньше европеизирован, чем Александрия и Каир: Святой Град выглядел как смешанный арабо-еврейско-армянский город. Однако, учитывая значительный поток паломников сюда из Западной Европы, здесь во второй половине XIX в. были построены соответствующие заведения для них. Об одном из них в путевых записках Елисея говорится: «...мы прошли в великолепную австрийскую странноприимницу *Hospitium Austro-Ungaricum*, — двухэтажное здание, поставленное очень хорошо. Гости распределяются здесь на три класса, первые два платные, а последний бесплатный. Помещения второго и особенно первого класса поразительно чисты, комфортабельны, даже роскошные комнаты устланы коврами, двери и ручки отделаны изящно, как в каютах пароходов. Помещения третьего класса представляют тоже чистые светлые комнатки с кроватями и бельем от странноприимницы. Не менее роскошно и комфортабельно устроена и другая латинская странноприимница — “*Casa Nova*”, имеющая до 75 номеров...» [Там же: 321—322]. Краткие описания этих двух заведений не дают четкого представления о том, чем они на самом деле являлись — приютами для паломников или гостиницами для туристов. Скорее всего, они предназначались как для туристов, так и для западных паломников, привыкших жить в комфорте.

Русская идентичность на чужбине

А. В. Елисеев путешествовал по далеким и экзотическим странам, в которых мало что напоминало о его родине. Любой турист, паломник или путешественник в иноземной, иноверной, иноязычной среде нуждается в точках опоры, которые бы так или иначе связывали бы его с родиной, свидетельствовали о том, что он не забыт на чужбине. Ему нужно быть уверенным в том, что есть к кому обратиться за помощью, есть с кем перекинуться словом на родном языке, и что здесь можно встретить людей, с которыми его объединяют общие идеалы и убеждения, вкусы и привычки.

Такие точки опоры для россиян возникают в Палестине с середины XIX в., когда здесь была создана Русская Духовная Миссия, а затем российское консульство. С каждым годом таких опорных точек становилось всё больше стараниями особого Палестинского комитета, той же Русской духовной миссии в Иерусалиме и Православного Палестинского Общества (ППО), с 1889 г. получившего наименование Императорского (ИППО). Это были, прежде всего, приюты (странноприимицы) для паломников. Самые первые из них были возведены в Иерусалиме на средства Палестинского комитета, они находились в стенах так называемых Русских построек в Святом Граде. Позже появились Сергиевское, Александровское, Вениаминовское подворья ИППО. Для паломников из простонародья в этих приютах предназначались некие «хостелы», имевшие минимальные удобства. Елисеев во время своего первого приезда в Иерусалим поселился в так называемом «дворянском корпусе», предназначавшемся не только для дворян, но и для всех имущих русских путников. Он пишет: «...я остался один в роскошно обставленной комнатке дворянского корпуса, вмещающего покои для привилегированных паломников. Золоченое зеркало, бархатная мебель, прекрасная кровать, крытая чистым бельем и узорным одеялом, — всё это поражало своей роскошью путника, давно не выдавшего признаков европейского комфорта» [Там же: 295]. Действительно, такого рода обстановка резко контрастировала с тем, что пришлось испытать путешественнику, несколько недель передвигавшемуся на верблюжьем горбе по горным пустыням Синая и Каменистой Аравии. Особенно согревало нашего

путника то обстоятельство, что он находился не в европейской гостинице (такие варианты расселения в Святом Граде тоже были), а в *русской* странноприимнице.

Целая сеть таких русских паломнических приютов сформировалась по всей Палестине. Особое внимание А. В. Елисеева обратила на себя странноприимница, расположенная возле такого важного библейского хронотопа, как Авраамов дуб, неподалеку от города Хеврона. Паломнический приют около тысячелетнего дуба стал первой по счету точкой русской идентичности для Елисеева на палестинской земле, в которую он въехал из Каменистой Аравии. Он обратил здесь больше внимания не на ветхозаветное дерево, а на сам паломнический приют и его гостеприимную смотрительницу — пожилую матушку Екатерину.

Даже внешний вид этого дома, видного издалека, располагал к себе уставшего путника, которому пришлось до этого пройти сотни верст по пустыне. Это было «русское место», издали «бросавшееся в глаза белыми стенами странноприимницы, воздвигнутой незабвенным архимандритом Антонином. Белый домик был ярко освещен и казался настоящим маяком, манившим к себе русского путника...».

Действительно, этот паломнический приют был не случайно назван пафосным словом «маяк» благодаря той обстановке, в которую попал наш путешественник после длительного путешествия по чужбине: «Еще несколько минут, — и я сидел в чистой горенке, уставленной цветами и устланной коврами, за столом, на котором, среди многих яств, весело кипел давно невиданный мною самовар... С той самой минуты, как я вкусил хлеба под сенью тысячелетнего дуба Авраамова, я считал себя уже на русской земле... Эту ночь я спал в уютной келейке, под сенью образов с мигающей лампадкой, на чистой мягкой постели». На следующее утро за завтраком автор обнаружил на столе черный хлеб, которого он не пробовал несколько месяцев. Его специально пекли в русских странноприимницах для наших паломников, очень ценивших этот важный атрибут национальной идентичности [Там же: 282—283].

Автор был поражен тем, насколько глубоким уважением пользуются русские люди, ведущие праведный образ жизни в Палестине. Это было особенно наглядно видно в соседнем Хевроне,

где, по словам Елисеева, «еще сравнительно недавно наших паломников били палками» [Там же: 284]. Он с безмерным удивлением рассказывает об отношении жителей упомянутого города к матушке Катерине: «По дороге я был поражен теми знаками неподдельного уважения, с которыми относились к матушке не только фанатичные хевронцы, но и полудикие бедуины. На каждом шагу я видел, как эти последние подходили к моей спутнице, приветствовали ее и целовали края ее одежд» [Там же: 285].

Другой паломнический приют, построенный стараниями того же архимандрита Антонина, находился в Иерихоне. А. В. Елисеев прибыл туда вечером, когда приют был наводнен целой толпой русских богомольцев, совершавших паломничество на священную реку Иордан. Автор обратил особое внимание на то, как «крепок и безмятежен был сон паломников, которые отдыхали, не зная страха и забот». Он тут же указывает причину такой безмятежности десятков своих земляков, которые чувствовали «под собой клочок русской земли, а над собой Бога». По мнению автора, ощущение безопасности на чужбине было тесно связано с чувством идентичности, которое защищало наших богомольцев в русских странноприимницах, создававшихся в том числе и с этой целью. Очень колоритно выглядело в рассматриваемом нами разделе текста описание следующего утра, когда паломники дружно восстали ото сна и уже бегали по саду. «Гигантский самовар, — пожертвование туляков, — уже кипел на всех парах, чуть не качаясь на своей каменной подставке. Вокруг него, словно у источника, суетились богомольцы, наполняя свои походные чайники и располагаясь чаевничать на зеленом ковре благоухающего сада». В данном случае причастность паломников к далекой родине сосредоточивалась, по мнению автора, вокруг родного им самовара [Его же, 1904b: 298].

В 1880-х гг., т. е. тогда, когда здесь путешествовал А. В. Елисеев, путевые приюты для русских паломников в Святой Земле находились также в Назарете, Яффе, Рамле, Горней. В последней, наряду со странноприимницей, в это время формировалась женская монашеская община, т. е. своего рода протомонастырь. В Рамле русский паломнический приют назывался у местного

населения «Москов-хан». Слово «хан» на Ближнем Востоке означало постоялый двор, где можно было переночевать и поесть [Его же, 1915: 331, 355, 357; Его же, 1904b: 347].

Упоминавшиеся выше Русские постройки в Иерусалиме были не просто гостиницей или хостелом для русских паломников и путешественников. Здесь находились русский Троицкий храм, русское консульство; здесь же осуществлялась и научная деятельность, которую на протяжении нескольких десятилетий неутомимо вел начальник Русской Духовной Миссии архимандрит Антонин (Капустин) — византист, археолог, руководивший русскими раскопками в Иерусалиме. А. В. Елисеев неоднократно встречался и беседовал с ним в течение нескольких часов. Отец Антонин интересовался археологическими разысканиями русского путешественника в Египте, показывал Елисееву свои богатые коллекции древностей, добытых в результате раскопок. Путешественник признавался, что из этих бесед он «вынес много совершенно новых для меня сведений по археологии Палестины». Также в Иерусалиме Елисеев общался с работавшим на Русских постройках доктором Сандрецким — исследователем некоторых областей палестиноведения [Его же, 1915: 296; Его же, 1904b: 264].

О том, что автор путевых записок был не просто любопытствующим туристом, а исследователем-путешественником, интеллектуалом, свидетельствует его общение во время путешествия с египетскими коптами, которые воспринимали русских как братьев по вере. Монахи одного из коптских монастырей показывали Елисееву древние книги, очень заинтересовавшие его. К сожалению, недостаточное знакомство гостя с арабским языком не позволило полноценно общаться. Автор заметил, что коптам «о многом хотелось бы поговорить с симпатичными для них “московами”, в кои-то веки забредшими в их глухую обитель» [Его же, 1915: 198]. Ученая беседа состоялась у Елисеева и в Синайском монастыре с двумя старцами-монахами, которые не только рассказывали о своей знаменитой на весь мир обители, но и расспрашивали россиянина «о святынях и прославленных местах русской земли» [Там же: 232].

Здесь, в горах Синая и в долине Нила, при общении с коптами и монахами-синаитами, а также, разумеется, в Палестине, автор, как мы предполагаем, в большей мере, чем на родине, ощутил свою религиозную идентичность, хотя сам он не был глубоко религиозным человеком и его мировоззрение можно охарактеризовать, по мнению современных исследователей, скорее как позитивизм [Победоносцев, 2017: 337]. Вместе с тем А. В. Елисеев во время путешествий по Святой Земле прошел практически по всем точкам традиционного паломнического маршрута, побывал, кроме Иерусалима, в Вифлееме и Назарете, Яффе, Хайфе, Рамле, в лавре св. Саввы, Иерихоне, на реке Иордане и Мертвом море, на горе Фавор, Тивериадском озере и др., посетив здесь наиболее важные храмы, относящиеся к святыням вселенского христианства.

Для России важными точками опоры, которые постепенно возникали в различных городах Палестины и восточного побережья Средиземного моря, стали различные социально-культурные учреждения, созданные и содержавшиеся на российские деньги. Во второй половине XIX в. здесь зримо усиливалось влияние католической и протестантской религиозно-культурной пропаганды. Одним из наиболее эффективных средств влияния на православное арабское население, которое было довольно многочисленным, становилось открытие школ для детей. Католическое и лютеранское духовенство с большим мастерством и энтузиазмом оказывало воздействие на неокрепшие в вере детские души, используя как словесные методы, так и материальные приманки.

Российское государство, а в большей степени — общественность, прежде всего, в лице Православного Палестинского Общества, в ответ на это открывало свои школы. Одна из них находилась в Назарете. А. В. Елисеев, рассказывая об этой учебном учреждении, говорил, что «русская школа, основанная Палестинским Обществом и работающая там успешно, что вызывает зависть со стороны иноверной пропаганды, представляет настоящую твердыню православия в Галилее» [Елисеев, 1904b: 347]. Автор испытывает гордость не только за успехи православия, но и за свою родину, которая у местного православного населения пользовалась большим авторитетом.

Во время того же путешествия автор останавливался в Бейруте, где число западноевропейских учебных заведений было особенно велико. Он считает, что насущная обязанность ППО состоит в том, чтобы для противостояния западной экспансии активно создавать здесь российские школы для местного населения (позже Елисеев с удовлетворением отмечал, что его пожелания через несколько лет исполнились). Более того, в Бейруте, наряду с начальными школами для детей, возникла русская учительская семинария, в которой готовили педагогов для начальных школ, и не только в Бейруте [Там же: 287].

Во второй половине XIX в. в Палестину ежегодно прибывало по несколько тысяч русских паломников из России. Их легко было узнать по одежде, манере поведения. Они создавали особую атмосферу в том районе Иерусалима, где находились главные святыни. Много россиян всегда толпилось на улице Христиан, ведущей к храму Гроба Господня — главной святыне вселенского христианства. Здесь бойко шла торговля священными сувенирами — крестиками, четками, иконками и пр., а все торговцы из местных жителей немного понимали и говорили по-русски, т. к. большую часть их покупателей составляли россияне. А. В. Елисеева удивило то, что на этом торжище имели хождение не только франки, наполеондоры и другие европейские деньги, но и русские монеты, как серебряные, так и медные. Торговцы охотно принимали и российские «бумажки», этим словом здесь обозначались мелкие отечественные купюры, в основном достоинством в один рубль. Нам представляется очень метким наблюдение А. В. Елисеева о том, что «русский паломник чувствует себя на Иерусалимском базаре совершенно свободно, толкаясь между лавками и торговцами, как у себя, на какой-нибудь ярмарке» [Его же, 1915: 306].

Действительно, эта свобода, которую чувствовал здесь паломник-простолудин, складывалась, для начала, из ощущения языковой идентичности — повседневного употребления русского языка в процессе торговли, а также при чтении вывесок на родном языке на магазинах и закусовых, о чем упоминали другие отечественные паломники-мемуаристы. Кроме того, нужно учитывать религиозную идентичность, т. к. упоминавшиеся выше предметы религиозного культа, которые покупали наши богомольцы, были близкими для них, православными, и создавались на канонической

территории Иерусалимского патриархата, который являлся сестринской структурой для Русской Православной Церкви. Наконец, отечественные монеты и купюры с двуглавыми орлами и императорскими вензелями утверждали национально-государственную идентичность паломников, которые за эту привычную для них валюту могли получить вдали от родины любые товары и услуги. Что касается всячески привлекавших их в свои лавки восточных торговцев, то к ним наши мужички и женщины тоже привыкли у себя дома, т. к. на многих отечественных ярмарках татары, бухарцы, персы в их характерных одеждах составляли неотъемлемую часть пейзажа.

Эта похожесть деталей в некоторых восточных и русских урбанистических пейзажах сподвигла А. В. Елисеева на сравнение, которое в первом приближении кажется парадоксальным. При знакомстве с Каиром, который являлся одним из крупнейших городов мусульманского мира, автор обратил внимание на бесчисленное количество мечетей в столице Египта и оценил по справедливости где-то услышанное одно из его названий — «мусульманская Москва». Знаменитые «сорок сороков» московских церквей с их главами и колокольнями явно напрашивались у Елисеева на сравнение с куполами и острыми иглами минаретов Каира [Его же, 1904b: 102].

Важным, но эпизодически употреблявшимся в повседневных практиках инструментом конструирования русской идентичности (национальной, языковой, религиозной, бытовой) были встречи с земляками в тех местах, где вообще сложно рассчитывать на их присутствие. Елисеев никак не мог ожидать таких встреч на Синае, причем не в знаменитом православном монастыре, куда наши паломники теми или иными путями всё же добились, а в горной пустыне, где во время путешествия автор предвидел встречи только с бедуинами. Тем большее впечатление производили эти эпизодические контакты потому, что русские богомольцы оказывались очень колоритными. «Тут нас ожидала удивительная встреча с тремя русскими паломниками, возвращавшимися с Синая. То были две старые богомолки и отставной солдатик на деревянной ноге, важно восседавшие на горбах облезлых верблюдов, которых вели бедуины». Автор приказал своим проводникам-арабам сделать привал и заварить чай, которого встреченные

русские путники наверняка не пили несколько недель. Хотя это были обычные простолюдины, но у путешественника-интеллектуала Елисеева нашлись общие с ними темы для длинного разговора [Его же, 1915: 224—225]. Это свидетельствовало об отсутствии глубокой пропасти между ним и его новыми знакомыми, принадлежавшими к совершенно другому социуму. Интерес к простому народу во второй половине XIX в. был вообще характерен для образованных кругов российского общества, в том числе для научной интеллигенции.

Через некоторое время автор встретился в каменистой пустыне с еще одной группой наших паломников, возвращавшихся из Синайского монастыря: «Странно было видеть на берегах Красного моря наших крестьян в их национальных костюмах, больших сапогах, красных рубахах ... с котомками за плечами...» [Там же: 226].

Большую роль в формировании идентичности играли встречи нашими путешественниками места русской воинской славы прошедших лет. К сожалению, далеко не всем русским, попадавшим в этот регион, были известны такие места. Например, большинству простолюдинов было незнакомо название Чесма, где в 1770 году произошло решающее морское сражение в ходе русско-турецкой войны 1768—1774 гг. В ходе этой морской битвы русская эскадра под руководством графа А. Г. Орлова и адмирала Г. А. Спиридова наголову разгромила турецкий флот в бухте Чесма у побережья Малой Азии. В своих путевых записках Елисеев специально отмечает это место близ города Смирны, в котором обычно останавливались суда с русскими паломниками по пути из Константинополя в Палестину [Его же, 1904b: 275].

На самом деле на территории Османской империи располагалось далеко не одно место русской воинской славы, о чем свидетельствуют другие россияне, побывавшие на Востоке. Астраханский паломник А. Вендеревский, отправившийся на судне из Константинополя на Афон, упоминает, что они проплывали мимо пригорода турецкой столицы Сан-Стефано, и объясняет читателям, что здесь стояли победоносные русские войска в конце войны 1877—1878 гг. с Турцией [Вендеревский, 1887: 568]. Другой паломник, игумен Никандр из Соловецкого монастыря, не ограничился взглядом с пароходной палубы. Он со своими спутниками

специально съездил в Сан-Стефано за 17 километров по железной дороге. Здесь они посетили храм, построенный над могилами наших воинов, и отслужили по ним литию [Никандр, 1913: 379].

Гордость за свою страну утверждали среди россиян встречи с местными жителями-арабами, которые оказывали им подчеркнутые знаки внимания, прежде всего, потому, что они являлись «московами». В Египте Елисеев и его спутники познакомились с офицером-арабом в высоких чинах. Этот египетский полковник во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. попал в плен. О пребывании в «русской неволе» у него остались самые положительные впечатления. Офицер по имени Мустафа окружил русского путешественника подчеркнутым вниманием «В честь меня, — признавался А. В. Елисеев, — устраивались обеды, попойки, прогулки верхом и катание на лодке по Нилу». Мустафа раздобыл для развлечения гостя некий эксклюзив — трех раузиат, т. е. танцовщиц, хореография у которых содержала элементы стриптиза [Елисеев, 1904b: 112].

Причем это был не единственный случай демонстрации признательности за гуманное обращение с египетскими военными в плену: «...когда нас почему-то признавали за русских, — свидетельствовал путешественник, — мы несколько раз были предметом лестных оваций, направленных по адресу “храбрых москотов” и их великого падишаха (российского императора. — *К. Б., А. С.*)» [Его же, 1915: 154—155].

Заключение

Документы личного происхождения — мемуары, дневники, письма — являются наиболее интересными и живыми источниками для историка. В них можно отыскать такие факты, явления и тенденции, о которых умалчивают сухие делопроизводственные документы или цифры статистических отчетов. Однако всегда нужно помнить о том, что мемуары — самый субъективный среди других видов источников.

Мемуары ученого и путешественника А. В. Елисеева позволяют почти воочию увидеть посещенные и исследованные им страны, в большей степени — не через совершенные им открытия и сделанные им находки, хотя о них тоже эпизодически говорится

в тексте его путевых записок. Благодаря этому источнику Ближний Восток становится действительно более близким и понятным через общение с людьми — местными жителями, пришельцами с Запада, русскими паломниками, прибывшими за тысячи верст для поклонения великим христианским святыням.

Мемуары А. В. Елисеева проникнуты чувством глубокого патриотизма за свою родину, которая открывает на чужбине школы, просвещая подрастающее поколение, и не стремится эти территории завоевать, обратить в свою веру и колонизировать. На примере авторских впечатлений из текста хорошо видно, что национальная идентичность для россиян конструируется в далекой стране не только и не столько через самовары и традиционное русское чаепитие (хотя об этом тоже не раз говорится в мемуарах). Здесь играли свою роль опять-таки близкие и постоянные контакты с соотечественниками, начиная с паломников-простолоудинов и заканчивая такими выдающимися личностями, как ученый и церковный деятель архимандрит Антонин (Капустин). Большую роль в процессе формирования идентичности играло и бросавшееся в глаза любому непредвзятому наблюдателю глубоко уважительное отношение к русским со стороны местного населения.

Список источников

- Бабков И. И.* По Африке. Путешествия Е. П. Ковалевского, В. В. Юнкера, А. В. Елисеева. М.: Географгиз, 1949. 88 с.
- Вендеревский А.* Путевые заметки о св. горе Афонской и Палестине // Астраханские епархиальные ведомости. 1887. № 14. Ч. неоф. С. 561—581.
- Григорьев С. В.* Биографический словарь. Естествознание и техника в Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1973. 269 с.
- Елисеев А. В.* В стране гейш. СПб.: [б. и.], 1904 (а). 87 с.
- Елисеев А. В.* По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света: в 4 т. 2-е изд. Т. II. СПб.: [б. и.], 1904(б). 362 с.
- Елисеев А. В.* В стране туарегов. СПб.: [б. и.], 1911. 48 с.
- Елисеев А. В.* По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света: в 4 т. 3-е изд. Т. I. Пг.: [б. и.], 1915. 362 с.
- Картавцов В. Э.* По Египту и Палестине. Путевые заметки. СПб.: [б. и.], 1892. 250 с.

- К. П. Победоносцев и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. К 170-летию основания / автор-сост. К. А. Вах. М.: Индрик, 2017. 536 с.
- Лукницкая В. К. Пусть будет Земля (Повесть о путешественнике). М.: Мысль, 1985. 208 с.
- Моцанская В. Н. Путешествия А. В. Елисеева по белу свету. М.: Географгиз, 1956. 112 с.
- Никандр, игумен. Из заметок о путешествии на Ближний Восток игумена Никандра, состоящего в братстве Соловецкого монастыря // Архангельские епархиальные ведомости. 1913. № 13—14. Ч. неоф. С. 375—382.
- С русскими паломниками на Святой земле весной 1884 г.: Очерки, заметки и наблюдения А. В. Елисеева. СПб.: [б. и.], 1885. 365 с.

References

- Babkov, I. I. (1949), *Po Afrike, Puteshestviia E. P. Kovalevskogo, V. V. Iunkera, A. V. Eliseeva* [Across Africa. Travels of E. P. Kovalevsky, V. V. Juncker, A. V. Eliseev], Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury, Moscow, Russia.
- Eliseev, A. V. (1904 a), *V strane geish* [In the land of geishas], Bez izdatel'stva, Saint Petersburg, Russia.
- Eliseev, A. V. (1904 b), *Po belu svetu, Ocherki i kartiny iz puteshestvii po trem chastiam starogo sveta: v 4 tomakh* [Around the World, Essays and Pictures from Travels to Three Parts of the Old World: in 4 vol.], 2 rd. ed., vol. II, bez izdatel'stva, Petrograd, Russia.
- Eliseev, A. V. (1911), *V strane tuaregov* [In the country of the Tuaregs], Bez izdatel'stva, Saint Petersburg, Russia.
- Eliseev, A. V. (1915), *Po belu svetu, Ocherki i kartiny iz puteshestvii po trem chastiam starogo sveta: v 4 tomakh* [Around the World, Essays and Pictures from Travels to Three Parts of the Old World: in 4 vol.], 3 rd. ed., vol. I, Bez izdatel'stva, Petrograd, Russia.
- Grigoriev, S. V. (1973), *Biograficheskii slovar'. Estestvoznaniye i tekhnika v Karelii* [Biographical Dictionary. Natural Science and Technology in Karelia], Kareliia, Petrozavodsk, Russia.
- Kartavtsov, V. E. (1892), *Po Egiptu i Palestine, Putevye zametki* [Across Egypt and Palestine. Travel Notes], Bez izdatel'stva, Saint Petersburg, Russia.
- Luknitskaya, V. K. (1985), *Pust' budet Zemlia (Povest' o puteshestvennike)* [Let There Be Earth (The Tale of a Traveler)], Mysl', Moscow, Russia.

- Moshchanskaya, V. N. (1956), *Puteshestviia A. V. Eliseeva po belu svetu* [A. V. Eliseev's travels around the world], Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury, Moscow, Russia.
- Nikandr, igumen (1913), 'From the notes of Abbot Nikandr, a member of the Solovetsky Monastery brotherhood, on a journey to the Middle East', *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti* [Arkhangelsk Diocesan Gazette], no. 13—14, part neofitsial'naia: 375—382.
- S russkimi palomnikami na Sviatoi zemle vesnoi 1884 g.: Ocherki, zametki i nabliudeniia A. V. Eliseeva* (1885), [With Russian pilgrims in the Holy Land in the spring of 1884: Essays, notes and observations by A. V. Eliseev], Bez izdatel'stva, Saint Petersburg, Russia.
- Vakh, K. A. (comp.) (2017), *K. P. Pobedonostsev i Russkaia Dukhovnaia Missiia v Ierusalime v tsarstvovanie imperatora Aleksandra III. K 170-letiiu osnovaniia* [K. P. Pobedonostsev and the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem during the reign of Emperor Alexander III. On the 170th anniversary of its founding], Indrik, Moscow, Russia.
- Venderevsky, A. (1887), 'Travel notes about Mount Athos and Palestine', *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti* [Astrakhan Diocesan Gazette], no. 14, part neofitsial'naia: 561—581.

Статья поступила в редакцию 07.04.2025; одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 29.05.2025.

The article was submitted 07.04.2025; approved after reviewing 06.05.2025.; accepted for publication 29.05.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

К. Е. Балдин — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра «Интеграция науки и образования», Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

K. E. Baldin — Doctor of Science (History), Professor, Leading Research and Education Center “Integration of Science and Education”, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

А. А. Соловьев — доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра «Интеграция науки и образования», Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

A. A. Solovyev — Associate Professor (History), Senior Researcher of Research and Education Center “Integration of Science and Education”, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 143—160.
Intelligentsia and the World. 2026. No. 1. P. 143—160.

Научная статья
УДК 94(4).08
EDN <https://elibrary.ru/rbxicz>
DOI: 10.46725/IW.2026.1.7

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

**ВЕХИ БИОГРАФИИ ТЕОДОРА ГЕРЦЛЯ. СИОНИЗМ
И АНТИСЕМИТИЗМ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.
(Окончание. Начало: «Интеллигенция и мир».
2025. № 3. С. 108—128; № 4. С. 67—92)**

Александр Ефимович Локшин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, ale-lokshin@yandex.ru,
SPIN-код: 9023-6560, <https://orcid.org/0000-0003-4185-5729>

Ключевые слова: Австро-Венгрия, антисемитизм, Германия, Герцль, евреи, Палестина, «Протоколы сионских мудрецов», дело Дрейфуса, Российская империя, сионизм, Франция

Для цитирования: Локшин А. Е. Вехи биографии Теодора Герцля. Сионизм и антисемитизм в конце XIX — начале XX в. (Окончание. Начало: «Интеллигенция и мир». 2025. № 3. С. 108—128; № 4. С. 67—92) // Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 143—160.

Original article

**MILESTONES IN THE BIOGRAPHY OF THEODOR
HERZL. ZIONISM AND ANTISEMISM
IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES
(End. Beginning: “Intelligentsiia i mir”).
2025, no. 3: 108—128; no. 4: 67—92)**

Aleksander Ye. Lokshin

Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia, ale-lokshin@yandex.ru,
SPIN: 9023-6560, <https://orcid.org/0000-0003-4185-5729>

Keywords: Austria-Hungary, antisemitism, Germany, Herzl, Jews, Palestine, “Protocols of the Elders of Zion”, Dreyfus affair, Russian Empire, Zionism, France

For citation: Lokshin, A. Ye. (2026), ‘Milestones in the biography of Theodor Herzl. Zionism and Antisemitism in the late XIX — early XXI centuries (End. Beginning: “Intelligentsiia i mir”. 2025, no. 3: 108—128; no. 4: 67—92)’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 143—160 (in Russ.)

Герцль в Париже

Как отмечалось выше, в Париж Теодор Герцль прибыл осенью 1891 г. В тот период, известный как *la belle époque* — «прекрасная эпоха» (между 1871 и 1914 гг.), столица Франции являлась центром импрессионизма, рождения литературного модернизма, появления ряда технических новшеств, местом проведения Всемирной выставки 1889 г., приуроченной к 100-летию Французской революции. Входной аркой выставки стала построенная к тому времени Эйфелева башня. Вместе с тем эти годы наполнены бурными социальными потрясениями, свидетелем которых стал Герцль.

В Париже он пробыл почти четыре года. Он знал о событиях, связанных с дуэлью и гибелью капитана Ж. Майера, и в своей газете сообщил о смерти этого молодого офицера и о его впечатляющих похоронах. Враждебная для евреев атмосфера антисемитизма во Франции не столь тревожила тогда Герцля — куда большую обеспокоенность вызывали юдофобские идеи и антисемитское движение в Германии и Австро-Венгрии. В «*Neue Freie Presse*» («Новой свободной прессе») он писал об антисемитизме как разновидности ксенофобии. Евреи же, которым свойственны честь и благородство, подобно капитану Майеру, замечал Герцль, вызывали уважение во французском народе. Еще одним свидетельством этого стало участие огромного числа людей в похоронах Майера.

Теодор Герцль прочел «Еврейскую Францию» Эдуарда Адольфа Дрюмона и познакомился с ним в доме писателя и драматурга Альфонса Доде, также причислявшего себя к антисеми-

там. Иррациональный политический стиль писаний Дрюмона привлекал Герцля. В своем дневнике, став на путь обращения в сионизм, он признавался: «Нынешней свободой суждений я во многом обязан Дрюмону, потому что он — художник» [Herzl, 1922: 110]. А быть художником в политике означало для Герцля отказ от позитивистского анализа тех или иных явлений в обществе.

Важным источником для размышлений стала целая череда общественно-политических событий во Франции, свидетелем многих из них был он сам. Годы социальных катаклизмов, агрессивного анархизма и ужасающего террора, скандалов в парламенте, безудержной классовой борьбы, коррупции в высших эшелонах власти, подлинных или мнимых шпионских историй, выступления студентов — многое из этого нашло отражение в репортажах и фельетонах Герцля в «Neue Freie Presse». Он ставил важный вопрос: в чем же ценность того парламентского строя, который разъедается изнутри коррупцией и не в состоянии противостоять нападкам извне. Герцль обратил внимание и на вопрос, который стал интересовать в то время европейских и русских социологов, а именно — психология толпы. «Я пристально занимался феноменом масс — долгое время без какого-либо понимания этого явления», — вспоминал он впоследствии [Ibid.: 6]. Социалистическое движение во Франции, в представлении Герцля, являлось не чем иным, как формой группового примитивизма, внушавшего ему благоговейный ужас. Он стал свидетелем успеха масс, выступавших против судебной системы. После ареста лидера социалистов Поля Лафарга жители Лилля вернули ему свободу, избрав на парламентских выборах своим депутатом в палату представителей. Герцль выражал симпатию рабочим — несчастным рабам машин, собравшимся на митинг: «Это ощущение мощной темной силы, которая еще заявит о себе: сотни крепких голов и вдвое больше крепких кулаков <...> Это только один округ в одном городе Франции» (цит. по: [Wein, 1934: 161]). Страшная своей силой толпа в то же время аморфна и подвержена влиянию. Он заключал свой обзор событий 1892 г. апокалипсическим прогнозом будущего самой Франции: «Тот, кто воочию наблюдал бурные заседания Национального собрания, представлял картину кипящих страстей Конвента (1792 г.). Глупости и преступления неизменны, подобно

самому человечеству. Настойчиво преследуют воспоминания — так это было и сотню лет назад, накануне кровавого года. Погребальный звон предвещает: “Девяносто три!”» (цит. по: [Ibid: 154]). Погружение в общественно-политическую и культурную атмосферу Франции *fin de siècle* — «конца века» — стало для австрийского журналиста не только обретением нового политического опыта, но и разочарованием и потерей веры в либеральные ценности, в их жизнеспособность. Даже дома, на родной почве, во Франции либерализм терпел поражение.

Герцль писал об избирательной кампании 1893 г. и отмечал триумф чарующей силы демагогии, его победу над здравым политическим смыслом. Он начал смотреть на «народ» как на «толпу, массу». В этом разочаровании в демократическом процессе во Франции можно найти истоки более поздних политических суждений Герцля и как сиониста. Всё, о чем писал в ту пору Герцль, не могло не вовлечь его в обсуждение и еврейского вопроса. В сравнении с другими общественными явлениями, он считал эту проблему второстепенной и периферийной. Еврейский вопрос, писал Герцль, является лишь одним из аспектов современного общества и может быть разрешен одновременно с другими социальными проблемами. Хотя именно его же знания и жизненный опыт ставили под сомнение эти утверждения. Однако, как прежде, Герцль был обеспокоен проблемой спасения всего общества. Он предлагал организовать государственные общественные работы. Начать переселение безработных, которые, по сути, являются потенциальными революционерами, из городов в сельскую местность для занятий там общественно-полезным созидательным трудом. Эта, как он называл, «внутренняя колонизация» должна стать неким «средним путем» между социализмом и свободным предпринимательством для решения накопившихся проблем в обществе. Подобный подход к социальным реформам проявился и в более поздних планах Герцля, касавшихся строительства будущего еврейского государства. Однако в 1893 г. он еще не связывал себя с евреями, а стремился помочь австрийскому либерализму преодолеть идейный кризис, вызванный острыми общественными проблемами, заявившими о себе в *belle époque*.

Герцль в те годы выступал с различными, подчас противоречивыми идеями решения социальных проблем и еврейского вопроса. Иногда эти проекты можно было отнести к сфере литературных фантазий, но не к реальной жизни. Среди таких мер он, например, называл защиту чести и достоинства путем организации дуэлей с клеветниками евреев [Herzl Year Book, 1960: 78—79]. Он, как и прежде, ставил в центр проблему достоинства евреев. Герцль отказался от участия в созданном видными немецкими и австрийскими интеллектуалами «Союзе защиты от антисемитизма». И не соглашался с мнением о том, что решить проблему антисемитизма в обществе можно путем убеждения. Свое нежелание сотрудничать с печатным органом «Союза» Герцль объяснил неэффективностью рациональной критики антисемитизма: «Давно прошло то время, когда возможно было достигнуть чего-либо при помощи вежливых и умеренных средств». При симптомах антисемитизма лучшим средством, писал он в письме к «Союзу», было бы обращение «к грубой силе <...> полдюжины дуэлей чрезвычайно сильно поднимут престиж евреев в глазах общества» [Ibid.]. В одной из литературных фантазий, которые он поверил своему дневнику, Теодор Герцль намеревался вызвать на дуэль вождей австрийского антисемитизма Георга фон Шёнераера, Карла Люгера и князя Алоиза фон унд цу Лихтенштейна. В случае своей гибели он хотел оставить предсмертную записку, гласящую, что его уход является мученической жертвой «самого несправедливого движения на свете». В случае же смерти противника он видел себя в зале суда в качестве обвиняемого, выступающего с речью против антисемитизма. И, суд, отдавая должное его благородству, вынес бы оправдательный приговор, а евреи избрали бы в рейхстаг, но он, с присущей ему скромностью, отказался бы от этого предложения [Schorske, 1981: 160—161]. Исполненные собственного достоинства, театральные вызовы на дуэль отличались старомодностью, духом феодализма и аристократизмом, и куда в меньшей мере стремлением к свободе; они явно не могли стать основой для решения еврейского вопроса.

Другой «действенный», по убеждению Герцля, способ борьбы с антисемитизмом, который к тому времени приобрел расистский характер, состоял в куда более банальной идее —

ассимиляции: добровольном и массовом крещении евреев и обращении в католицизм. Но осуществление этой цели он, судя по дневниковой записи, замыслил необычным способом. В 1893 г. Герцль предложил заключить эпохальное соглашение с Римским папой. При помощи глав Католической церкви в Австрии он намеревался встретиться с ним и просить о помощи в борьбе с антисемитами. В свою очередь, Герцль готов возглавить «мощное движение свободного и достойного перехода евреев в христианство <...>. При ярком свете дня, в воскресный полдень, под звон колоколов, торжественной процессией с гордо поднятой головой», обращенные вступят в католический собор св. Стефана — национальный символ Австрии и ее столицы Вены. В сравнении с теми, кто крестился по причине карьеры или малодушия, эти люди не будут испытывать стыд [Herzl, 1922: 8].

Для светского либерала предложение о массовом крещении евреев через Римско-католическую церковь было очень странным и архаичным. Тем не менее, свои прежние фантазии Герцль привнес в будущую дипломатию возникшего сионистского движения: аристократические манеры, критическое отношение к либерализму, драматический жест и стремление опереться, прежде всего, на желание и волю и тем самым изменить существующий порядок. Именно эти качества стали присущи многим харизматическим политикам XX столетия. Впрочем, тогда эти литературные фантазии Герцля пребывали на страницах его дневника и в написанных им театральных пьесах. Они были далеки от реальности и не привели к оформлению политической программы. Общим для этих идей было то, что в них отсутствовал даже намек на призыв к переселению евреев.

В октябре 1894 г. в Париже поставлена пьеса Александра Дюма-сына «Жена Клода», написанная в 1873 г. В ней один из персонажей — еврей по имени Даниэль — вызывал у публики особые симпатии и призывал своих соплеменников вернуться в Палестину (см.: [Дюма (сын), 1962]). В отзыве об этой постановке и содержании пьесы Герцль отрицательно отнесся к такой идее. Он заявлял: «Евреи до сих пор не являются единым народом <...> Они укоренились в разных культурах и нациях и отличаются друг от друга, представляя собой различные группы населения» (см.: [Wein, 1934: 100]). Он еще находился в плену прежних воззрений.

Герцль жил фактически двойной жизнью, продолжая сотрудничать с «Neue Freie Presse» и защищать либеральные идеи, — но к освещению еврейского вопроса вскоре стал подходить с иных позиций. Немногим более чем через год он написал программный трактат, содержащий платформу политического сионизма. На формирование новых воззрений Герцля оказали влияние драматические события во Франции и Австрии в 1894—1897 гг.

«Дело А. Дрейфуса»

В середине октября 1894 г. был арестован офицер французской армии Альфред Дрейфус. Он принадлежал к ассимилированной еврейской семье из Эльзаса, которая вскоре после Франко-прусской войны 1870—1871 гг. переехала в Париж. Во Франции молодой человек закончил ряд военных учебных заведений, показав блестящие математические и инженерные способности. А. Дрейфус в звании капитана служил в генеральном штабе французской армии — этом, по определению историка С. Г. Лозинского, «убежище умирающей аристократии», где был единственным евреем [Лозинский [б. д.]: 331]. Служебная карьера Дрейфуса была прервана арестом. Его ложно обвинили в государственной измене и шпионаже в пользу Германии. Речь шла о передаче немецкой разведке секретной информации. Так появилось знаменитое «Дело Дрейфуса».

Обвинения против офицера-еврея рассматривались на закрытых заседаниях, при этом доказательства обвинения не прошли необходимой тщательной проверки. Антисемитский печатный орган Дрюмона «La Libre parole» («Свободная речь») стал первой из парижских газет, сообщивших об аресте шпиона-еврея. Реакционная и клерикальная печать развернула по этому случаю шумную кампанию, публиковала якобы достоверные сведения, что Дрейфус признал свою вину. Суд над ним, состоявшийся вскоре, фактически стал судилищем. В нем имели место подлоги, сфабрикованные доказательства и наветы, подстрекательства толпы против евреев. 22 декабря 1894 г. судьи единогласно признали Дрейфуса виновным в государственной измене и шпионаже и приговорили его к пожизненной ссылке.

5 января 1895 г. на Марсовом поле в Париже Дрейфус был подвергнут процедуре унижительного разжалования. Восклицания Дрейфуса «Я не виновен!» и последнее прощание «дорогой Франции» вызвали у некоторых из присутствовавших на той позорной церемонии сомнения в совершенном им преступлении. Но толпа в ответ на крики Дрейфуса отвечала антисемитскими возгласами.

Вскоре было установлено, что документ, на основании которого Дрейфуса предали суду и осудили, был написан майором французской армии Фердинандом Эстергази. Как выяснилось, он и являлся подлинным немецким агентом. Но Дрейфус свободу не получил. Его «дело» приобрело новый оборот. Антисемиты заявляли, что в Европе организован еврейский синдикат, его цель — междоусобная война во Франции и компрометация генерального штаба. В ряде городов прошли демонстрации, толпа кричала: «Да здравствует армия!» и «Долой жидов!». В Алжире — французской колонии — антиеврейские выступления переросли в кровавые акты насилия.

Герцль присутствовал на суде над Дрейфусом, и то чувство унижения, которое пришлось ему испытать, нашло отражение в его публикациях. Хотя в виновности Дрейфуса были убеждены многие видные представители французского общества, Герцль, несмотря на недостаток свидетельств, выражал в этом явное сомнение. Он исходил из собственного опыта, психологии и интуиции ассимилированного еврея, ориентированного на аристократические ценности и добившегося успеха в христианском обществе. Герцль заметил итальянскому военному атташе, полковнику Александру Паниццарди: «Еврей, который начал свой путь как офицер Генерального штаба, не может совершить подобного преступления. После долгих веков гражданского бесчестья, евреи сегодня обладают часто болезненной жадностью чести; и еврей-офицер в этом отношении — еврей в квадрате» (цит. по: [Bein, 1934: 188—189]). В воплях черни предательство Дрейфуса объяснялось его происхождением. Четыре года спустя Герцль вспоминал, что в той ошибке республиканского правосудия «отразилось желание огромного большинства французов проклясть еврея, а в лице этого одного еврея, всех евреев в целом». Это произошло «в республиканской современной цивилизованной Франции, спустя сто лет

после принятия Декларации прав человека». Он заявлял: «Эдикт Великой революции аннулирован» [Ibid.: 189].

На суде, связанном с пересмотром «дела Дрейфуса», который состоялся 11 января 1898 г., Ф. Эстергази предстал как жертва клеветы евреев и был оправдан. Через день в газете «L'Аurore» («Заря») появилось открытое письмо писателя Эмиля Золя президенту страны Феликсу Форю «Я обвиняю!». Он обвинил генеральный штаб, министров и военные суды в том, что они сознательно, с целью выгородить настоящего изменника Эстергази, шли на фальсификации. Смелое письмо Э. Золя вызвало сильный общественный резонанс. В Париже было продано 200 тыс. номеров газеты. На фоне поддержки призыва писателя тысячами французов власти начали его преследование. Золя был признан виновным в клевете, приговорен к году тюрьмы и штрафу в 3 тыс. франков. Писатель был вынужден бежать в Англию. Во Франции же возникли движения дрейфусаров и антидрейфусаров. Страна раскололась на два лагеря.

В ряды защитников Дрейфуса вошли многие видные деятели. В частности, лидер социалистов Жан Жорес, государственный деятель и журналист Жорж Клемансо, писатель Эмиль Золя. Дрейфусары объединили демократов, правозащитников и интеллигенцию. Они, создав «Лигу прав человека», выступили против «военной и клерикальной диктатуры», связали борьбу за реабилитацию Дрейфуса с судьбой республики. Антидрейфусары, объединявшие клерикально-монархические и националистические круги, создали «Лигу Французского Отечества» и стремились ввести в стране военную диктатуру.

Между тем Эстергази публично признался, что он автор письма, за которое был осужден Дрейфус. Под давлением новых фактов общественное мнение всё более стало склоняться в пользу Дрейфуса. В правительстве после того, как президентом Франции стал либерально настроенный Эмиль Лубе, всё чаще стали заявлять о необходимости пересмотра решения суда по этому «делу». Однако «улица» оставалась на стороне противников Дрейфуса. Горожане избивали сомневавшихся в его виновности, называли их предателями, продавшимися Германии и евреям.

В август—сентябре 1899 г. в 300 км западнее Парижа, в г. Ренне, состоялся новый процесс по «делу Дрейфуса». Ежедневно в городе проходили антисемитские демонстрации. Генералы и офицеры, выступавшие на суде как свидетели обвинения, исходили из прежних показаний о виновности Дрейфуса. Большинством голосов суд вынес Дрейфусу обвинительный приговор, но, учитывая «смягчающие обстоятельства», приговорил к 10 годам заключения, 5 из которых он уже отбыл. 19 сентября 1899 г. президент Франции Э. Лубе помиловал А. Дрейфуса, амнистия была предоставлена всем осужденным по этому делу. Полная реабилитация невинно осужденного произошла лишь в 1906 г. «Последним эхом столь громкого дела» историк Лозинский назвал покушение на Дрейфуса во время переноса в пантеон останков Золя в 1908 г. [Лозинский, [б. д.]: 340]. Тогда офицер был ранен.

Свои дрейфусары и их противники были и в России. Во время процесса над А. Дрейфусом Антон Павлович Чехов был во Франции. Историк и социолог Максим Максимович Ковалевский вспоминал, что зимой 1897—1898 гг. писатель прочитывал все газеты. Его интересовало, что пишут о «деле Дрейфуса». Первый раз он сообщил о своем постоянном внимании к «делу Дрейфуса» в конце 1897 г. В письме из Ниццы в Москву редактору «Русских ведомостей» Василию Михайловичу Соболевскому А. П. Чехов писал: «Я целый день читаю газеты, изучаю дело Дрейфуса. Помоему, Дрейфус не виноват» [Чехов, 1964а: 177]. Вскоре после письма Эмиля Золя Антон Чехов сообщил из Ниццы литературному критику Федору Дмитриевичу Батюшкову: «У нас только и разговору, что о Золя и Дрейфусе. Громадное большинство интеллигенции на стороне Золя и верит в невинность Дрейфуса <...> от его протестующих писем точно свежим ветром повеяло, и каждый француз почувствовал, что, слава Богу, есть еще справедливость на свете <...> французские газеты чрезвычайно интересны, а русские — хоть брось. “Новое время” просто отвратительно» [Его же, 1964b: 189]. Дружеские отношения связывали Чехова с литератором и издателем газеты консервативного направления «Новое время» Алексеем Сергеевичем Сувориным, в которой писатель сотрудничал. Он отправил А. С. Суворину, по его же собственным словам, «длинное письмо». Чехов сообщал, что во время

публичного разжалования Дрейфус «вел себя как порядочный, хорошо дисциплинированный офицер, присутствовавшие же на экзекуции <...> кричали ему: “Замолчи, Иуда!”, т. е. вели себя дурно, непорядочно. Все вернулись с экзекуции неудовлетворенные, со смущенной совестью <...> Пошли небылицы. Дрейфус — офицер, насторожились военные; Дрейфус — еврей. Насторожились евреи <...> Заговорили о милитаризме, о жидах. Такие глубоко неуважаемые люди, как Дрюмон, высоко подняли голову; заварилась малопомалу каша на почве антисемитизма, на почве, от которой пахнет бойней. Когда в нас что-нибудь не ладно, — продолжал Чехов, — мы ищем причин вне нас и скоро находим: “Это француз гадит, это жиды, это Вильгельм” <...> Капитал, жупел, масоны, синдикат, иезуиты — это призраки <...> Они, конечно, дурной знак. Раз французы заговорили о жидах, о синдикате, то это значит, что <...> они нуждаются в этих призраках, чтобы успокоить свою взбаламученную совесть» [Его же, 1964с: 191—192]. Из-за «дела Дрейфуса» отношения между Чеховым и Сувориным были прерваны.

«Дело Дрейфуса» сыграло важную роль в идейно-политической и психологической трансформации Т. Герцля. В А. Дрейфусе он увидел и самого себя — еврея, говорящего на одном языке с окружающим его христианским сообществом, преданного ему, но вместе с тем ощущающего невидимую стену между собой и окружающими, болезненно чувствующего свое несправие, обнаруживающего себя в «новом гетто». Пьеса под таким названием написана Герцлем в октябре—ноябре 1894 г. Ее действие автор отнес на год раньше в Вену. Трагический герой пьесы — адвокат доктор Яков Самуэль, человек с чувством собственного достоинства, который пребывал в конфликте и с еврейской общиной, и христианским миром. Он не желал цель жизни видеть в погоне за материальными ценностями, а именно из того исходили его соплеменники. Оставалась чуждой для него и ничем не оправданная жестокость христианского мира. Самуэль погиб на дуэли, на которой защищал честь всех евреев. Его убил христианин. Последние слова Самуэля: «Братья мои, евреи! Зачем вам удерживать меня силой? Я хочу — уйти! Уйти — за пределы гетто!» [Герцль, 1898: 71]. Герой пьесы пытался вырваться из состояния несвободы, печали, неудач и бессмысленности самого существования, постоянной угрозы антисемитизма в

условиях «просвещенного» Запада, покинуть невидимое «новое гетто». Поставив свою пьесу в театрах ряда европейских стран, Герцль надеялся начать откровенное и открытое обсуждение в обществе положения евреев и путей решения еврейского вопроса. Это сочинение не отличалось особыми литературными достоинствами, но важно для понимания идейно-политической трансформации Герцля. В нем он вышел за рамки литературы. «Новое гетто» — произведение политического характера.

Осуждение Дрейфуса, юдофобские крики толпы во время его разжалования, свидетелем которых стал Герцль, всплеск анти-семитской риторики в речах политиков и печати, демонстрации, вероятно, не могли не повлиять на решимость направить его усилия на то, что он еще сам не мог ясно ни осознать, ни определить. Возможно, что «дело Дрейфуса» оказалось недостаточным для завершения длительной идейной эволюции Теодора Герцля, начало которой можно отнести еще к 1882 г., когда он ознакомился с расистскими взглядами Евгения Дюринга. Несколько бурных дней мая 1895 г., наконец, заставили его отказаться от какого-либо ассимиляторского решения. Тогда он узнал о запросах во французский парламент о законодательном запрете на еврейское «проникновение» во Францию. «Инициатива» во многом оказалось сходна с законопроектом, ограничивающим права евреев в Австрии. Предложен он был всегерманским лидером антисемитов Шёнерером. А вскоре Люгер впервые добился необходимого большинства голосов в венском городском совете. В конечном счете, император Франц-Иосиф и его кабинет утвердили Люгера на посту бургомистра Вены.

Все эти события побудили Герцля окончательно утвердиться в своем новом качестве. Его политическая позиция определилась. Одна за другой нити, еще недавно прочно связывавшие его с христианской культурой, уходили в небытие: дружба; Французская республика с ее будто бы национальной терпимостью; мечты о человеческом достоинстве евреев, достигаемые путем ассимиляции; австрийский либерализм, который обрел крах в самой его цитадели — Вене.

***«Те евреи, которые захотят,
будут иметь свое государство»***

Узнав о результатах венских выборов, Теодор Герцль направился в театр, где слушал оперу Рихарда Вагнера «Тангейзер». Его потрясла и музыка, но главное — сюжет оперы, в основе которой лежали немецкие легенды о средневековом поэте Тангейзере. По возвращении домой Герцль в состоянии экзальтации набросал план своей будущей книги, основная идея которой — призыв к евреям покинуть Европу и создать в Палестине еврейское государство. Что мог сказать Герцлю романтический герой оперы Тангейзер? Чем эта опера стала созвучной для столь эмоционального литератора и человека, каким был Герцль? Воспоминания и желание главного персонажа вернуться на родину, к самому себе встретили у Герцля особый интерес и понимание. Мог ли он почувствовать в нравственном освобождении Тангейзера некую аналогию его собственному стремлению к возвращению к народу? Сложно дать однозначный и определенный ответ. Для Герцля музыка и сюжет оперы Р. Вагнера могли послужить примером превосходства чувства над разумом, народа — над толпой, молодого и полного сил бунта — над старым и закостенелым порядком.

14 июня 1895 г. он записал в дневнике: «Страна, где мы сможем жить с крючковатым носом <...> и при этом не будем объектом осмеяния. Страна, где мы сможем, в конце концов, жить, как свободные люди на своей земле; страна, где мы будем так же, как и другие, пользоваться уважением; за великие и добрые дела, где мы будем жить в мире со всем миром» [Herzl, 1922: 16].

Книга «Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса» оказалась судьбоносной для автора и положила начало мировому сионистскому движению. Герцль призывал евреев проснуться «от своего тупого окоченения». Он писал: «Мы — народ, единый народ» [Герцль, 2008: 30]. Еще совсем недавно он критически относился к подобному утверждению. Но теперь заявил: «Пора уже нам, наконец, жить свободными людьми на собственной земле» [Там же: 140]. Желание и воля народа, по убеждению Герцля, и станут теми факторами, которые смогут превратить мечту в реальность. Он отмечал, что евреи, которые захотят иметь свое государство, заслуживают его. «Это не сказка, не обман! Каждый может в этом убедиться, ибо каждый переносит

с собою часть Обетованной Земли» [Там же: 139]. На вопрос, на какой территории следует создать еврейское государство, ответ однозначен: «Палестина — наша незабвенная историческая родина. Одно это имя было бы могучим объединяющим лозунгом для нашего народа» [Там же: 57].

Герцль может быть отнесен к новой породе политиков Европы эпохи *fin de siècle* — «конца века», демонстрирующих неповиновение реальности и ее власти. Он отрицал позитивистское видение истории и отдавал предпочтение психической энергии масс. В качестве доказательства главенства иррационального начала в политике он обращал внимание на то, как произошло объединение Германии: государство можно создать из невесомых фантазий, парящих высоко в воздухе. Германская империя, считал Герцль, возникла из фантазий, песен, мечтаний и черно-красно-золотистых ленточек. Отто фон Бисмарк лишь потряс дерево, возвращенное мечтателями. Уже сам факт, что евреи сохранили себя как народ является доказательством силы мечты, силы их религии-фантазии, поддерживающей их уже на протяжении двух тысяч лет. Сейчас они должны иметь новую, современную систему символов — собственное государство, собственное общественное устройство.

Изначально сторонник ассимиляции Герцль стал идеологом кардинально иных воззрений, известных как политический сионизм. Он готов был стать лидером, принять на себя всю ответственность в процессе предложенного им самим же способа решения еврейского вопроса, в спасении соплеменников от тяготеющего над ними гнета, порождаемого антисемитизмом. Претерпев за несколько лет сложную идейную эволюцию, он отказался от своих прежних убеждений. Всеми доступными ему способами он стал проповедовать, как ему представлялось, только им выношенную идею о том, что евреям следует оставить места многовекового обитания в Европе и возвратиться на древнюю родину — в Палестину. И создать там еврейское государство.

Заключение

Возникновение и развитие национально-освободительных движений народов в ряде европейских стран, европейского национализма и антисемитизма стали решающими факторами, повлияв-

шими на становление политического сионизма. Это обстоятельство, наряду с процессами эмансипации евреев в странах Центральной и Западной Европы, позволило Герцлю и первому поколению сионистов ощущать легитимность и насущную востребованность своей миссии.

Время показало, что многие ожидания положительных результатов и последствий, вызванных эмиграцией евреев из различных стран, на что так рассчитывал Герцль, не осуществились. Не были реализованы страстные обещания, что исход евреев неизбежно приведет к исчезновению антисемитизма и еврейской диаспоры. В самом начале своего программного сочинения «Еврейское государство» Герцль решительно отрицал, что его книга носит характер одной из «милых утопий, которые так часто появлялись и до, и после Томаса Мора» [Его же, 1896: 2]. Переселение произойдет «постепенно, без всяких потрясений, и уже его начало есть конец антисемитизма». Если евреи «будут сидеть на своей собственной земле, их нельзя будет рассеять по всему свету. Диаспора не может повториться, пока не рухнет вся культура мира» [Его же, 2008: 136]. Действительно, с образованием Израиля в результате массового переселения туда сотен тысяч евреев диаспора уменьшилась, но не исчезла, более того — возникло явление, которое противоречит всем канонам сионизма. Весьма заметное число израильтян пожелали покинуть еврейское государство. Возникла и на протяжении уже десятилетий, наряду с еврейской диаспорой, существует израильская, численность которой растет, и она не смешивается с еврейской. Герцль ожидал, что новое государство будет обладать нейтральным статусом и будет жить в мире и дружбе со своими соседями. История Государства Израиль с момента рождения в мае 1948 г. оказалась не столь оптимистичной.

После смерти Герцль стал олицетворением сионизма. Его портреты вывешены в школах и учреждениях Израиля; в каждом израильском городе есть улица или бульвар, которые носят его имя; город, расположенный севернее Тель-Авива, — Герцлия. Значим тот факт, что имя Герцля носит холм — «гора Герцль» в Иерусалиме. На нем расположены мемориальный центр и музей «Яд ва-Шем», главное военное кладбище, могилы сионистских и израильских деятелей. В 1949 г. останки Герцля были перенесены с кладбища в Вене в Иерусалим. Впрочем, имя Герцля, писавшего

о светском государстве со своей конституцией, где религия была отделена от государства, современные политики религиозных партий предпочитают не упоминать. Продолжателем политического наследия Герцля заявляет себя в настоящее время правоцентристская партия «Наш дом — Израиль» во главе с Авиغدором Либерманом.

Обращение к процессам и явлениям конца XIX — начала XX в. открывает новые возможности для релевантного изучения и понимания общественно-политической атмосферы, в которой формировались антисемитские идеологемы и зарождался политический сионизм, а также иные формы еврейского национального возрождения и реакция в мире на эти процессы. Несмотря на наличие обширной литературы по истории европейского антисемитизма, необходимо продолжить изучение этого феномена, уделяя особое внимание анализу антисемитизма в арабских и исламских странах. Отдельного разговора требует усилившийся в последние годы антисемитизм в Соединенных Штатах.

Политическое творчество и организаторская деятельность Теодора Герцля представляют один из самых первых и ярких образцов, имевших важные последствия для миллионов евреев в на Западе и на Востоке. Усилия Герцля не были напрасными. Выказанные в книге «Еврейское государство» идеи, созданная им на Первом сионистском конгрессе в 1897 г. Всемирная сионистская организация, принятая тогда Базельская программа заложили фундамент движения.

Герцль умер 3 июля 1904 г. Во многом на преждевременный уход Герцля повлияла его бурная деятельность, разногласия и незаслуженные обвинения своих соратников в том, что он поддержал «план Уганды». Герцль стал первым еврейским деятелем, который еврейский вопрос вынес за пределы домашних споров. Он сделал его частью сознания мировой общественности и превратил в важнейший фактор современной политики.

Список источников

- Герцль Т.* Еврейское государство: Опыт современного решения еврейского вопроса. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1896. 104 с.
- Герцль Т.* Новое гетто: пьеса в 4-х действиях. Одесса: Я. Х. Шерман, 1898. 72 с.

- Герцль Т.* Еврейское Государство: опыт современного решения еврейского вопроса: сб. / вступ. ст. Б.-А. Хаим. М.: Книжники, Текст, 2008. С. 29—140.
- Дюма А. (сын).* Жена Клода: драма в 3-х действиях / пер. Г. Вольде. М.: Отд. распространения драм. произведений ВУОАП, 1962. 67 с.
- Лозинский С.* Дрейфус // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврейской культуре в прошлом и настоящем / под общ. ред. Л. Каценельсона и Д. Г. Гинбурга. С.-Пб.: Об-во для науч. еврейск. изд. и изд-во «Брокгауз—Ефрон», [б. д.]. Т. VII: Данциг—Ибн-Эзра. Стлб. 330—341.
- Чехов А. П.* Письмо Соболевскому В. // Собр. соч.: в 12 т. М.: Худ. лит-ра, 1960—1964. Т. 12: Письма 1893—1904, 1964а. С. 176—177.
- Чехов А. П.* Письмо Батюшкову Ф. // Собр. соч.: в 12 т. М.: Худ. лит-ра, 1960—1964. Т. 12: Письма 1893—1904, 1964б. С. 189—190.
- Чехов А. П.* Письмо Суворину А. // Собр. соч.: в 12 т. М.: Худ. лит-ра, 1960—1964. Т. 12: Письма 1893—1904, 1964с. С. 191—194.
- Bein A.* Theodor Herzl. Biographie mit 63 Bilder und einer Ahnentafel. Vienna: Fiba Verlag, 1934. 736 S.
- Herzl T.* Tagerbücher, 1895—1904: drei baende. B.: Jüdischer Verlag, 1922. 659 S.
- Herzl Year Book: in [9 vol.] / ed. R. Patai. N. Y.: Herzl Press, 1958—1989. Vol. III: Herzl Centennial Issues. 280 p.
- Schorske C.* Fin-de-Siècle Vienna: Politics and Culture. N. Y.: Vintage Books, 1981. 384 p.

References

- Bein, A. (1934), *Theodor Herzl. Biographie mit 63 Bilder und einer Ahnentafel*, Fiba Verlag, Vienna, Austria.
- Chekhov, A. P. (1964a), ‘Letter to V. Sobolevsky’, in Chekhov, A. P., *Sobranie sochinenii: v 12 tomakh* [Collected Works: in 12 vol.], vol. 12: Letters 1893—1904, Khudozhestvennaia literatura, Moscow, Russia: 176—177.
- Chekhov, A. P. (1964b), ‘Letter to F. Batyushkov’, in Chekhov, A. P., *Sobranie sochinenii: v 12 tomakh* [Collected Works: in 12 vol.], vol. 12: Letters 1893—1904, Khudozhestvennaia literatura, Moscow, Russia: 189—190.
- Chekhov, A. P. (1964c), ‘Letter to A. Suvorin’, in Chekhov, A. P., *Sobranie sochinenii: v 12 tomakh* [Collected Works: in 12 vol.], vol. 12: Letters 1893—1904, Khudozhestvennaia literatura, Moscow, Russia: 191—194.

- Dumas, A. (son) (1962), *Zhena Kloda: drama v 3-kh deistviakh* [Claude's Wife: a drama in 3 acts], Transl. by Wolde, G., Otdelenie rasprostraneniia dramaticheskikh proizvedenii Vsesoiuznogo upravleniia okhrany avtorskikh prav, Moscow, Russia.
- Herzl, T. (1896), *Evreiskoe Gosudarstvo: opyt sovremennogo resheniia evreiskogo voprosa* [The Jewish State: The experience of a modern solution to the Jewish question], Tipografiia M. M. Stasiulevicha, Saint Petersburg, Russia.
- Herzl, T. (1898), *Novoe getto: p'esa v 4-kh deistviakh* [The New Ghetto, The play consists of 4 acts], Ia. Kh. Sherman, Odessa, Russia.
- Herzl, T. (1922), *Tagerbücher, 1895—1904: drei baende*, Jüdischer Verlag, Berlin, Germany.
- Herzl, T. (2008), *Evreiskoe Gosudarstvo: opyt sovremennogo resheniia evreiskogo voprosa: sbornik* [The Jewish State: The experience of a modern solution to the Jewish question: collection], Intro. Art. by B.-A. Chaim, Knizhniki, Tekst, Moscow, Russia: 29—140.
- Lozinsky, S. [Undated], 'Dreyfus', in Katsenelson, L. and Ginnburg, D. G. (eds), *Evreiskaia entsiklopediia, Svod znaniia o evreiskoi kul'ture v proshlom i nastoiashchem* [The Jewish Encyclopedia, A Collection of Knowledge on Jewish Culture, Past and Present], Obshchestvo dlia nauchnykh evreiskikh izdaniia i izdatel'stvo «Brokgauz—Efron», Saint Petersburg, Russia, vol. VII: Danzig—Ibn Ezra: 330—341.
- Patai, R. (ed.) (1960), *Herzl Year Book: in* [9 vol.], vol. III: Herzl Centennial Issues, Herzl Press, N. Y., N. Y.
- Schorske, C. (1981), *Fin-de-Siècle Vienna: Politics and Culture*, Vintage Books, New York, N. Y.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

А. Е. Локшин — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела по изучению Израиля и еврейских общин, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

А. Ye. Lokshin — Candidate of Science (History), Leading Research Fellow at the Department of Israel and Communities, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Интеллигенция и мир 2026. № 1. С. 161—182.
Intelligentsia and the World. 2026. No. 1. P. 161—182.

Научная статья
УДК 323.1(5-011)(=915.7)(091)
EDN <https://elibrary.ru/uptqvh>
DOI: 10.46725/IW.2026.1.8

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история
5.6.5. Историография, источниковедение,
методы исторического исследования
5.6.7. История международных отношений
и внешней политики

КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА В ТРУДАХ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ УЧЕНЫХ

Александр Игоревич Дубинин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
adubinin40rus@mail.ru, SPIN-код: 4386-5421,
<https://orcid.org/0009-0004-7237-1676>

Дмитрий Дмитриевич Ионов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
dmitriy.ionov@unn.ru, SPIN-код: 7261-1945,
<https://orcid.org/0009-0008-8598-0189>

Игорь Валерьевич Рыжов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
ivr@imomi.unn.ru, SPIN-код: 5761-6776,
<https://orcid.org/0000-0002-6417-1517>

Аннотация. Статья посвящена анализу «курдской проблемы» — одного из ключевых этнополитических конфликтов Ближнего Востока, связанного с историческим отсутствием государственности курдского народа, его борьбой за самоопределение. Актуальность исследования обусловлена длительностью конфликта, его влиянием на стабильность

Ближнего Востока и недостаточной изученностью позиций локальных ученых, чьи работы формируют интеллектуальный дискурс вокруг этой темы. Основной вопрос статьи заключается в том, как ближневосточные исследователи интерпретируют истоки, эволюцию и возможные пути решения курдского вопроса, учитывая политико-культурные реалии своих стран.

В фокусе исследования — труды турецкого социолога Исмаила Бешикчи и иракского политолога Хавре Хасана Хамы. Методология основана на сравнительном анализе их работ с применением качественных методов: историко-политической контекстуализации, критического дискурс-анализа и междисциплинарного подхода. Это позволило выявить различия в акцентах ученых, обусловленные их национальным контекстом. И. Бешикчи, работая в условиях турецкой цензуры, акцентирует системную ассимиляцию курдов Турции, критикуя концепцию «единой нации» и отрицание курдской идентичности. Хавре Хасан Хама, анализируя иракский контекст, рассматривает курдский вопрос через призму федерализма и постконфликтного устройства, подчеркивая роль международных акторов в становлении курдской автономии.

Основные выводы статьи указывают на общую для обоих ученых идею: курдская проблема коренится в колониальном наследии региона и политике централизованных государств, отрицающих этнокультурное многообразие. Однако если И. Бешикчи видит решение в деконструкции национальных мифов и признании прав курдов, то Х. Х. Хама делает ставку на институциональные реформы и диалог с центральными властями. Исследование демонстрирует, что взгляды ученых отражают специфику турецкого и иракского контекстов, но сходятся в необходимости международного внимания к проблеме. Статья вносит вклад в понимание курдского вопроса через призму региональной академической мысли, подчеркивая важность включения локальных голосов в глобальный дискурс о правах этноконфессиональных меньшинств.

Ключевые слова: Ближний Восток, Турция, Иран, Ирак, Сирия, курды, постколониализм, этнонационализм, самоопределение, идентичность

Для цитирования: Дубинин А. И., Ионов Д. Д., Рыжов И. В. Курдская проблема в трудах ближневосточных ученых // Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 161—182.

THE KURDISH PROBLEM IN THE WRITINGS OF MIDDLE EASTERN SCIENTISTS

Alexander I. Dubinin

National Research Nizhny Novgorod State University named
after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia,
adubinin40rus@mail.ru,
SPIN-код: 4386-5421, <https://orcid.org/0009-0004-7237-1676>

Dmitry D. Ionov

National Research Nizhny Novgorod State University named
after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia, dmitriy.ionov@unn.ru,
SPIN-код: 7261-1945, <https://orcid.org/0009-0008-8598-0189>

Igor V. Ryzhov

National Research Nizhny Novgorod State University named
after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia, ivr@imomi.unn.ru,
SPIN-код: 5761-6776, <https://orcid.org/0000-0002-6417-1517>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the ‘Kurdish problem’ — one of the key ethno-political conflicts in the Middle East, related to the historical lack of statehood of the Kurdish people and their struggle for self-determination. The relevance of the study is determined by the duration of the conflict, its impact on the stability of the Middle East and the insufficient study of the positions of local scholars whose works form the intellectual discourse around this topic. The main question of the article is how Middle Eastern scholars interpret the origins, evolution and possible solutions to the Kurdish question, taking into account the political and cultural realities of their countries.

The focus of the study is on the writings of Turkish sociologist Ismail Beşikçi and Iraqi political scientist Hawre Hassan Ham. The methodology is based on a comparative analysis of their works using qualitative methods: historical-political contextualization, critical discourse analysis and interdisciplinary approach. This allowed us to identify differences in the scholars' emphases due to their national contexts. I. Beşikçi, working under Turkish censorship, emphasizes the systemic assimilation of Turkey's Kurds, criticizing the concept of a ‘single nation’ and the denial of Kurdish identity. Havre Hasan Ham, analyzing the Iraqi context, examines the Kurdish question through the prism of federalism and post-conflict organization, emphasizing the role of international actors in the establishment of Kurdish autonomy.

The main conclusions of the article point to a common idea for both scholars: the Kurdish problem is rooted in the colonial legacy of the region and the policies of centralized states that deny ethno-cultural diversity. However, while I. Besikci sees the solution in the deconstruction of national myths and recognition of Kurdish rights, H. H. Ham focuses on institutional reforms and dialogue with the central authorities. The study demonstrates that the scholars' views reflect the specificities of the Turkish and Iraqi contexts, but converge on the need for international attention to the problem. The article contributes to the understanding of the Kurdish question through the lens of regional academic thought, emphasizing the importance of including local voices in the global discourse on the rights of ethno-religious minorities.

Keywords: Middle East, Turkey, Iran, Iraq, Syria, Kurds, post-colonialism, ethno-nationalism, self-determination, identity

For citation: Dubinin, A. I., Ionov, D. D. and Ryzhov, I. V. (2026), 'The Kurdish problem in the writings of Middle Eastern scientists', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 161—182 (in Russ.).

Введение

Актуальность. События последнего десятилетия на Ближнем и Среднем Востоке показывают, что роль курдского фактора в регионе продолжает неуклонно расти. Политические процессы, происходящие в районе компактного проживания курдских меньшинств — Турции, Иране, Ираке и Сирии, грозят серьезной геополитической трансформацией региона. На сегодняшний день только иранские курды пассивны по отношению к событиям, происходящим в регионе, поскольку находятся под сильным влиянием правящих сил Исламской Республики Иран. Однако они также при определенных социально-политических противоречиях внутри страны смогут заявить о своих правах на собственное национальное государство.

Содержание «курдского вопроса», по сути, представляет собой комплексную многоуровневую проблему, включающую в себя внутренние национальные противоречия, связанные с отдельной территорией проживания курдского народа; локальное развитие и текущее положение курдов в каждой стране их компактного проживания; региональную позицию ближневосточных стран относи-

тельно курдского национального движения; глобальное вмешательство в процесс урегулирования региональных проблем и использование курдского народа в качестве инструмента манипуляции относительно стран, где проживает курдское меньшинство.

Актуальность темы исследования обусловлена возросшей проблемой самоопределения курдского народа в регионе Ближнего Востока. Предоставление прав и свобод курдам является серьезным фактором для пересмотра ближневосточной системы региональной безопасности и ее места в организации глобального мирового порядка.

Во-первых, возникновение автономного курдского образования в составе одной из стран этнического Курдистана может стать причиной национальных движений курдов в других по «принципу домино», что, в свою очередь, является угрозой территориальной целостности всех четырех стран.

Во-вторых, появление нового политического игрока на Ближнем Востоке является вызовом для существующего регионального баланса сил ввиду совершенной непредсказуемости актора и исключительности народа, долгое время боровшегося за свое самоопределение. Поскольку территория расположения Курдистана находится в районе, богатом нефтяными ресурсами, региональная безопасность носит также экономический аспект.

Краткий историографический обзор. Проблематикой курдского вопроса широко занимаются отечественные исследователи. В статье М. В. Барави, А. Д. Кретьева, Д. А. Тарасовой «Этнический Курдистан в контексте геополитики XXI века» положение курдов рассматривается с точки зрения геополитики [Барави, Кретьев, Тарасова, 2024]. Статья И. В. Рыжова, А. С. Петрунина, Е. М. Рогожиной и М. В. Барави «Специфика политизации и радикализации курдского национально-освободительного движения на Ближнем Востоке» посвящена тематике курдского движения в исторической ретроспективе [Рыжов, Барави, Петрунин, Рогожина, 2024]. Д. В. Маковская в статье «Курдский вопрос: истоки и перспективы» приходит к выводу о невозможности создания независимого курдского государства [Маковская, 2023: 50—55]. О самоопределении курдов с точки зрения норм права пишет А. Д. Соловых в статье «Международно-правовая оценка права

курдов на самоопределение» [Соловых, 2014]. Вопрос трансформации курдской проблемы описывает Ф. Э. Каримов в статье «Проблема этнических курдов в Ближневосточном регионе: история возникновения и эволюция» [Каримов, 2020].

Вместе с тем курдская проблема широко обсуждается и в среде ближневосточных ученых. В данной статье речь пойдет о позициях двух известных ближневосточных исследователей курдского вопроса — Исмаила Бешикчи (Турция) и Хавре Хасана Хамы (Ирак).

Постановка вопроса. Основная цель исследования заключается в комплексном анализе интерпретаций «курдской проблемы» в трудах ключевых ближневосточных ученых — Исмаила Бешикчи (Турция) и Хавре Хасана Хамы (Ирак) — с акцентом на выявление связи их научных позиций с национально-политическим контекстом стран, которые они представляют. Работа направлена на раскрытие того, как локальные интеллектуальные традиции, историческая память и современные вызовы влияют на формирование подходов к решению одного из самых затяжных этнополитических конфликтов региона. Академический дискурс о курдском вопросе не существует в вакууме, но отражает борьбу между государственными нарративами и альтернативными концепциями самоопределения. Кроме того, исследование призвано ввести в научный оборот взгляды ученых, чьи работы остаются малоизученными за пределами их стран. Тем самым преодолевается асимметрия в восприятии курдской проблемы через призму западной или национальной оптики.

Методология и методы исследования

Теоретической основой статьи стали концепции постколониализма, этнонационализма и критической теории, позволяющие деконструировать государственные нарративы о «национальном единстве» и выявить механизмы маргинализации курдского меньшинства. Методология исследования строится на трех взаимодополняющих уровнях:

1. Историко-политическая контекстуализация — анализ работ И. Бешикчи и Х. Х. Хамы осуществляется через призму специфики турецкого и иракского государств. Для Турции ключевым

становится наследие кемалистской доктрины, отрицающей этническое многообразие, а для Ирака — эволюция от авторитаризма Саддама Хусейна к федеративному устройству после 2003 года.

2. Критический дискурс-анализ — применяется для декодирования идеологических установок, скрытых в текстах И. Бешикчи и Х. Х. Хамы. Акцент делается на выявлении ключевых концептов (например, «ассимиляция», «федерализм», «колониализм»), метафор («курды как жертвы молчания») и противопоставлений («государство vs народ»). Особое внимание уделяется тому, как ученые переосмысливают официальную терминологию: И. Бешикчи заменяет турецкое «горные турки» на «курдский народ», а Х. Х. Хама переводит дискуссию о правах курдов в плоскость международного права.

3. Междисциплинарный синтез — объединяет методы социологии, политологии и культурной антропологии. Это позволяет, с одной стороны, рассматривать курдский вопрос как системный феномен (экономическое неравенство, запрет языка, политическое насилие), а с другой — анализировать его через призму коллективной идентичности. Например, работы И. Бешикчи интерпретируются не только как политическая критика, но и как попытка восстановить историческую память курдов, тогда как анализ Х. Х. Хамы включает экономические аспекты нефтяных ресурсов Курдистана.

Методы дополняются работой с разнородными источниками: трудами самих ученых, официальными документами Турции и Ирака, а также данными СМИ. Такой подход обеспечил баланс между «внутренней» перспективой (взгляд ученых на свою страну) и «внешней» (оценка их идей в международном контексте).

Выбранная методология не только систематизирует взгляды И. Бешикчи и Х. Х. Хамы, но и раскрывает их роль как «интеллектуальных мостов» между локальным и глобальным дискурсом. Исследование демонстрирует, что даже в условиях цензуры и политического давления ближневосточные ученые предлагают альтернативные модели решения конфликтов, основанные на признании многообразия и справедливости. Это подчеркивает необходимость включения региональных академических голосов в глобальные дебаты о правах меньшинств и деколонизации знания.

Основная часть

Курдская проблема в ближневосточной политике

Ближний Восток с давних пор является местом пересечения интересов великих держав. Одним из наиболее сложных вопросов в регионе является курдский. Его корни уходят в далекое прошлое, и главной причиной этому служит отсутствие у курдов собственного государства. По разным оценкам, общая численность курдов на Ближнем Востоке составляет от 27 до 40 млн человек. Из них около 55 % живут на территории Турции, по 20 % проживают в Иране и Ираке и немногим более 5 % находятся в Сирии. Курды составляют около 20 % населения Турции, 17 % населения Ирака, 7 % населения Ирана и около 9 % населения Сирии [Ганиев, Карякин, 2018: 4—13].

Стоит сказать, что все четыре страны проводят в разной степени репрессивную антикурдскую политику, стремясь подавить любое возможное курдское движение. Внутренняя политика данных государств долгое время строилась на националистических началах, что в свою очередь и послужило катализатором появления среди курдов сепаратистских настроений.

В Турции со времен Мустафы Кемала Ататюрка всем малочисленным народам прививалась идеология единой турецкой нации: курдам внушали, что они являются горными турками, в процессе исторических событий отошедших от турецкой ментальности, культуры и языка. Притеснение курдов в Иране, начавшееся при шахском режиме, имеет свое продолжение в настоящее время. Курдское население Ирана испытывает к себе отношение дискриминационного характера, связанное с трудоустройством, правом на обучение на родном языке, на поступление в высшие учебные заведения страны и т. д. [Тараби, 1997]. И если в Иране противодействие подобным явлениям не имеет широкой поддержки и данный вопрос находится в статичном положении — в Ираке, напротив, народное движение курдов обрело мощный и повсеместный характер.

На протяжении всего XX века с момента окончания Первой мировой войны курдский вопрос использовался разными странами для обеспечения своих собственных национальных интересов [Вертяев, Иванов, 2015: 141]. Исторический Курдистан располо-

жен крайне невыгодно с точки зрения соседствующих стран: у заинтересованных игроков всегда есть возможность повлиять на внутреннюю стабильность путем оказания помощи курдскому сопротивлению в Турции, Иране, Ираке и Сирии. Сущность подобного способа состоит в том, что курдский вопрос представляет собой угрозу в дестабилизации всего региона; тот, кто успешно разыграет «курдскую карту», может установить дальнейший вектор развития всех политических процессов на Ближнем Востоке в нужном для него направлении.

Великие державы часто используют фактор нацменьшинства с целью дестабилизации внутривосточной обстановки. Курды же представляют собой данный фактор сразу в четырех странах Ближнего Востока. Свидетельства использования Советским Союзом «курдского вопроса» в своей внешней политике на Ближнем Востоке находят свое отражение в давлении на Турцию и Иран для обеспечения безопасности своих южных рубежей, а также в теплых отношениях, выстраиваемых советским руководством с лидерами курдского национального движения.

С распадом Советского Союза и переходом мироустройства в однополярную геополитическую систему, гегемоном которой стали Соединенные Штаты Америки, поддержка и координирование действий курдского сопротивления в большей степени перешли в русло американской политики на Ближнем Востоке.

Крайне агрессивные меры по отношению к курдам в Ираке, сопровождаемые в том числе и депортацией курдского населения с мест его исторического пребывания, привели к гражданской войне. Вследствие этого, опираясь на помощь США, лидеры курдских общин сумели своевременно реализовать свои планы и создать организованное сопротивление правящему режиму. Воспользовавшись нестабильностью в стране, они в скором времени объявили о своих правах на самоопределение, а на следующих этапах утвердили свое право на широкую автономию.

Американское вмешательство служило своего рода поддержкой курдскому меньшинству, но, безусловно, сыграло на руку и самим американцам в борьбе против режима Саддама Хуссейна и последующем контроле над всей территорией страны [Вертяев, Иванов, 2015: 285—287]. Также приобретение нового союзника

в регионе в лице де-факто независимого и относительно стабильного Курдистана значительно усилило позиции США на Ближнем Востоке.

В этом и заключается сущность «курдского вопроса» как геополитического инструмента внешней политики иностранных государств, направленной на ослабление той или иной страны, имеющей в большей или меньшей степени проблему курдского сепаратизма. Внешний фактор в вопросе курдского самоопределения является одним из ключевых.

Сирийские курды предъявляют претензии на широкие автономные права в областях их компактного проживания на севере Сирии, образовав Республику Рожаву [Там же: 328—329]. Данная идея, выдвигаемая партией Демократического Союза, подогревается соседним Иракским Курдистаном. Однако на сегодняшний день фактическая автономия Рожавы уже почти утрачена в результате действий нового правительства Сирии. Российская Федерация также старается установить конструктивные взаимоотношения с курдами для урегулирования сирийского кризиса, обострившегося с конца 2024 года в результате свержения Башара Асада.

Взгляды ближневосточных исследователей на курдскую проблему

1. Исмаил Бешикчи и концепция «международной колонии»

Исмаил Бешикчи — первый социолог в современной Турции, который проанализировал угнетение курдов с помощью концепции «международной колонии» [Duruz, 2020]. В последние годы И. Бешикчи пользуется уважением среди своих сверстников и молодого поколения интеллектуалов в Турции и за ее пределами, которые все чаще обращаются к опыту колониализма в своем анализе жизни и мира курдского народа [Van Bruinessen, 2005; Değer, Ünlü, 2011].

И. Бешикчи впервые проанализировал Северный Курдистан как внутреннюю колонию Турции в 1980-х годах, а затем расширил свой анализ на Курдистан как международную колонию Турции, Ирана, Ирака и Сирии. Он заявил, что такую международную

колонию не следует рассматривать как совокупность колониальных структур, поскольку ее международный характер качественно изменил содержание колонизации.

По его мнению, разделенный характер политического господства над курдами был одновременно причиной и следствием различных отношений сил на международной арене. В то время как в большинстве случаев антиколониальной национально-освободительной борьбы колонизированным народам приходилось бороться против одного государства, в Курдистане борьба ведется против четырех государств, каждое из которых имеет свои интересы на международной арене.

Определению классической колонии присущи ее пространственные характеристики, а именно ее территориальное единство в пределах обозначенных границ. Говоря о колонизации Африки, И. Бешикчи называет Берлинскую конференцию 1885 года ключевой вехой, на которой были определены границы африканских колоний. В отличие от африканских колоний, Курдистан никогда не видел образования такой территории:

«Даже в Южном Курдистане, Региональном правительстве Курдистана [в Ираке], это федерация, но мы не знаем, где именно проходят границы. Это ваша территория, там будет царить ваша власть, но где? Это вопрос установления границ, поэтому мы говорим, что Курдистан даже не колония, поскольку колонии установили границы» [Beşikçi, 2018: 169—170].

Подобно анализу колонизации Алжира Францем Фаноном, концепция И. Бешикчи вышла за рамки материальной эксплуатации, политического доминирования и государственного насилия в отношении курдов, чтобы также подчеркнуть влияние унижения и стыда на личность колонизированных людей. Именно этот опыт привел к тому, что курдское движение озвучило коллективные символические требования, такие как честь и достоинство, и мобилизовало их в курдском политическом сознании:

«Нация, имя которой было запрещено. Нация, честь которой узурпирована, нация, чье самопредательство было облегчено, нация униженная. Курды не только осознали, в каком состоянии они находятся и какой статус они считают подходящим для себя. Они также начали стыдиться своего рабства. В этом случае они

должны исправить ситуацию. Им нужно найти способ жить достойно. Нынешняя борьба — это борьба за равенство со всеми нациями и народами» [Beşikci, 1998: 89—90]. И. Бешикчи утверждал, что коллективные аффективные состояния радости, печали и гордости не только были важны для пробуждения курдского народа, но также были мобилизованы для построения турецкой нации как этнически однородной группы. Отрицание расизма является основным столпом субъективности турецкого колонизатора, который поддерживает идею равного гражданства и инклюзивного гражданского сообщества, одновременно утверждая превосходство турецкости.

И. Бешикчи выявил особенности дискурсивного формирования отрицания, специфичные для турецкого расизма. Он утверждал, что замена слова «курдский» фразой «курдского происхождения» является центральным символическим элементом расизма, свойственного турецкой официальной идеологии. Фраза «курдского происхождения» представляет собой специфический дискурсивный прием, сводящий этническую идентичность к истокам в прошлом, от которого, согласно официальной идеологии, можно и нужно отказаться. «В Турции человек “курдского происхождения”, отрицающий свою идентичность, становится турком, ведет пропаганду турецкого национализма и может добиться всего. В этом нет никаких сомнений, но это не равенство. Это значит поработить это общество, разрушить его, способствовать его самопредательству, унижить нацию и ее народ. По мнению профессоров турецких университетов, турецкой прессы, турецких дипломатов и турецких писателей, это “равенство”» [Ibid.].

Расизм этой официальной идеологии воспроизводили не только правые турецкие националисты, но также турецкая и курдская интеллигенция. Более того, как это обычно бывает в колонизированных обществах, многие курды из высшего класса (наряду с некоторыми курдскими интеллектуалами, бюрократами и государственными служащими) заключали союзы с последующими турецкими правительствами, воспроизводили стереотипы, связанные с «курдством», и пытались стереть его из своей идентичности.

Исмаил Бешихчи неоднократно заявлял о том, что экономическая отсталость курдских регионов является результатом целенаправленной политики со стороны Турции. Этот вопрос ученый

поднимает в своих ранних трудах «Изменения и интеграция в Восточной Анатолии» (1971), и «Восточная Анатолия: Опыт колониализма» (1972). И. Бешихчи заострял внимание на том, что богатые ресурсы Восточной Анатолии перераспределяются центром не в пользу курдов [Beşikci, 1972]. Так, Бешихчи отмечает, что правительство Турции целенаправленно маргинализировало курдов путем сокращения финансирования региона до минимума. В работе «Kürt Sorunu ve Soykırım» («Курдский вопрос и геноцид») ученый прямо заявляет о том, что турецкое правительство сознательно пошло на так называемой культурный геноцид курдского населения, ссылаясь на официальную турецкую историографию, отрицающую сам факт существования курдов как самостоятельной нации [Beşikci, 2018]. Также в данном труде ученый отмечал, что официальные власти страны сознательно продвигали идею о «горных турках», таким способом пытаясь полностью избавиться от понятия «курд» в своей национальной политике. Именно в данном тексте И. Бешихчи заостряет внимание на том, что отрицание курдской идентичности является не только отказом признать существующее положение дел, но и является оскорблением по отношению к столь многочисленному народу.

И. Бешихчи предлагает рассматривать курдскую проблему с геополитической точки зрения, выдвигая мысль о том, что курдский народ стал жертвой колониальных амбиций других государств Ближнего Востока. Он отмечает, что такие державы, как Иран, Турция и Ирак, сознательно «навязав» курдам колониальные границы, серьезным образом накалили обстановку в регионе.

В качестве силы, способной изменить ситуацию в пользу курдского народа, И. Бешихчи выделяет интеллигенцию. Так, в «Kürt Milliyetçiliği ve Kürt Aydınları» ученый призывает курдскую интеллигенцию к активному участию в политической жизни региона. Также И. Бешихчи обращает внимание на пассивность образованной прослойки населения [Beşikci, 1998], от которой, по мнению автора, во многом зависит отношение к проблеме данного народа как внутри стран с курдскими анклавами, так и всего мирового сообщества.

Пути решения курдского вопроса автором излагаются в работе «Türkiye’de Kürt Sorunu ve Çözüm Yolları» («Курдская проблема в Турции и пути ее решения»). В ней Исмаил Бешихчи

призывает мир к признанию стремления курдов к самоопределению, а страны с курдскими анклавами — к признанию культурных и политических прав народа [Beşikci, 2002].

Хотя в последние несколько лет возросло внимание к колониальному характеру военной оккупации и управления Курдистаном, расизм и колониализм часто рассматриваются как устаревшие парадигмы левых 1970-х годов, а тех, кто поднимает такие вопросы, воспринимают как чрезмерно политизированных и недостаточно академичных. Те немногие ученые, которые обсуждают расизм, также напрямую ссылаются на проведенный Бешикчи анализ расизма и субъективности турецких колонизаторов.

2. Хавре Хасан Хама и вопрос курдской безопасности на Ближнем Востоке

Хавре Хасан Хама, преподаватель Сулейманского университета (Ирак), директор программы исследований безопасности в Центре исследования конфликтов и кризисов Курдистана, рассматривает курдскую проблему с позиций и концепций двух школ международных отношений — английской и копенгагенской.

Он отмечает, что безопасность курдской нации на Ближнем Востоке на протяжении последнего столетия находилась под угрозой со стороны каждого из четырех государств, принимающих их. Турция, Ирак, Иран и Сирия пытались укрепить безопасность турок, персов и арабов за счет безопасности курдов. Каждое из этих национальных государств пыталось управлять многообразием в своих государствах посредством стратегии ассимиляции курдов с целью создания единого национального государства.

В реалистической теории международных отношений, ориентированной на государство, курды не рассматриваются как отдельный субъект безопасности, поскольку у курдов нет собственного суверенного государства. Вместо этого реализм принимает во внимание только четыре государства, принимающие курдское население, в качестве субъектов международной безопасности. Этой старой реалистической теории противостоит копенгагенская школа мысли, которая предполагает, что, помимо суверенных государств, существуют также национальные, культурные и сектант-

ские группы, которые можно рассматривать как субъекты безопасности в международных отношениях, поскольку эти группировки имеют четкую идентичность, требующую защиты.

Копенгагенская школа международных отношений утверждает, что, если бы эти группы утратили свою идентичность, они бы прекратили свое существование. Основываясь на данной гипотезе, поскольку курды имеют свою собственную идентичность на Ближнем Востоке, их можно рассматривать как отдельного субъекта безопасности, чьи требования безопасности отличаются от требований принимающих их государств.

Точно так же, как государства, на территориях которых проживают курды, пытаются сохранить свой суверенитет, сами курды пытаются защитить свою национальную идентичность. Копенгагенская школа утверждает, что только в контексте модели демократического федеративного государства курды каждого из этих государств могут чувствовать себя в мире и безопасности. Напротив, любая централистская модель внутри этих национальных государств представляет собой прямую угрозу безопасности курдской нации [Нама, 2020].

Английская школа международных отношений находится между либеральной и реалистической парадигмами. Благодаря таким понятиям, как *международное сообщество*, *международные институты*, *порядок и справедливость*, эта школа внесла значительный вклад в понимание международных отношений академическими кругами.

Получив представление об идеях и мыслях, представленных английской школой, Хавре Хасан Хама применил свои идеи к курдам на Ближнем Востоке и пришел к выводу, что курды не рассматриваются в составе членов международного сообщества, поскольку только суверенные государства имеют привилегию быть его равноправными членами. Как результат, международное сообщество пожертвовало курдскими интересами и стремлением к независимости в пользу территориальной целостности суверенных государств, в которых проживает курдское население регионов.

Другими словами, международное сообщество всегда обращалось с курдами таким образом, чтобы сохранять порядок в международном сообществе, а не посредством правосудия.

Чтобы добиться этого, международное сообщество часто закрывало глаза на акты угнетения, совершаемые против курдского населения.

В работе «The securitization and de-securitization of Kurdish societal security in Turkey, Iraq, Iran, and Syria» Хавре Хасан Хама, как и Исмаил Бешихчи, приходит к выводу о том, что внутренняя политика стран Ближнего Востока сводится к нарративам, оправдывающим угнетение курдского народа [Hama, 2020: 35—40]. По мнению автора, государства, созданные на обломках Османской империи, не обращали должного внимания на курдскую проблему, вследствие чего курды маргинализировались. Также Х. Хама обращает внимание на то, что границы, проведенные колониальными державами, совершенно не учитывали проблемы этнических меньшинств, в частности курдов. Хама выделяет глобализацию как вспомогательный элемент для объединения курдских сил внутри региона. Также он отмечает, что курды начинают оказывать влияние на международные организации. Таким образом, курдская диаспора становится важным актором политической составляющей Ближнего Востока. Автор отмечает, что, несмотря на это, капиталистическая система не дает курдам в полной мере заявить о своих правах, так как всё сильнее становится актуальной проблема неравенства людей. В данном контексте стоит отметить, что курдские регионы, зависящие от центральной власти, зачастую не получают финансирование в должном объеме, что еще сильнее усугубляет указанную проблему.

Хавре Хасан Хама уделяет внимание международному праву и сетует на то, что правовые нормы в отношении курдов по большей степени не работают. Автор критикует международное сообщество за его неспособность встать на защиту местного населения. Международное право встает на сторону ведущих мировых держав, не учитывая интересов меньшинства, коим, безусловно, и являются курды.

Анализируя будущее курдского народа, Х. Х. Хама призывает к децентрализации власти в государствах с курдскими анклавами, а также к предоставлению народу автономных прав. Рассмотрев различные формы территориального устройства и способность

их влиять на соблюдение прав меньшинств, он выделяет федерализм и конфедерализм как варианты решения проблемы угнетения по национальному признаку в странах Ближнего Востока.

На протяжении более столетия международное сообщество обращалось с курдами Ближнего Востока, руководствуясь принципом порядка, продолжая поддерживать первоначальные международные договоры, которые разделили курдский народ и территорию против их воли между национальными государствами Турции, Ирана, Ирака и Сирии. Следовательно, до тех пор, пока эти государства занимают позиции против курдской независимости в регионе, и до тех пор, пока международное сообщество занимается курдским вопросом на основе принципа порядка, курды будут оставаться апатридами. При этом можно найти компромисс между принципами порядка и справедливости, если брать за основу пример Иракского Курдистана. Другие части курдского народа могут последовать этой модели и добиться полуавтономии, в то время как принимающие их государства сохранят свой суверенитет [Ната, 2021].

Заключение

Проведенный анализ интерпретаций курдской проблемы в трудах Исмаила Бешикчи и Хавре Хасана Хамы позволил выявить как общие закономерности, так и существенные различия в подходах, обусловленные спецификой турецкого и иракского контекстов. Оба ученых сходятся в том, что корни конфликта лежат в колониальном разделе Курдистана после Первой мировой войны и последующей политике централизованных государств, направленной на подавление курдской идентичности. Однако их предложения по решению проблемы отражают разные стратегии, связанные с политическими реалиями их стран.

Для И. Бешикчи, чьи работы формировались в условиях жесткой турецкой цензуры и репрессий против курдов, ключевым становится вопрос деконструкции официальных мифов о «единой нации». Он демонстрирует, как турецкое государство, унаследовавшее кемалистскую доктрину, системно стирало курдскую культуру через запрет языка, насильственную ассимиляцию и отрицание исторической памяти. Его выводы подчеркивают, что стабильность в Турции невозможна без признания многокультурной природы

общества и предоставления курдам прав на образование, СМИ и политическое представительство. При этом И. Бешикчи избегает прямых призывов к сепаратизму, акцентируя необходимость диалога в рамках существующих государственных границ, но с радикальным пересмотром конституционных основ.

Хавре Хасан Хама, напротив, рассматривает курдский вопрос через призму постконфликтного государственного строительства в Ираке. Его анализ показывает, что федерализм, закрепленный в конституции 2005 года, стал компромиссом между курдскими требованиями автономии и страхами Багдада перед распадом страны. Однако, как отмечает Х. Хама, иракская модель остается хрупкой из-за противоречий в распределении нефтяных ресурсов, вмешательства региональных акторов (Турция, Иран) и внутренней борьбы между курдскими партиями. Ученый настаивает на необходимости институционализации диалога между Эрбилем и Багдадом, а также на расширении роли международного сообщества в гарантиях прав курдов. В отличие от И. Бешикчи, он не ставит под сомнение сам принцип единства Ирака, но предлагает трансформировать его в подлинно плюралистическое государство.

Важным выводом исследования стало подтверждение тезиса о том, что академический дискурс неотделим от политического контекста. Работы И. Бешикчи, написанные «изнутри» турецкой системы, носят характер интеллектуального сопротивления, разоблачая насилие государства через личные свидетельства. Х. Хама же, будучи частью иракского политического истеблишмента, стремится к прагматизму, балансируя между защитой курдских интересов и поиском консенсуса с арабским большинством. Это различие подчеркивает, что даже в рамках одного этнического вопроса исследователи могут занимать принципиально разные позиции — от радикальной критики государства до умеренного реформизма.

Ключевым вкладом статьи стало также преодоление стереотипов о «монолитности» курдской проблемы. Сравнительный анализ демонстрирует, что вызовы, стоящие перед курдами Турции и Ирака, имеют разную природу: в первом случае это борьба за базовое признание идентичности, во втором — конфликты вокруг ресурсов и полномочий в полуфедеративной системе. Это ставит

под сомнение универсальность рецептов, предлагаемых международным сообществом, и требует разработки дифференцированных подходов.

Наконец, исследование подтверждает, что труды ближневосточных ученых, таких как И. Бешикчи и Х. Хама, выступают мостом между локальным опытом и глобальной теорией. Их идеи, оставаясь укорененными в конкретных историко-культурных условиях, вносят вклад в общественные науки, предлагая альтернативы евроцентричным моделям национализма и федерализма. В частности, хамовская концепция «асимметричного федерализма» может быть адаптирована к другим конфликтам, а критический метод И. Бешикчи — использован для анализа подавления меньшинств в авторитарных режимах.

Статья подчеркивает, что курдский вопрос остается не столько «проблемой сепаратизма», сколько кризисом модели национального государства на Ближнем Востоке. Его разрешение требует не только политических реформ, но и пересмотра философских основ — перехода от гомогенизирующего национализма к идеям многообразия и полицентризма. Работы И. Бешикчи и Х. Хамы, при всех их различиях, указывают путь к такому переосмыслению.

Список источников

- Барави М. В., Кретов А. Д., Тарасова Д. А.* Этнический Курдистан в контексте геополитики XXI века // Конфликтология / nota bene. 2024. № 1. С. 1—11. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.1.69609.
- Вертяев К. В., Иванов С. М.* Курдский национализм: история и современность. М.: ЛЕНАД, 2015. 352 с.
- Ганиев Т. А., Карякин В. В.* Курдский фактор и его роль в формировании геополитической обстановки на Ближнем Востоке // Архонт. 2018. № 2 (5). С. 4—13.
- Каримов Ф. Э.* Проблема этнических курдов в Ближневосточном регионе: история возникновения и эволюция // Россия и мусульманский мир. 2020. № 3 (317). С. 65—71. DOI: 10.31249/rimm/2020.03.06.
- Маковская Д. В.* Курдский вопрос: истоки и перспективы // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 5 С. 50—55. DOI: 10.24158/per.2023.5.7.

- Рыжов И. В., Барави М. В., Петрунин А. С., Рогожина Е. М.* Специфика политизации и радикализации курдского национально-освободительного движения на Ближнем Востоке // *Мировая политика*. 2024. № 2. С. 28—43. DOI: 10.25136/2409-8671.2024.1.70209.
- Соловых А. Д.* Международно-правовая оценка права курдов на самоопределение // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2014. № 23. С. 164—173.
- Тараби Б.* Тайная война Ирана против Курдов // *Аль-Араб*. 1997. 16 апреля.
- Beşikci İ.* *Doğu Anadolu: Sömürge Deneyimi*. Ankara: E Yayınları, 1972. P. 150—180.
- Beşikci İ.* *Kürt Milliyetçiliği ve Kürt Aydınları*. İstanbul: Veli Yayınları, 1998. 127 p.
- Beşikci İ.* *Türkiye’de Kürt Sorunu ve Çözüm Yolları*. İstanbul: İletişim Yayınları, 2002. 237 p.
- Beşikci İ.* *Kürt Sorunu ve Soykırım*. İstanbul: Avesta Yayınları, 2018. 416 p.
- Değer O., Ünlü B.* *İsmail Beşikci. İletişim*. İstanbul: İletişim Yayınları, 2011. 616 p.
- Duruiz D.* Tracing the Conceptual Genealogy of Kurdistan as International Colony // *Middle East Research and Information Project*. 2020. № 295. URL: <https://merip.org/2020/08/tracing-the-conceptual-genealogy-of-kurdistan-as-international-colony/> (дата обращения: 20.03.2025).
- Hama, H. H.* The securitization and de-securitization of Kurdish societal security in Turkey, Iraq, Iran, and Syria // *World Affairs*. 2020b. № 183 (4). P. 291—314. URL: <https://www.jstor.org/stable/27066256> (дата обращения: 23.03.2025).
- Hama H. H.* The Kurdish issue in The Middle East // *Kurdistan Conflict and Crisis Research Center (KCCRC)*. 2021. URL: <https://www.kurdistan.com/EN/details.aspx?jicare=1133> (дата обращения: 23.03.2025).
- Van Bruinessen M.* Ismail Beşikci: Turkish Sociologist, Critic of Kemalism, and Kurdologist // *The Journal of Kurdish Studies*. 2005. № 5. P. 19—34.

References

- Baravi, M. V., Kretov, A. D. and Tarasova, D.A. (2024), ‘Ethnic Kurdistan in the context of geopolitics of the XXI century’, *Konfliktologija / nota bene* [Conflictology / nota bene], no. 1: 1—11, doi: 10.7256/2454-0617.2024.1.69609.
- Beşikci, İ. (1972), *Doğu Anadolu: Sömürge Deneyimi*, E Yayınları, Ankara, Turkey.

- Beşikci, İ. (1998), *Kürt Milliyetçiliği ve Kürt Aydınları*, Veli Yayınları, İstanbul, Turkey. 127 p.
- Beşikci, İ. (2002), *Türkiye’de Kürt Sorunu ve Çözüm Yolları*, İletişim Yayınları, İstanbul, Turkey.
- Beşikci, İ. (2018), *Kürt Sorunu ve Soykırım*, Avesta Yayınları, İstanbul, Turkey.
- Değer, O. and Ünlü, B. (2011), *İsmail Beşikci. İletişim*, İletişim Yayınları, İstanbul, Turkey.
- Duruiz, D. (2020), Tracing the Conceptual Genealogy of Kurdistan as International Colony, *Middle East Research and Information Project*, no. 295, available at: <https://merip.org/2020/08/tracing-the-conceptual-genealogy-of-kurdistan-as-international-colony/> (accessed 20 March 2025).
- Ganiev, T. A. and Karyakin, V. V. (2018), ‘The Kurdish factor and its role in shaping the geopolitical situation in the Middle East’, *Arkhont [Archons]*, no. 2 (5): 4—13.
- Hama, H. H. (2020). The securitization and de-securitization of Kurdish societal security in Turkey, Iraq, Iran, and Syria, *World Affairs*, 183 (4): 291–314, available at: <https://www.jstor.org/stable/27066256> (accessed: 23 March 2025).
- Hama, H. H. (2021), The Kurdish issue in The Middle East, *Kurdistan Conflict and Crisis Research Center (KCCRC)*, available at: <https://www.kurdistanccrc.com/EN/details.aspx?jimare=1133> (accessed 23 March 2025).
- Karimov, F. E. (2020), ‘The problem of ethnic Kurds in the Middle East region: history of emergence and evolution’, *Rossii i musul'manskii mir [Russia and the Muslim World]*, no. 3 (317): 65—71, doi: 10.31249/rimm/2020.03.06.
- Makovskaya, D. V. (2023), ‘The Kurdish question: origins and prospects’, *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo [Society: politics, economics, law]*, no. 5: 50—55, doi: 10.24158/pep.2023.5.7.
- Ryzhov, I. V., Baravi, M. V., Petrunin, A. S. and Rogozhina, E. M. (2024), ‘Specifics of politicisation and radicalisation of the Kurdish national liberation movement in the Middle East’, *Mirovaia politika [World Politics]*, no. 2: 28—43, doi: 10.25136/2409-8671.2024.1.70209.
- Solovykh, A. D. (2014), ‘International legal assessment of the Kurds' right to self-determination’, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvistikheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences]*, no. 23: 164—173.
- Tarabi, B. (1997), ‘Iran’s secret war against the Kurds, *Al'-Arab*, 16 April.
- Van Bruinessen, M. (2005), Ismail Beşikci: Turkish Sociologist, Critic of Kemalism, and Kurdologist, *The Journal of Kurdish Studies*, no. 5: 19—34.

Vertiaev, K. V., Ivanov, S. M. (2015), *Kurdskii natsionalizm: istoriia i sovremennost'* [Kurdish nationalism: history and modernity], LENAD, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 12.04.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 29.05.2025.

The article was submitted 12.04.2025; approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 29.05.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

А. И. Дубинин — соискатель кафедры истории и политики России, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

A. I. Dubinin — post-graduate student of the Department of History and Politics of Russia, Institute of International Relations and World History, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

Д. Д. Ионов — магистр политологии, документовед кафедры истории и политики России, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

D. D. Ionov — Master's degree in Political Science, Document Specialist of the Department of History and Politics of Russia, Institute of International Relations and World History, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

И. В. Рыжов — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и политики России, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

I. V. Ryzhov — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Politics of Russia, Institute of International Relations and World History, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 183—192.
Intelligentsia and the World. 2026. No. 1. P. 183—192.

Научная статья
УДК 323.329
EDN <https://elibrary.ru/yrszre>
DOI: 10.46725/IW.2026.1.9

Научная специальность ВАК
5.6.5. Историография, источниковедение,
методы исторического исследования

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА: ОПЫТ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, ПРОБЛЕМЫ

Анастасия Павловна Анисимова

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
withluvprod@gmail.com, SPIN-код: 7491-6163,
<https://orcid.org/0000-0003-0501-6899>

Владимир Вячеславович Комиссаров

Верхневолжский государственный агробиотехнологический
университет, Иваново, Россия, cosh-kin@mail.ru, SPIN-код: 4674-4432,
<https://orcid.org/0000-0003-2769-1860>

Аннотация. Статья представляет собой обзор трудов XXXV Международной научно-теоретической конференции интеллигентоведов «Интеллигенция и интеллектуалы на защите Отечества», проходившей в Ивановском государственном университете 2 и 3 октября 2025 года. В статье рассматривается работа пленарного заседания и отдельных секций конференции, выделяются наиболее актуальные проблемы и их научные интерпретации участниками конференции.

Авторы также высказывают свои соображения об основных итогах научных дискуссий участников конференции. Подчеркивается проблемный характер большинства выступлений, их актуальность. Отмечается, что многие доклады вызвали вопросы и стали поводом для дискуссий.

Ключевые слова: интеллигенция, патриотизм, защита Отечества, XXXV Международная научно-теоретическая конференция «Интеллигенция и интеллектуалы на защите Отечества»

Для цитирования: Анисимова А. П., Комиссаров В. В. Интеллигенция на защите Отечества: опыт, противоречия, проблемы // Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 183—192.

Original article

INTELLIGENTSIA IN DEFENSE OF THE FATHERLAND: EXPERIENCE, CONTRADICTIONS, PROBLEMS

Anastasia P. Anisimova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, withluprod@gmail.com,
SPIN-код: 7491-6163, <https://orcid.org/0000-0003-0501-6899>

Vladimir V. Komissarov

Upper Volga State Agrobiotechnological University, Ivanovo, Russia,
cosh-kin@mail.ru, SPIN-код: 4674-4432,
<https://orcid.org/0000-0003-2769-1860>

Abstract. This article is a review of the proceedings of the XXXV International Scientific and Theoretical Conference of Intelligentsia Scholars, "The Intelligentsia and Intellectuals in Defense of the Fatherland," held at Ivanovo State University on October 2 and 3, 2025. The article examines the work of the plenary session and individual sections of the conference, highlighting the most pressing issues and their scholarly interpretations by conference participants. The authors also offer their thoughts on the main outcomes of the conference participants' scholarly discussions. The problematic nature of most speeches and their relevance are emphasized. It is noted that many of the reports raised questions and became the reason for discussions.

Keywords: intelligentsia, patriotism, defense of the Fatherland, XXXV International Scientific and Theoretical Conference "Intelligentsia and intellectuals in defense of the Fatherland"

For citation: Anisimova, A. P. and Komissarov, V. V. (2026), 'Intelligentsia in Defense of the Fatherland: experience, contradictions, problems', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 183—192 (in Russ.).

2 и 3 октября 2025 года в Ивановском государственном университете состоялась XXXV Международная научно-теоретическая конференция интеллигентоведов. Совершенно естественно, что в год 80-летия Победы она имела название «Интеллигенция и интеллектуалы на защите Отечества». В данном отношении этот известный научный форум продолжил многолетние традиции интеллигентоведения в ИвГУ, заложенные заслуженным работником высшей школы РФ В. С. Меметовым.

В 2025 г. конференция прошла по традиционному сценарию работы. В первый день ее заседания состоялись в стенах Ивановского государственного университета, а во второй день участники форума совершили поездку в Плес.

Научное собрание 2025 года было в очередной раз подготовлено Научно-образовательным центром ИвГУ «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории и политике», а также редколлекцией журнала «Интеллигенция и мир» под руководством доктора исторических наук, профессора ИвГУ Василия Львовича Черноперова. В этом году в организации конференции также участвовали Ивановский государственный университет, Ивановская городская Дума и Государственный архив Ивановской области.

В 2025 г. конференция в ИвГУ собрала более 60 ученых из ведущих научных и образовательных центров интеллигентоведения России — Иванова, Москвы, Воронежа, Екатеринбурга, Иркутска, Кемерово, Костромы, Новосибирска, Перми, Санкт-Петербурга, Саратова, Тулы, Ульяновска, Шуи, Челябинска, Липецкой области, Ростовской области, а также из Белоруссии, Узбекистана и Черногории.

Пленарное заседание открыла проректор ИвГУ по исследовательской и проектной деятельности, кандидат социологических наук, доцент Инна Николаевна Смирнова. В своем слове она подчеркнула значимость конференции и пожелала успехов ее участникам в их трудах. Затем с приветствием к участникам конференции выступил доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научно-исследовательской деятельности Института гуманитарных наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Владимир Михайлович Тюленев. Он поделился с собравшимися своими размышлениями по поводу значения Отечества для интеллигента и поиска смысла самого этого феномена.

Первым доклад на пленарном заседании сделал председатель Оргкомитета конференции доктор исторических наук, профессор ИвГУ Василий Львович Черноперов. Его выступление имело три содержательных части. В первой он полемизировал с авторами обзора прошлогодней интеллигентоведческой конференции в ИвГУ кандидатом исторических наук А. К. Калининым и доктором исторических наук С. М. Усмановым [Калинин, Усманов, 2025]. Василий Львович считает их характеристику «комплекса интеллигента» слишком язвительной, а оценку перспектив развития интеллигентоведения — чрезмерно пессимистичной. Во второй части выступления профессор В. Л. Черноперов подробно охарактеризовал научные достижения создателя ивановской школы интеллигентоведов Валерия Сергеевича Меметова, отметив целеустремленность, настойчивость и последовательность маститого ученого, его умелую работу с людьми. Наконец, в третьей части своего выступления профессор В. Л. Черноперов напомнил о необходимости вести научный поиск не только посредством анализа интеллектуального и культурного пространства, но и через сердечное созерцание. Он также выразил удовлетворение появлением новой генерации интеллигентоведов, некоторые из которых уже имеют научные публикации в рубрике «Дебют» журнала «Интеллигенция и мир», постоянно пополняющейся новыми именами.

Далее в режиме видеосвязи выступил член-корреспондент Академии наук Черногории, профессор Черногорского университета в Подгорице Сениша Елушич. Он сосредоточил внимание на

образе героя-интеллигента Виктора Штрума из романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Высоко оценивая роман советского писателя, известный черногорский ученый подчеркнул одно многозначительное обстоятельство: не будучи религиозным мыслителем, Василий Гроссман в трактовке мировой борьбы добра и зла, тоталитарной системы и творческой личности приходит, по сути, к глубоко духовному пониманию этой борьбы. В том числе и потому, что в романе получают очень многомерное истолкование такие понятия, как страх, совесть и смирение.

Следующим на пленарном заседании выступил доктор исторических наук, профессор ИвГУ Сергей Михайлович Усманов. Он говорил о проблеме «Интеллигенция и патриотизм» и не согласился с утверждениями о том, что интеллигенция — чуть ли не самая непатриотичная часть российского общества. В частности, выступающий вспомнил о русской интеллигенции в событиях 1917 г.: в то время как многие граждане России поддержали разрушительную деятельность большевиков, почти вся интеллигенция выступала за сохранение Российской государственности. С. М. Усманов также подчеркнул специфику интеллигентского патриотизма, опираясь на соображения философа Владимира Сергеевича Соловьева о том, что это — «тревожный патриотизм».

Очень тепло о своем учителе — фронтовике, профессоре — интеллигентоведе, организаторе науки Варлене Львовиче Соскине — говорил в своем выступлении по видеосвязи доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Академии наук Сергей Александрович Красильников. Ученый из Сибири использовал хорошо подготовленную презентацию с богатым фотоматериалом, иллюстрирующим жизненный путь Варлена Львовича Соскина.

Далее на пленарном заседании о сербских интеллектуалах, бывших основателями независимого Сербского государства в XIX столетии, говорил доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) Ярослав Валерианович Вишняков.

В докладе доктора исторических наук, профессора Костромского государственного университета Алексея Вячеславовича Зябликова речь шла о том, что современной российской

интеллигенции необходимо, наконец, «сломить в себе западничество». В качестве обоснования такой позиции профессор А. В. Зябликов использовал наследие священника Павла Флоренского и Василия Васильевича Розанова.

С большим интересом восприняли собравшиеся доклад-презентацию доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета Александра Ивановича Кубышкина «“Культурные войны” в США и Канаде: смена парадигмы». Александр Иванович много внимания уделил идейным дискуссиям в рамках университетского сообщества Северной Америки. Примечательно, что данная тематика получила продолжение уже на историческом материале в ходе секционных заседаний. Идеино-религиозным спорам в колледжах Новой Англии в XVII веке (Гарвард и Йель) посвятил свое выступление доктор исторических наук, профессор, преподаватель ИвГУ Владимир Александрович Евсеев. Его доклад был озвучен в ходе работы 2-й секции, о чем будет сказано ниже. Следует добавить, что профессор А. И. Кубышкин много лет назад работал в ИвГУ. Он хорошо знает свой родной город и произнес в кулуарах конференции прочувственное слово в адрес Ивановского государственного университета, где подчеркнул, что этот вуз — пусть внешне и не яркий, но настоящий университет.

В завершение пленарного заседания доктор исторических наук, профессор Елена Михайловна Раскатова и кандидат филологических наук, доцент Мария Алексеевна Миловзорова из Ивановского государственного университета представили презентацию проекта «Пусть помнят те, которых мы не знаем...», посвященную жизни и деятельности Ивановского пединститута в годы войны.

По окончании пленарного заседания работа конференции продолжилась в трех секциях. Первой из них — «Защита Отечества в самосознании и общественной практике интеллигенции» — руководили доктор исторических наук, профессор Ульяновского государственного педагогического университета Людмила Валерьевна Климович и доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий

университет) Алексей Николаевич Кураев. В рамках данной секции стоит выделить доклады Л. В. Климович «Вклад преподавателей вузов в формирование исторической памяти молодежи» и кандидата исторических наук, доцента Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета Владимира Александровича Порозова «Художественная интеллигенция России в городе трудовой доблести 1941—1945 гг.».

Модераторами второй секции — «Общие вопросы интеллигентоведения» — являлись доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета Ирина Валентиновна Купцова и кандидат философских наук, доцент Ивановского государственного университета Михаил Вячеславович Жульков. Данную секцию с полным основанием можно назвать междисциплинарной. Ее участники рассматривали феномен интеллигенции с позиций самых разных наук. Так, кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии и медицинской психологии Российского национального исследовательского университета имени Н. И. Пирогова (Москва) Борис Аркадьевич Воскресенский и его содокладчик, ассистент того же вуза Руслан Ильхомович Бегматов, подошли к проблемам интеллигентоведения с точки зрения психологии и говорили о структуре личности и различных формах организации психики человека. М. В. Жульков сообщил о философских аспектах изучения самосознания интеллигенции. В ряде выступлений рассматривались исторические вопросы деятельности интеллигентов и интеллектуалов. Например, в докладе доктора исторических наук, профессора Костромского государственного университета Андрея Михайловича Белова и аспиранта Андрея Николаевича Малинина анализировалось участие интеллигенции в кооперативном движении в начале XX века. Кандидат исторических наук, преподаватель Ивановского филиала Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова Тимур Артушевич Ковров продолжил экономический дискурс и доложил о результатах исследования истории создания отделения Государственного банка в Коломне. Ранее нами уже отмечался доклад В. А. Евсеева о становлении высшего образования в североамериканских колониях Англии в XVII веке.

Значительный интерес вызвал доклад профессора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктора исторических наук И. В. Купцовой «Ценности европейского модерна в мировоззрении художественной интеллигенции конца XIX — начала XX века». В поступивших после выступления вопросах и последовавшей мини-дискуссии красной нитью проходила мысль о несомненной связи между кризисом ценностей европейского модерна и цивилизационной трагедией Первой мировой войны, а также об очевидной актуальности данной темы в современных условиях, когда мир оказался перед очередным кризисным вызовом.

Не остались незатронутыми и проблемы педагогики высшей школы. Им было посвящено выступление кандидата психологических наук, доцента Ивановского государственного энергетического университета Натальи Рудольфовны Романовой. Она рассказала о своем опыте работы с современными студентами и о способах решения возникающих при этом проблем. Финалом работы секции стал полемичный доклад давнего участника Ивановских интеллигентоведческих конференций, кандидата физико-математических наук, доцента Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского Олега Владимировича Шимельфенига. Этот доклад был посвящен глобальным вызовам, которые ставит перед интеллигенцией современность.

Третьей секцией «Личность в интеллигентоведческом дискурсе и вызовы современного мира» руководил доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета Кирилл Евгеньевич Балдин. Его доклад «Зарубежные путешествия и формирование патриотизма по материалам путевых записок доктора А. В. Елисеева (1880-е гг.)» оказался здесь самым ярким и выразительным, тем более что автор продемонстрировал собравшимся иллюстрированные издания позапрошлого века о путешествиях главного героя повествования.

В письменном виде представили свои выступления участники из Белоруссии и Узбекистана. Профессор Ташкентского университета информационных технологий имени Мухаммада Аль-Хоразмий Г. Х. Мансурова и доцент ташкентского филиала

Российского государственного университета нефти и газа имени И. М. Губкина Ш. А. Намазова свое выступление посвятили трем известным ученым Узбекистана: заслуженному деятелю науки, профессору И. Д. Джалилову, заслуженному деятелю народного образования, профессору Д. Н. Намазову и заслуженному деятелю науки, профессору К. Х. Ханазарову. Основное внимание авторы обратили на их боевой путь и мужество, проявленное на полях сражений и в карьере ученых-фронтовиков. Также в письменной форме были представлены доклады доцента Белорусско-Российского университета в Могилеве А. А. Воробьева о генерале А. А. Брусилове и доцента ташкентского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова Б. А. Фармановой об участнике Великой Отечественной войны Турате Усарове. Тексты большинства докладов были опубликованы в сборнике материалов конференции общим объемом свыше 15 печатных листов [Интеллигенция и интеллектуалы, 2025].

3 октября участники конференции совершили поездку в Плес. Вновь на Соборной горе в одной из излюбленных гостями конференции беседок состоялся «кофе-брейк» с подробным обсуждением основных научных и житейских проблем. Конечно, не обошли своим вниманием собравшиеся и достопримечательностей Плеса. Затем участники конференции вернулись в ИвГУ, где подвели итоги двух дней работы и обсудили перспективную тематику интеллигентоведческих встреч на Ивановской земле.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что конференция интеллигентоведов в Ивановском государственном университете в 2025 г. во многом была успешной — и по содержательности многих выступлений, и по разнообразию их тематики. Можно также согласиться с председателем Оргкомитета конференции профессором В. Л. Черноперовым, что всё более многообещающими становятся достижения нового поколения интеллигентоведов. А это означает обнадеживающие перспективы на будущее.

Список источников

Интеллигенция и интеллектуалы на защите Отечества: материалы XXXV Междунар. науч.-теорет. конф., приуроч. к 80-летию победоносного завершения Великой Отечественной войны / отв.

ред. В. Л. Черноперов, Иваново, 2—3 октября 2025 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2025. 336 с.

Калинин А. К., Усманов С. М. «Комплекс интеллигента» в контексте университетской традиции // Интеллигенция и мир. 2025. № 1. С. 169—176. DOI: 10.46725/IW.2025.1.9.

References

- Chernoperov, V. L. (ed.) (2025), *Intelligentsiia i intellektualy na zashchite Otechestva: materialy XXXV Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, priurochennoi k 80-letiiu pobedonosnogo zaversheniia Velikoi Otechestvennoi voiny* [Intelligentsia and intellectuals defending of the Fatherland: proceedings of the XXXV International Scientific and Theoretical Conference dedicated to the 80th anniversary of the victorious end of the Great Patriotic War], Ivanovo, Russia, 2—3 October 2025, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo.
- Kalinin, A. K. and Usmanov, S. M. (2025), ‘"The complex of the intellectual" in the context of the university tradition’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 169—176, doi: 10.46725/IW.2025.1.9.

Статья поступила в редакцию 31.10.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 27.11.2025.

The article was submitted 31.10.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 27.11.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

А. П. Анисимова — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

A. P. Anisimova — Candidate of Sciences (History), Lecturer at the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

В. В. Комиссаров — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры агрономии и землеустройства, Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, Иваново, Россия.

V. V. Komissarov — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of Agronomy and Land Management, Upper Volga State Agrobiotechnological University, Ivanovo, Russia.

Информация для авторов

Information for authors

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com).

Реквизиты журнала ISSN 1993-3959

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41533

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

К публикации принимаются научные статьи, обзорные статьи, редакционные статьи, дискуссионные статьи, персоналии, редакторские заметки, рецензии на книгу, рецензии на статью, спектакль и т. п. Рекомендуемый объем статьи и обзоров 30—40 тыс. знаков (до 1 авторского листа), в исключительных случаях до 45 тыс. знаков. Объем сообщения примерно 20 тыс. знаков (0,5 авторского листа), редакторский заметки и рецензии 10—15 тыс. знаков. Материалы представляются в электронном виде в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14, через 1,5 интервала.

Требования к оформлению статей смотрите на сайте журнала «Интеллигенция и мир», раздел «Правила публикации» (<https://intelligentsia.ivanovo.ac.ru>).

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук
2026. № 1

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *Д. Л. Лакербай*
Технический редактор *И. С. Сибирева*

Дата выхода в свет 30.03.2026.
Формат 60 x 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 11,39. Уч.-изд. л. 10,0.
Тираж 100 экз. Заказ № 8. Цена свободная.

Адрес редакции: 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
Факс: +7(920) 672-03-68. E-mail: int_i_mir@mail.ru
Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Отпечатано в АО «Ивановский издательский дом»
✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Степанова, 5, литер А, А1-А7
☎ (4932) 30-32-37. E-mail: 301411@rambler.ru

Генезис

Формирование

Деятельность

Типология

Сущностные
черты

Представлены
основные направления
интеллигентоведения

Роль
в современном
обществе

*Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год*

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР